

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Слово главного редактора</i>	5
<i>Слово главного редактора серии</i>	7

ЛИНГВИСТИКА

Кольцова Л.М. Текстовая пунктуация в условиях изменения лингвистической парадигмы	8
Новикова О.В. Синтаксическая фразеологизация как средство создания экспрессивности речи	13
Лапынина Н.Н. Лингвистическая природа конструкций с компонентом <i>дело в том, что</i> и роль этого компонента в современных русских текстах.....	19
Воронова Т.А. К вопросу о лексикографическом описании контекстуальных значений	28
Ревякина Т.Л. Интертекстуальность как средство формирования семантики поэтического текста (на материале стихотворений О.Мандельштама)	32
Намакштанская И.Е. Ситуативное функционирование в произведениях Высоцкого и Гоголя эмоционально-экспрессивных средств выражения	39
Сычева Л.В. Иноязычные вкрапления в художественной прозе писателей первой-волны эмиграции (русское зарубежье)	44
Крючкова Т.М. Понятие экспрессивности в современной лингвистике	48
Хаустова Э.Д. Употребление устаревших наименований обуви в современном русском языке как пример проблемы «слова и вещи»	51

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКОВ

Суткевич А.А. Культура иноязычного речевого общения как средство формирования поликультурной компетентности студентов-политологов.....	58
Лукина Л.В. Пути интенсификации процесса обучения чтению английских специальных текстов в неязыковом вузе	61

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

Подвигина Н.Б. Национальные особенности традиций и праздников в произведении И.С.Шмелева «Лето Господне»	65
Палий О.В. Структура эллинского ЛМЦ книги стихов О.Мандельштама «Tristia» и традиционная картина мира	69
Безатосная О.М. Православные идеи в рассказе Б.Зайцева «Аграфена» как отражение культурной картины мира	79

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Копров В.Ю., Козюра Т.Н. О некоторых особенностях выражения субъектно-объектных отношений предложениями с глаголами восприятия и умственного действия в русском и французском языках	83
Туровская С.Ю. Фазовые конструкции с пропозиционными актантами	89
Шкунников В.А. Дистрибутивная множественность в русском и английском языках	93

КОНЦЕПТОЛОГИЯ

Панкина М.Ф. Моделирование как метод познания в лингвистике	98
Ковалева Л.В. Семантические процессы фразеологизации как отражение когнитивной деятельности	102
Коростылева Н.Н. Гендерные коммуникативные процессы: границы согласия	110
Петько Н.В. К вопросу становления когнитивной лингвистики: источники и этапы формирования	118
Журавлева Е.А. Семантическая структура лексем, представляющих концепт «душа» в русском и английском языках	122

Уважаемые читатели!

Предлагаемый вашему вниманию выпуск серии «Лингвистика и межкультурная коммуникация», подготовленный сотрудниками кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Воронежского государственного архитектурно-строительного университета, является первым изданием подобного рода, публикуемым в рамках научного вестника ВГАСУ за всю историю университета. Это свидетельствует о существенно возросшем потенциале ученых-гуманитариев вуза, о возрастании их роли в процессе формирования специалиста и гражданина и имеет теоретическое и практическое значение, которое трудно переоценить.

В системе наук, изучаемых в нашем техническом университете, безусловно, важнейшую культурологическую и воспитательную роль играет именно русский язык. Гуманизация и демократизация нашего общества, его духовное и культурное развитие, да и собственно успешное проведение социально-экономических реформ немыслимы без знания русского языка, культуры речи, языка делового общения. Процесс цивилизации, мирного сосуществования народов – это развитие системы знаний о человеке, обществе, основу которых составляет лингвокультурология: диалог культур, традиции и обычаи этносов, их нравственные ценности, воплощенные в языке. Их изучение столь же необходимо, как и изучение естественно-научных, технических или специальных практикоориентированных дисциплин.

Федеральный закон «Об образовании», провозглашая приоритетность данной сферы, устанавливает и принцип государственной политики в сфере образования. *Первый* из них – *гуманистический характер образования, приоритет общечеловеческих ценностей*. Поэтому главной задачей нашего университета считаю не *только подготовку высококвалифицированного специалиста, но и, в первую очередь, подготовку и воспитание личности, Человека с высоким гражданским самосознанием*.

XXI век – век постиндустриального общества, где любые трансформации в материальной, духовной сферах и в общественных отношениях в целом возможны лишь на основе изменения самих людей, ибо в реальной жизни только человек является творцом всего духовного и материального.

Не будем также забывать, что именно образование способствует всестороннему развитию личности, вырабатывает такие качества, как независимость, самоуважение, уверенность в себе, гибкость и толерантность в общении с людьми, уважение к историческим, этническим, эстетическим и культурным ценностям, постоянное наращивание интеллектуальных запросов. Оно делает человека более устойчивым ко все возрастающим требованиям в экономической и общественной жизни. Глубокое знание родного и иностранного языков расширяет не только представление о мире, о своеобразии культур, но и делает человека добрее, терпимее к представителям иных национальностей. Великий педагог К.Д. Ушинский писал: «В языке одухотворяется весь народ и вся Родина; в нем претворяются творческой силой народного духа в мысль и звук небо отчизны, ее воздух, физические явления, ее климат, ее поля, горы и долины, ее леса и реки, ее бури и грозы... Но в светлых, прозрачных глубинах народного языка отражается не одна природа родной отчизны, но и вся история духовной жизни народа».

Синтез технических и лингвокультурологических знаний и определяет основу образовательного и воспитательного процесса в вузе. Ученые всех направлений должны работать в единстве и органично дополнять друг друга. И

только тогда, сообщая, они смогут решить главную задачу высшей школы – подготовить всесторонне развитую личность.

В этой связи данная серия научного вестника ВГАСУ представляет значительный научный и практический интерес, так как в определенной мере способствует решению этой проблемы.

В предлагаемом вашему вниманию издании представлены исследования ученых как воронежских вузов (ВГАСУ, ВГУ, ВГПУ), так и украинских (Донецкая национальная архитектурно-строительная академия, Николаевский государственный гуманитарный университет) по широкому кругу актуальных проблем лингвистики. Интересны работы, посвященные исследованию текста, выявлению уровней смысла; интертекстуальности как свойству поэтического текста, изменению семантики слов в поэтическом контексте; эмоционально-экспрессивному плану тек-

ста. Рассматриваются и анализируются принципы отбора и функционального использования иноязычных вкраплений в русских оригинальных художественных текстах писателей русского зарубежья начала XX века; методические проблемы преподавания языков. Актуальны и статьи, посвященные лингвокультурологическим проблемам (анализ произведений И. Шмелева, О. Мандельштама и Б. Зайцева), и статьи, содержащие сравнительный анализ языков. Значительное количество работ посвящено новому и актуальному разделу языкознания – концептологии.

Надеюсь, что выпуск серии «Лингвистика и межкультурная коммуникация» станет регулярным и будет способствовать дальнейшему укреплению союза ученых и педагогов социально-гуманитарных, естественно-научных и технических дисциплин.

*Желаю дальнейших творческих успехов всем авторам и читателям данной серии!
С уважением, ректор ВГАСУ, профессор И. С. Суровцев.*

Вступительное слово редактора серии

Предлагаем вниманию читателей первый выпуск серии «Лингвистика и межкультурная коммуникация» научного вестника Воронежского государственного архитектурно-строительного университета, подготовленный к изданию кафедрой русского языка и межкультурной коммуникации международного факультета, в котором отражены теоретические и практические результаты современных лингвистических исследований.

Важным является тот факт, что авторы данного выпуска – доктора и кандидаты наук как воронежских вузов, так и вузов Украины (Николаевский Государственный Гуманитарный Университет им. П. Могилы, Донецкая национальная архитектурно-строительная академия), а также молодые ученые (аспиранты, соискатели ВГУ и ВГАСУ).

Настоящая серия состоит из пяти разделов: I - «Лингвистика», II - «Методика преподавания языков», III - «Лингвокультурология», IV – «Межкультурная коммуникация», V- «Концептология».

Раздел «Лингвистика» представляет статьи, в которых обсуждаются актуальные проблемы русского языка, его структуры, элементов, лексики (к.ф.н., доц. Хаустова Э.Д.), синтаксиса (к.ф.н., доц. Кольцова Л.М., к.ф.н., доц. Лапынина Н.Н.), а

также другие направления современной лингвистики.

Второй раздел - «Методика преподавания языков» - посвящен исследованию методических проблем преподавания русского и иностранных языков (доц. Лукина Л.В., ст. преп. Суткевич А.А.).

В третьем разделе - «Лингвокультурология» - опубликованы работы, предметом изучения которых являются актуальные вопросы языковой картины мира, роль национальных языковых факторов (ст. преп. Безатосная О.М., асс. Подвигина Н.Б.).

Четвертый раздел - «Межкультурная коммуникация» - представляет работы, охватывающие основные европейские языки. В них описываются национальные особенности языков и их влияние на межкультурное общение.

Пятый раздел - «Концептология» - представленный учеными (проф. Ковалевой Л.В., проф. Панкиной М.Ф., доц. Коростылевой Н.Н., ст. преп. Петько Н.В. и др.), посвящен изучению концептов, их структуры, а также анализу видов концептов.

Представленные в первом выпуске серии научные работы охватывают широкий спектр актуальных проблем современной лингвистики.

*Зав. кафедрой русского языка и межкультурной коммуникации,
д.ф.н., проф. Ковалева Л.В.*

ЛИНГВИСТИКА

УДК 801.561.72:808.2

Л.М. Кольцова

ТЕКСТОВАЯ ПУНКТУАЦИЯ В УСЛОВИЯХ ИЗМЕНЕНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ

В статье обосновывается необходимость исследования пунктуации как особой системы средств, способов и приемов организации текста. Предлагаемый подход базируется на теории, в которой пунктуация рассматривается как иерархическая система единиц (позиций, фигур, сценариев), организующая текст путем объединения, членения, выделения и развертывания языковых элементов. Текстовая пунктуация определяется как структурообразующий компонент в совместном действии элементов разных уровней.

В этом мире наша первая обязанность состоит в том, чтобы устраивать произвольные островки порядка и системы.

Н. Виннер

Пунктуация в сфере лингвистической науки – давно и многосторонне исследуемый предмет. В этой сфере сложились определенные направления, аспекты, подходы, наиболее разработанными из которых можно считать

– **исторический** (Белов К.И., Булах М.И., Гаевская Т.И., Иванова В.Ф., Копылова С.А., Михайлов А.В., Орехова Н.Н., Осипов Б.И., Попова Л.А., Смирнова Л.Г., Шаролапова Ю.А. и др.);

– **сопоставительный** (Ангелова И., Беглиев М., Назаров Р.Г., Жажа С., Карапетян Г.А., Коллегаева И.М.);

– **методический** (Абакумов С.И., Агейкин И.А., Бабайцева В.В., Блинов Г.И., Бондаренко С.М., Гац И.Ю., Граник Г.Г., Григорян Л.Т., Демидова А.Р., Дудников А.В., Конюкина Е.В., Ломизов А.Ф., Медведева Э.Э., Новикова Т.Ф., Сухотинская А.В. и др.);

– аспект изучения пунктуации с точки зрения **нормы и кодификации** (Баранов А.Н., Букчина Б.В., Былинский К.И., Валгина Н.Н., Гостеева С.А., Никольский Н.Н., Наумович А.Н., Руденко А.К.);

– **стилистический**, в котором можно выделить изучение пунктуации с позиций функциональной стилистики (Акимова Г.Н., Брагина А.А., Дзякович Е.В., Коньков В.И.) и исследования пунктуации в рамках

стилистики и поэтики художественной речи (Айзенштейн Е.О., Айхенвальд Ю., Береговская Э.М., Боровой Л., Бурнашева Н.И., Бухмейер К.К., Валгина Н.Н., Глухих В.М., Григорьев В.П., Еремина Л.И., Ефимов А.И., Жильцова В.В., Зубова Л.В., Карпенко И.Е., Ковтунова И.И., Кодухов В.И., Лотман Ю.М., Маркштейн Э., Шварцкопф Б.С. и мн. др.).

Исследования проводятся на базе тех положений, которые сложились в результате попыток теоретического осмысления пунктуации с разных точек зрения: формально-синтаксической, коммуникативно-синтаксической, функционально-стилистической (М.В.Ломоносов, А.А.Барсов, А.Х.Востоков, Е.Филомафитский, Н.И.Греч, А.Б.Шапиро, Б.С.Шварцкопф, Н.Л.Шубина и др.).

В последнее десятилетие XX века начинает активно складываться и развиваться новый аспект – **пунктуация текста** (Жильцова В.В., Жовтис А., Ключанов И.Э., Критская В.И., Месхишвили Н.В., Плисенко А.А., Плотников Б.А., Полторацкий А.И., Страхова В.С., Шварцкопф Б.С., Шубина Н.Л. и др.).

© Кольцова Л.М., 2006

Исследования, проведенные в этом направлении, все более убеждают в том, что пунктуация текста как особая **система знаков** позволяет выявить, понять и объяснить несколько уровней смысла, поскольку эта система дает возможность пишущему передать, а читающему – воспринять одновременное существование нескольких измерений текста.

Таким образом, в филологической науке, которую Г.О.Винокур определяет как «искусство чтения и мастерство понимания», в области познания, связанной с пониманием вообще, проблема интерпретации пунктуационно-графической организации текста занимает весьма важное место и требует нового осмысления. Это вызвано и тем фактом, что пунктуационно-графическая организация современного художественного текста усложнилась чрезвычайно как за счет увеличения средств, способов и приемов визуального «предъявления» смыслов, так и за счет изменения функций привычных знаков препинания, расширения возможностей варьирования и комбинаторики знаков.

Все это требует от человека пишущего и читающего особых знаний, умений, навыков и компетенции, к чему давно призывают мастера художественного слова: «...навык к художественному чтению необходим, как необходима перекоординация слуховых центров от трепака к Девятой симфонии» (А. Белый, 1988, с. 18).

Настоятельная потребность в создании современной **теории текстовой пунктуации** диктуется несколькими причинами, важнейшими из которых представляются следующие.

В первую очередь эта потребность обусловлена сменой лингвистической парадигмы и формированием в ее рамках новых направлений, теорий, идей, обладающих большей объяснительной силой для множества (кажущихся разрозненными и несистемными) языковых и речевых фактов, не получавших освещения или игнорируемых прежними концепциями пунктуации.

В сфере существующей теории пунктуации обнаруживается парадоксальная ситуация: вопросы

– о принципах и назначении пунктуации,

– о функциях пунктуационных знаков,

– о пределах возможности варьирования знаков,

– о правилах употребления знаков препинания, являющихся ядром пунктуационной системы

решаются до сих пор исключительно на уровне предложения и в границах предложения, с позиции синтаксиса предложения, в то время как сами границы предложения часто определяются знаками препинания, и сами предложения извлекаются из **текста**, который реализует свою архитектуру, свое содержание, свои эксплицитные и имплицитные смыслы благодаря **системе средств, способов и приемов** пунктуационно-графической организации.

Система эта развивается и усложняется, становится областью, порождающей концепты, входящие в модели осмысления мира. И только поняв и объяснив это сложное целое, можно понять и объяснить относительно простое – пунктуацию предложения, **вписанного в текст**.

Тем не менее практически все пособия по пунктуации (в том числе и своды правил) описывают и объясняют только пунктуацию отдельного предложения, используя в качестве примеров структуры, извлеченные из текста, как правило художественного, в отрыве от целого, где действуют другие законы.

Этот факт очевиден, и в новом проекте правил правописания справедливо отмечается, что «пунктуация связного текста, пунктуация «творческая», связанная с поиском оптимального варианта для выражения единственно возможного смысла, «подчиняется» правилам, диктуемым «условиями контекста» («Свод правил русского правописания. Орфография и пунктуация», М., 2003, с. 237).

Современная лингвистика, развивающаяся в условиях изменения парадигмы гуманитарного знания, обеспеченного исследованиями философского, лингвофилософского, социолингвистического, психолингвистического характера (Р.Барт, З.Бауман, В.С.Библер, Ю.Н.Караулов,

А.М.Ломов, Ю.М.Лотман, Ж.-Ф.Лиотар, М.К.Мамардашвили, А.С. Панарин, З.Д. Попова, М.К. Рыклин, Ю.С. Степанов и мн. др.), включает в себя такие направления, которые обеспечивают концептуальное исследование текста и его конституирующих элементов.

К таким направлениям относятся

–логико-философская теория речевых актов (Дж. Остин, Дж. Серль, З. Вандлер, П.Р. Стросон, Дж. Лич);

–прагматические теории (П. Грайс, Л. Линский, П. Стросон, В.Г. Гак, Г.Г.Почепцова);

–когнитивные теории (А.Пейвио, Е.С.Кубрякова, М.Минский, Ч.Филлмор, Дж. Лакофф);

–теория функциональных стилей, заложившая основы изучения единиц разных сфер функционирования современного русского языка (В.В.Виноградов, М.Н.Кожина, М.П.Котюрова, О.А.Лаптева, Т.В.Матвеева, О.Б.Сиротинина, Д.Н.Шмелев, В.Г.Костомаров, Н.Н.Кохтев, К.А.Рогова, Г.Я.Солганик и мн. др.);

–теория лингвистики текста (А.Г. Баранов, С.А. Васильев, А.А. Вейзе, И.Р. Гальперин, И.В. Дмитриевская, О.Л. Каменская, О.И. Москальская, Л.Н. Мурзин, А.И. Новиков, В.Я. Шабес, Т.М. Николаева, В.В. Одинцов, Е.С. Троянская и др.);

–коммуникативно ориентированные исследования текста (М.М. Бахтин, А. Вежбицка, Т.А. ван Дейк, Т.М. Дридзе, М.Н. Кожина, Г.В. Колшанский, М.П. Котюрова, Н.А. Купина, А.А. Леонтьев, Ю.М. Лотман, Т.В. Матвеева, Е.В. Сидоров, М.Ю. Сидорова, Ю.А. Сорокин и др.)

Результаты этих новых направлений исследования создают необходимое теоретические подходы к разным лингвистическим подсистемам и единицам, в том числе и к сфере пунктуации текста, являющейся структурообразующим компонентом в совместном действии элементов разных уровней, в целях реализации ритмичности, соразмерности текстовой композиции, обеспечения **единства** целого и его частей.

Таким образом, теория текстовой пунктуации с неизбежностью вписывается в выходящую за пределы лингвистики сферу исследования явлений и объектов, обла-

дающих синергетическими свойствами, эстетическим характером воздействия, то есть становятся необходимой составной частью синергетики, исследующей сложные, неформализуемые, самоорганизующиеся системы, в которые включен воспринимающий их человек, и решает кардинальные научные проблемы во многих областях знания, касающихся анализа разных рода информации и «выявления степени эстетической предпочтительности» (Крейцер А.В., Спиваковский А.М., 1998, с. 238).

Вторая причина, настойчиво подталкивающая к обобщению «пунктуационных фактов» в русле единой теории, – то огромное количество эмпирического материала, представленного в описаниях и анализе пунктуационной практики (различных по стилям и жанрам произведений), которые накоплены современной отечественной лингвистической наукой и которые обнаруживают сходные явления, нуждающиеся в осмыслении и систематизации на новых теоретических основаниях.

В последние годы предметом лингвистического изучения стала пунктуация широкого круга писателей и поэтов от Н.М. Карамзина, А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Ф.И. Тютчева, Ф.М. Достоевского и А.М. Горького до А.А. Блока, М.И. Цветаевой (особенно – Цветаевой!), В. Распутина, Т. Толстой и др.

Опыт анализа, представленный в работах Н.С. Пospelова, А.М. Пешковского, Н.Н. Арват, И.В. Арнольд, Б.С. Шварцкопфа, Е.В. Дзякович, В.В. Жильцовой, Н.С. Валгиной, С.А. Гостеевой, Е.А. Иванчиковой, О.Г. Ревзиной, Т.Ю. Потаповой, А.В. Канафьевой, В.И. Кодухова, А.Д. Дударевой, Л.И. Ереминой и мн. других, дает возможность синтезировать отдельные наблюдения и осуществить теоретическое обобщение их результатов. До сих пор понятие «авторская пунктуация», роль которой в системе изобразительно-выразительных средств чрезвычайно велика, более того, сами способы композиционно-графической организации текста непосредственно связаны с авторским видением мира, моделируемым творческим сознанием, недостаточно разработано и весьма неопределенно.

Признание за авторской пунктуацией функций акцентирования, усиления и выделения компонентов текста ни в коей мере не приближает к пониманию ее содержательных свойств.

Исследование авторской пунктуации должно опираться на положения теоретического, обобщающего характера, без которых сложно ориентироваться в этой области «познавательного поля». Как писал М.Е. Салтыков-Щедрин: «Когда кусочков наберется много, то из них образуется не картина и даже не собрание полезных материалов, а пустая куча хламу, в которой едва ли можно разобрать, что куда принадлежит. Рыться в этой куче, вытаскивая наудачу то один, то другой осколок – работа унизительная и совершенно бесплодная» (Салтыков-Щедрин М.Е. К читателю).

И, наконец, теория текстовой пунктуации – необходимый инструмент для правильной интерпретации текста, то есть составляющая **герменевтики** как науки о понимании текста, трактуемой как «работа мышления, которая состоит в расшифровке смысла, стоящего за очевидным смыслом, в раскрытии уровней значения, заключенных в буквальном значении» (Рикер П., 1995, с. 18).

Такая работа предполагает творческое участие читателя, учащегося, исследователя над актуальным содержанием знака, языковую рефлексию, развивающую способность познания и осознания множественных, многозначных смыслов.

Для того чтобы осуществить интерпретацию, имеющую место «там, где есть многосложный смысл, и именно в интерпретации обнаруживается множественность смыслов (Рикер П., 1995, с. 18), необходимо вооружиться знанием большим, нежели знания о **правилах** постановки знаков препинания.

Необходимо знание о возможности, способности и творческом использовании пунктуации в целях организации внутренних связей текста.

Идеи **связности, соединения, непрерывности** – основа речемыслительной деятельности. И сила языкового сознания, разума, здравого смысла настолько велика, что вопреки дефинициям, правилам, мето-

дам обучения пишущий (и читающий) интерпретирует пунктуацию именно так, как диктует ее предназначение – **соединение** смыслов.

В отечественной лингвистике идею единства развивал Л.В. Щерба, определяющий в качестве основной единицы в процессе «речи-мысли» синтагму как основную синтаксическую единицу, выражающую **единое** смысловое **целое** и фонетически **сложенную** усилением последнего словесного ударения. Л.В. Щерба впервые предложил и классификацию знаков препинания, которую можно было бы определить как семантическую классификацию.

Идеи Л.В. Щербы вполне соответствуют тем требованиям, которые предъявляет описанию явлений языка и речи номинативно-прагматическая лингвистическая парадигма. Установить соответствие между

- дискретностью и континуальностью,
- произвольностью и непроизвольностью,
- интенциональностью и непреднамеренностью,
- определенностью и неопределенностью,
- устойчивостью и вариабельностью,
- однозначностью и неоднозначностью,

–линейностью и нелинейностью и т.д. в пространственно-временной целостности, репрезентируемой текстом, – задача новых исследований, базирующихся на герменевтическом, синергетическом, интегративном подходе к языковым явлениям.

Современное описание и интерпретация «текстовой реальности» предполагает выявление тех общих закономерностей, которые выводят на поверхность, эксплицируют своеобразие (общезыковое, функционально-стилистическое, индивидуально-авторское) объединяющего и членящего языкового сознания. Именно поэтому лингвистические теории и концепции текста, кода, дискурса не могут быть полными без соответствующей теории текстовой пунктуации, где **пунктуация** должна рассматриваться как **иерархически организованная система единиц (пунктуационных позиций, пунктуационных фигур и**

пунктуационных сценариев), организующая текст путем объединения, членения, выделения и развертывания языковых элементов, воплощая тем самым представление автора о мире в виде детализированной языковой картины.

Выявление участия знаков в смыслопорождении и их роли в смысловосстановлении не только в линейном ряду, но и в вертикали при анализе текста, несомненно, будет способствовать пониманию того, что мышление организуется не только горизонтальными, но и вертикальными комплексами, что имеет существенное когнитивное значение и дидактическое применение.

Теория текстовой пунктуации предполагает

- обоснование положения о системном характере пунктуации текста;
- определение основных единиц текстовой пунктуации;
- описание содержательных свойств единиц текстовой пунктуации;
- выявление инвариантных форм и возможности варьирования форм, обеспечивающих графически-пунктуационную организацию текста;
- прогнозирование тенденций развития текстовой пунктуации.

Системность пунктуации художественного текста реализуется и обнаруживается в целом ряде формально выраженных элементов, компонентов, единиц внешней, поверхностной структуры, которые обеспечивают особую **упорядоченность** как неотъемлемое свойство многофункциональной, многоплановой и многозначной семантической макроструктуры, обладающей глубинными, основополагающими свойствами и качествами, определяющими специфику художественного «перевода» картины мира, моделируемой фантазирующим сознанием художника в завершенную языковую форму тщательно выстроенного, целостного произведения, рассчитанного на адекватное восприятие и понимание другим творческим сознанием.

Это взаимодействие возможно лишь на основе общего знания о средствах, спо-

собах и приемах репрезентации установок, которые лежат в основе выбора форм, оказывающих наивысшее воздействие на языковое сознание и расширяющих его возможности.

Системность пунктуации художественного текста проявляется

- в иерархической организации пунктуационных единиц;
- в многомерности содержательных свойств единиц пунктуации;
- в наличии отношений многомерных оппозиций между единицами пунктуации;
- в явно прослеживаемом процессе последовательного усложнения системы, движения к многозначности, нечеткости значений, что характерно для сложных систем.

К пунктуации как системе применимы те подходы, которые получают право на жизнь в рамках синергетических исследований, предполагающие возможность некоторого множества интерпретаций одного текста, гипотетичности, вероятностного характера знаний, выявление неявных, скрытых смыслов и значений и т.д.

Пунктуация художественного текста – составная часть той системы, которая характеризуется порой неуловимой и необъяснимой особенностью, заключающейся в совместном (кооперативном) действии элементов, частей и всего произведения в целом. Справедливо утверждение, что «подобный принцип согласованного взаимодействия целостного объекта и его компонентов представляет собой не простую аддитивную сумму, а значительно более сложную совокупность перекрестных комбинаций компонентов, различающихся структурообразующими категориями и пространственно-временными закономерностями, системообразующими факторами и качественно-количественными характеристиками, ритмичностью и соразмерностью композиционного воплощения» (Крейцер А.В., Спиваковский А.М., 1998, с. 237).

Библиографический список

1. Валгина Н.С. Современный русский язык. Пунктуация / Н.С.Валгина. – М. : Высш. шк., 1989. – 176 с.
2. Волков А.А. Грамматология. Семиотика письменной речи / А.А.Волков. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1988. – 176 с.
3. Ковтунова И.И. Поэтика пунктуации (функции тире) / И.И.Ковтунова // Язык как творчество : Сб. статей к 70-летию В.П.Григорьева. – М. : ИРЯ РАН, 1996. – С. 330–334.
4. Кольцова Л.М. Пунктуационный эксперимент в художественном тексте / Л.М.Кольцова // Русский синтаксис в лингвистике третьего тысячелетия : Материалы международной конференции, посвящённой 70-летию со дня рождения проф. А.М.Ломова. – Воронеж : ВГПУ, 2006. – С. 28-35.
5. Крейцер А.В. Синергетические аспекты анализа нечетной информации / А.В.Крейцер, А.М. Спиваковский // Синергетика и методы науки. – СПб.: Наука, 1998. – С. 236–259.
6. Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / П.Рикер. – М. : Akademia-Центр: Медиум, 1995. – 411 с.
7. Щерба Л.В. Теория русского письма / Л.В.Щерба. – Л. : Наука, 1983. – 136 с.

Textual punctuation in the conditions of changing linguistic paradigm

L.M. Koltsova

Punctuation is regarded in the framework of concept-based text analysis. Punctuation means and techniques of organizing language units are defined as a system of structure – forming components belonging to different levels of the language. Punctuation system is understood as a complex of language means manifesting relations of adjunction, disjunction, attraction and expansion of linguistic elements to represent the author's view of the world in language terms.

Воронежский государственный университет

УДК 801.561.72:808.2

О.В. Новикова

**СИНТАКСИЧЕСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЗАЦИЯ КАК СРЕДСТВО
СОЗДАНИЯ ЭКСПРЕССИВНОСТИ РЕЧИ**

В статье рассматривается один из случаев создания эмоционально-экспрессивного плана речи – синтаксическая фразеологизация, которая возникает в СПП, постороенных по модели «такой – что/чтобы», в результате фразеологизации одной из ПЕ (придаточной или главной). Синтаксическая семантика данных экспрессивных построений квалифицируется как совмещение качественно- или количественно-характеризующего и интенсифицирующего значений.

Говоря о русском менталитете, С.Л. Франк писал, что русская литература и философия своеобразии русского мировоззрения усматривали в антирационалистичности: оно «изначально основывается на интуиции» и состоит «в религиозно-эмоциональном толковании жизни» [1]. О важной роли категории красоты в русской ментальности говорят многие исследователи. Так, В.В. Воробьев, исследуя культурологическое поле «красота», отмечает, что

высшая красота для русского человека – это красота, встречаемая в действительности; говоря словами Н.Г. Чернышевского, «прекрасное есть жизнь» [2]. «Красота важнее пользы», – гласит народная мудрость. Может быть, поэтому в русском языке так много оценочных, эмоционально - окрашенных слов, богатство интонации и синтаксических конструкций.

© Новикова О.В., 2006

Ментальность народа отражается в языке.

Такие качества, как страдание и покаяние, жертвенность, любовь к страждущим, «негодующая любовь к правде, истине» [3] и в то же время необузданный дух, ломающий все преграды, молодецкая удаля, требуют и соответствующих языковых средств выражения, отражающих силу этих чувств.

Русский язык по праву можно назвать эмоционально-экспрессивным языком, настолько он богат специальными выразительными средствами на всех языковых уровнях.

Рассмотрим подробнее один из способов эмоционально-экспрессивного выражения – особые синтаксические конструкции с коррелятом «**такой**» в главной предикативной единице (ПЕ) и союзами «**что**»/«**чтобы**» в придаточной. Например:

*Мы натерпелись **такого** страху, **что** долго не могли потом унять охватившей нас дрожи* (А. Алексин); *Дальнейшие действия слепого отличались **такой** чистотой и точностью, **что** Балаганов почувствовал даже зависть* (И. Ильф, Е. Петров); *Придумай **что-нибудь** **такое**, **чтобы** увлечь его* (А. Алексин); *Нужно **такую** жизнь строить, **чтоб** в ней всем было просторно* (М. Горький).

В традиционной грамматике данные конструкции относятся к сложноподчиненным предложениям (СПП) с синкретичной семантикой, совмещающей качественно или количественно-характеризующее значение и значение следствия (союз **что**) или желаемого следствия (союз **чтобы**) [4]. Особая эмоциональность и экспрессия создается в них за счет использования оценочных слов (*страх, чистота, точность*) с местоименно-соотносительным словом в качестве усилителя или одного усилителя в позиции определения и наличия следствия, вытекающего из названного признака.

Данные СПП представляют собой симметричные конструкции, в которых двум единицам плана выражения (двум ПЕ) соответствуют две смысловые единицы (два события). При этом событие, репрезентируемое главной ПЕ, однородно с событием, представленным придаточной ПЕ: оба являются диктумными, т. е. отражаю-

щими некий фрагмент действительности, некое субстанциональное содержание, осмысленное говорящим. Характер отношения между этими событиями можно определить как включение. Это значит, что событие, названное придаточной ПЕ, включается в событие, обозначенное главной ПЕ, на основе тождества значения коррелята «**такой**» и всего содержания придаточной ПЕ. А так как номинативный блок «**такой** + придаточная ПЕ» именуется признаком, мы вправе говорить о наличии в данных СПП характеризующего значения.

Характеризующее значение в рассматриваемом типе СПП совмещается со значением следствия (что) или желаемого следствия (чтобы), которое обусловлено лексическим наполнением придаточной ПЕ и модальным качеством союза. В первом случае союз «**что**» относит содержание высказывания в реально-достоверный модальный план, а придаточная ПЕ обозначает событие, являющееся логическим следствием события, представленного главной ПЕ. Неслучайно данные построения способны к преобразованию в результате субституции блока «**такой** — **что/чтобы**» блоком «**прил. — так что**» в предложения с чисто следственной семантикой и с чисто целевой семантикой при замене блоком «**прил. – **чтобы****». Сравните:

*Мысль летела в Питер с **такой** поспешностью, что и борзые кони, казалось, топчутся на месте* (Л. Славин) – *Мысль летела в Питер с **яростной** поспешностью, так что и борзые кони, казалось, топчутся на месте* *яростной поспешностью; Стояла **такая** тишина, что было слышно шуршание снега* (К. Паустовский) – *Стояла **необычайная** тишина, так что было слышно шуршание снега; Он [Чайковский] добивался **такой** ясности мелодии, чтобы она была понятна и мила и Фене, и даже самому Василию* (К. Паустовский) – *Чайковский добивался **исключительной** ясности мелодии, **чтобы** она была понятна и мила и Фене, и даже самому Василию.*

Однако в пределах данного типа выделяется особая группа предложений, в которых наблюдается нарастание эмоционально-экспрессивного напряжения, что

переводит данные конструкции в разряд разговорных. Сравните:

*Дом его **такая** бестолочь и ералаи, **что** голова кругом идет* (А. Новиков); *Но потом все поворачивается **такой** стороной, **что** не до шуток* (Ю. Трифонов); *Наступила **такая** тоска, **что** хоть вешайся* (А. Грин); *Они не **такие** миллионеры, **чтобы** отказываться от куска хлеба* (А. Чехов); *Не **такой** товар, **чтобы** еще нахваливать* (Н. Лесков).

В отличие от симметричных СПП, совмещающих качественно- или количественно-характеризующее и следственное или ирриально-следственное значение, в данных эмоционально-экспрессивных построениях наблюдается явление асимметрии. Как и в симметричных, в них представлена номинация двух событий, между которыми устанавливаются определенные смысловые отношения. Однако события, репрезентируемые главной и придаточной ПЕ, оказываются неравноценными по своему содержанию: одна из них имеет семантику диктума, т. е. отражает субстанциональную действительность, некое объективное содержание, а другая — семантику модуса, т. е. действительность несубстанциональную, представляющую собой отношение субъекта к содержанию высказывания.

Подобные асимметричные СПП возникли на базе симметричных конструкций в результате фразеологизации придаточной или главной ПЕ.

Рассмотрим **первый** случай, когда фразеологизируется придаточная ПЕ (модель «**такой – что**»).

Идиоматизировавшись, придаточная ПЕ утрачивает семантику диктума. Назначение ее становится не столько в том, чтобы сообщать о каком-либо новом событии, сколько в том, чтобы усилить впечатление от степени проявления качества, свойства того события, о котором идет речь в главной ПЕ. На этом основании придаточная ПЕ может быть признана модусной, выражающей субъективную оценку сообщаемого признака. Большинство СПП этого типа могут преобразовываться в простые предложения при замене коррелята «такой» прилагательным, включающим сему боль-

шой степени проявления признака. Сравните:

*Мы наделаем **таких** дел, **что** небу будет жарко* (К. Паустовский) – *Мы наделаем **больших** дел; Компот **такой** получился, **что** просто прелесть* (М. Булгаков) – *Компот получился **необыкновенный***.

Однако прилагательное в преобразованных предложениях не в состоянии передать ту степень проявления эмоциональной реакции говорящего, которая передается с помощью придаточной ПЕ. Таким образом, в рассматриваемых СПП придаточная ПЕ представляет собой фактически не предикатную, а элементную номинацию и является членом одного синонимического ряда с прилагательным, но членом более «сильным». Оформляясь в самостоятельный семантический тип, данные построения не утратили полностью связь со своей основой, с симметричными конструкциями. Для тех и других характерны аналогичные преобразования (возможность изменения синтаксической позиции коррелята и возможность преобразования в определительные СПП), свидетельствующие о наличии качественно- или количественно-характеризующего значения. Сравните:

*Тут **такой** лабиринт, **что** никто не отыщет следов* (М. Булгаков) — *Тут **такой** запутанный лабиринт, **что** никто не отыщет следов — Тут **такой** лабиринт, в котором никто не отыщет следов; ... Он же, не подозревая ничего, рисовал передо мной **такие** картины, **что** огонь шумел в жилах* (А. Грин) — *... Он же, не подозревая ничего, рисовал передо мной **такие** **необыкновенные** картины, **что** огонь шумел в жилах — ... Он же, не подозревая ничего, рисовал передо мной **такие** картины, **от которых** огонь шумел в жилах.*

Однако, в отличие от симметричных, в асимметричных СПП характеризующее значение совмещается с интенсифицирующим, а следственная семантика или совсем утрачивается, или лишь сопутствует основному значению. Такой процесс образования нового синтаксического значения в пределах старой модели В. И. Кодухов рассматривает как один из видов синтаксической фразеологизации [5]. В работах Д. И. Баршай и Д. Н. Шмелева [6] отмечается, что в

подобных конструкциях интенсифицирующего типа следственная семантика утрачивается, а общим значением СПП становится выражение оценки какого-либо положения или состояния. При этом придаточная ПЕ представляет собой устойчивое выражение, однако степень фразеологизации ее может быть различной, поэтому Д. И. Баршай предпочитает говорить о выражении «образного следствия».

Итак, превращение придаточной ПЕ в средство акцентного выделения, в своеобразный «выделитель» интенсивности признака происходит в результате ее фразеологизации. В качестве условий фразеологизации — правда, по отношению к обобщенно-уступительным придаточным — Л. С. Эстрина называет следующие: «утрата предикативности, сокращение объема предложения за счет выпадения членов с конкретным значением, сужение круга глаголов, употребляемых в роли сказуемого, постоянство лексического состава» [7]. По ее мнению, в результате фразеологизации образуются конструкции, обладающие специфическими особенностями семантики и структуры, а именно: обобщенным характером значения придаточного, экспрессивной окраской, лексикализацией средств связи. Эти черты, на наш взгляд, присущи и СПП с интенсифицирующей семантикой.

В зависимости от степени фразеологизации среди асимметричных СПП с качественно- или количественно-характеризующим и интенсифицирующим значениями можно выделить несколько разновидностей.

Первую составляют предложения, придаточная ПЕ в которых представлена идиоматическим выражением. Например: *У Анфисы ...голос такой, что берет за душу* (К. Паустовский); *Я вам такие места покажу, что вы ахнете* (К. Паустовский); *Ты ведь иногда такое ляпнешь, что уши вянут* (А. Чехов); *Может быть, я такое знаю..., что у вас глаза на лоб полезут* (А. Володин); *Ведь они нас под такую беду могут подвести, что не расхлебашь* (М. Булгаков).

Наивысшей степенью фразеологизации придаточной ПЕ обладают также СПП, в которых модусная семантика представле-

на с помощью одного лишь междометия. Например: *Болтаю с ней такие откровенные вещи, что ух!* (Ф. Достоевский); *В ту пору был начальником губернии такой зверь, что у!!!* (М. Салтыков-Щедрин). Эти предложения носят ярко выраженный разговорный характер, придаточная ПЕ в них передает такой сгусток субъективных эмоций говорящего, который невозможно даже приблизительно выразить словами. К первой разновидности близки и предложения, в которых придаточная ПЕ представлена сравнительным оборотом (1) или же императивным предложением с усилительным элементом «хоть» (2). Например: 1) *... и застал нас там у нее дождь и такой дождь, что как из ведра окатывает* (Н. Лесков); *Голос такой, что тебе соловьиный* (А. Писемский). 2) *Были общежития показательные — с занавесочками, ковриками, шелковыми абажурами, а были и такие, что хоть милиционера ставь* (Н. Погодин); *Дом, скамейка у калитки, да и весь четкий порядок домов были озарены таким ярким светом, что хоть читай районную газету* (Н. Дубов); *Хороший человек, а словно гоголевский персонаж, и такую рожу состроит, что хоть святых выноси* (Б. Бушелева).

По своей функции придаточная ПЕ в этих предложениях ничем не отличается от ПЕ, представленной идиоматическим выражением. И в тех, и в других следственное значение утрачивается полностью.

Вторую большую разновидность СПП с интенсифицирующим значением составляют предложения, в которых степень фразеологизации меньшая по сравнению с предложениями первой разновидности. Следственная семантика в них полностью не утрачивается, поскольку их связь с симметричными построениями той же модели ощутима отчетливой.

К этой группе относятся, во-первых, СПП, в которых придаточная ПЕ содержит оценку сообщаемой информации, выраженную с помощью оценочных слов. Например: *Такая красота будет, что просто счастье для людей* (Г. Семенов); *[...на вид она гора горою ходит;] одна грудь так такое из себя представляет, что даже*

ужасно (Н. Лесков); ... *снег и ветер такой, что страх* (Н. Лесков).

Часто оценочное, эмоционально окрашенное слово имеет при себе усилитель в виде частицы (*просто, даже*), который привносит в предложение экспрессию.

Во-вторых, ко второй разновидности относятся СПП, в которых придаточная ПЕ представлена выражением, близким по своей структуре и значению к идиоматическому обороту. Она называет действия необычные или невозможные в реальной действительности. Например: *Культура в нем такая, что с кожей ее не сдерешь* (К. Паустовский); *Я, говорит, сделаю ей такую жизнь, что сама Вера Холодная зайдет от зависти* (К. Паустовский); *Теперь народились такие занятия, что сам жандарм ногу сломит* (К. Паустовский).

Выражение, обозначенное в ПЕ данных СПП, представляет, по сути, авторскую интерпретацию фразеологического оборота.

Очень часто придаточная ПЕ таких построений содержит отрицание существования предмета или возможности произвести действие. Например: *Я вам покажу такой колхоз, что вовек не позабудете* (М. Алексеев); *А глаза у Иринки были такие, что не намотришься* (В. Рынкевич); *На открытии выставки Сосо скажет такую речь, что не прочтешь и в «Правде»* (К. Паустовский).

Указание на необычность или невозможность осуществления в реальной действительности события, репрезентируемого главной ПЕ, способствует возникновению интенсифицирующего значения. Все перечисленные разновидности асимметричных СПП не обладают способностью к преобразованию в следственные предложения. В этом их первое отличие от симметричных, указывающее на отсутствие следственной семантики. Вторым отличительной чертой является возможность элиминации союза «что». Сравните:

Такое несчастье, что выразить невозможно (М. Булгаков) – *Такое несчастье выразить невозможно*; *Конь у него такой, что только смотри* (К. Федин) – *Конь у него такой — только смотри*.

При опущении союза разговорный

характер конструкции усиливается. В художественной литературе бессоюзные предложения не так уж редки, выбор знака препинания в них колеблется между тире и запятой. Например: *Здесь такая путаница, себя забудешь* (А. Грибоедов); *Я такое знаю, такое знаю,— переходил он на шепот,— упадешь* (М. Панин); *И такая меня тоска взяла — хоть за борт прыгай* (В. Конецкий); ... *такая тоска ухватила меня за душу, просто выть хотелось* (В. Богомолов); *Такая слабость одолела, прямо беда* (Ф. Абрамов).

В «Русской грамматике» подобные бессоюзные построения рассматриваются в группе СПП, совмещающих значение степени признака и значение следствия. Первое из них, по мнению авторов, выражено формально, второе — только содержательно [8]. На наш взгляд, семантику как союзного, так и бессоюзного вариантов рассматриваемого типа СПП правильнее определить как совмещение качественно- или количественно-характеризующего и интенсифицирующего значений.

Перейдем к рассмотрению **второго случая**, когда фразеологизируется главная ПЕ (модель «**такой – чтобы**»).

Большинство СПП этого типа могут преобразовываться в простые предложения при элиминации блока «такой, чтобы». Однако, в этом случае наблюдается некий семантический сдвиг. Полученные простые предложения передают основное, диктумное содержание, выраженное в сложном предложении придаточной ПЕ, а от главной ПЕ сохраняют модальность отрицания и обстоятельственные члены, указывающие на время, место и участников события, но теряют эмоционально-экспрессивный компонент значения, который был характерен для СПП. Сравните:

Возраст у меня не такой, чтобы так рисковать (К. Паустовский) – *В моем возрасте нельзя так рисковать*; *У нас такого не водится, чтобы с парнями туда-сюда* (Ю. Трифонов) – *У нас не водится (не принято) с парнями туда-сюда*.

Следовательно, мы можем установить, что во фразеологизированных предложениях происходит распределение диктумного содержания одной смысловой еди-

ницы между главной и придаточной ПЕ сложного предложения: придаточная ПЕ репрезентирует само событие, а главная содержит актанты, рисующие обстановку и участников события. Кроме того, на главную ПЕ падает задача выражения модусного содержания высказывания: отрицание возможности существования данного события в действительности. При этом блок **«такой + сущ. – чтобы»** является не только средством выражения плана потенциальной модальности, но и сильным акцентирующим, экспрессивно-выразительным средством передачи информации. Особенно этот экспрессивный компонент значения усиливается при употреблении в качестве определяемых слов оценочных существительных.

Идеоматизированный характер данные построения приобретают за счет специфических структурных особенностей. Они заключаются в том, что придаточная ПЕ не представляет собой структурно законченного предложения, а главная ПЕ может быть построена по одной из двух фразеосхем. Во-первых, это может быть двусоставное предложение, в котором местоименно-соотносительное слово «такой» находится в присубстантивной позиции, а определяемое им существительное выполняет функцию сказуемого. При этом существительное чаще всего имеет или оценочную семантику (дурак, миллионер), или подвергается некоторой десемантизации (дело, случай). Например:

А что касается летчиков, то не такие они дураки, чтобы лезть в пургу (В. Санин); *Я живу быстро и не в таком теперь положении, чтобы говорить комплименты* (А. Грин); *Не такое это дело, чтобы можно было решить любовною сделкою* (Н. Гоголь).

Во-вторых, главная ПЕ подобных построений может представлять собою безличное предложение, выраженное глаголами бытия с отрицанием или словом «нет». Например:

Нет такого закону, чтобы бедняк отнимал у крепких мужиков землю и хлеб (А. Толстой); *Ничего такого, чтобы при-*

шло ее осуждать, вроде не было (А. Битов).

Разновидностью фразеологических СПП можно считать сложные построения, главная ПЕ которых имеет форму риторического вопроса, семантически равнозначного отрицательному предложению повествовательного типа. Поэтому данные СПП легко преобразуются в конструкции с отрицанием. Сравните:

Неужто такие олухи жандармы, чтобы не допытаться при надобности, кто скрыт от бдительного ока под интригующими буквами? (А. Новиков) – *Жандармы не такие олухи, чтобы не допытаться при надобности, кто скрыт от бдительного ока под интригующими буквами.*

Наиболее частотный тип среди данных построений представлен СПП, по фразеосхеме **«кто я (мы, он) такой, чтобы»**. Например:

Кто я такая, чтобы меня помнить (А. Галин); *Кто он такой, чтоб еще о служебных его интересах печься?* (Н. Кожевникова).

Фразеологизированные предложения, представляющие собой риторический вопрос, так же, как и предложения с отрицанием, преобразуются в простые. Сравните:

Где, кроме прошлого и оголтелого Пошехонья, вчерашний день не может иметь ничего общего с нынешним? (М. Салтыков-Щедрин) – *Нигде, кроме прошлого и оголтелого Пошехонья, вчерашний день не имеет ничего общего с нынешним.*

Таким образом, среди СПП, построенных по модели **«такой— что/чтобы»**, в результате фразеологизации одной из ПЕ (придаточной или главной) выделяется группа экспрессивных построений, синтаксическая семантика которых квалифицируется как совмещение качественно- или количественно-характеризующего и интенсифицирующего значений. Данные конструкции являются принадлежностью разговорной речи, передают эмоциональный настрой говорящего, его субъективную реакцию на сообщаемое: возмущение или восхищение – с большой долей экспрессии.

Литература

1. Франк С.Л. Духовные основы общества.– М., 1992, с. 474.
2. Воробьев В.В. Лингвокультурология (теория и методы). – М., 1997, с. 180 -181.
3. Лихачев Д.С. Заметки о русском. – М., 1981, с.67-68.
4. См., например: Грамматика современного русского литературного языка. – М., 1970; Крючков С.Е., Максимов Л.Ю. Современный русский язык. Синтаксис сложного предложения. – М., 1978 и др.
5. Кодухов В. И. Синтаксическая фразеологизация. // Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе. – Вологда, 1967, с. 135.
6. См.: Баршай Д. И. Сложноподчиненные предложения местоименно- союзного типа в современном русском языке. Канд. дис. – М., 1967, 165 — 166; Шмелев Д. Н. О «связанных» синтаксических конструкциях в русском языке. // Вопросы языкознания. – 1960. – № 5. – С. 58.
7. Эстрина Л.С. Фразеологизация обобщенно-уступительных придаточных предложений. // Изв. Воронежского пед. ин-та. – Воронеж. – 1969. – Т. 168. – С. 89-93.
8. Русская грамматика. – М., 1980, с.504.

Syntactic phraseologicalization as a means of expressive speech creating

O.V. Novikova

This article deals with one of the cases in syntactic phraseology when emotive and expressive aspects of speech are created. Syntactic phraseology appears in complex-supplementary sentences, based on a model «такой – что/чтобы». Syntactic semantics of these expressive structures is qualified as a combination of qualitative – quantitative and intensive meanings.

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет

УДК 801.561.72:808.2

Н.Н.Лапынина

**ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ПРИРОДА КОНСТРУКЦИЙ С КОМПОНЕНТОМ
ДЕЛО В ТОМ, ЧТО И РОЛЬ ЭТОГО КОМПОНЕНТА В СОВРЕМЕННЫХ
РУССКИХ ТЕКСТАХ**

В статье рассматривается стандартизованная единица *дело в том, что*, которая выполняет служебную роль на уровне текста. Анализируются условия возникновения у данной единицы служебных функций, ее структурная организация, семантика и функционирование в современной русской речи.

В русском языке широкое распространение получили синтаксические конструкции, включающие стандартизованную единицу *дело в том, что*, напр.: *Само название места, Парча, мне очень нравилось. Дело в том что с самого раннего детства я слышал это слово из поэмы Некрасова «Коробейники»: «Ой, полна, полна коробушка, есть и ситцы, и парча...» (И.Т.Твардовский); Я прибыл в Москву, где должен был отправиться с Казанского вокзала в конопляные степи. Дело в том, что именно здесь, на Казанском, формиро-*

валась первоначально группа гонимых... (Ч.Айтматов). Подобные построения отличаются высокой частотностью употребления в современной русской речи. Лингвисты интерпретируют эти конструкции по-разному, то признавая их полнозначными синтаксическими построениями, то сближая их со служебными словами. Так, Е.Ф.Тарасенковой предложения с *дело в том, что* определяются как слож

© Лапынина Н.Н., 2006

ноподчинённые, в которых главная часть представлена фразеологизмом [1], Р.П.Рогожникова относит оборот *дело в том, что* к числу устойчивых сочетаний, эквивалентных слову по значению и функции в речи [2], В.М.Ляпон причисляет эту «риторическую» формулу к реляционным средствам, обладающим связующей функцией [3; 187], Г.А.Золотова считает даже, что компонент *дело в том, что* выполняет «почти роль союза» [4]. В.А.Белошапковой отмечено, что содержание сложных предложений типа *Дело заключается в том, что в школе появился новый учитель* максимально близко содержанию простых предложений (ср.: *В школе появился новый учитель*) и отличается лишь такими элементами смысла, которые связаны с включением сообщения в контекст [5].

Рассмотрим некоторые примеры: *И они, судя по всем данным, не встретились. Дело в том, что Павел Выгодский перед прибытием в Вилюйск Николая Чернышевского был... «уволен в Иркутскую губернию» (В.А.Чивилихин); Снять дорогую квартиру, а тем более комнату стало неизмеримо труднее. Дело в том, что домовладельцев предпочитают теперь не сдавать, а продавать жильё в рассрочку (В.Овчинников).*

Несмотря на то, что конструкция с компонентом *дело в том, что* имеет формальные признаки сложноподчинённого предложения (местоименно-соотносительное слово в главной части, подчинительный союз в придаточной), она не воспринимается как полноценное гипотактическое построение. В этой конструкции не совпадает количество смысловых и формальных единиц. Объясняется это тем, что воспроизводимый устойчивый компонент *дело в том, что* отличается высокой степенью фразеологизации и десемантизации, в результате чего и утрачивает семантику события, даже модусного. Процесс утраты предикативной единицей событийной семантики связан прежде всего с семантическими сдвигами в лексеме *дело* и превращением её в синсемантическое слово.

Тот факт, что многозначное существительное в определённых речевых ситу-

ациях характеризуется ослаблением или даже утратой конкретно-предметной значимости и сближается по своим функциям с местоимением, отмечался многими лингвистами [6]. В.Н. Мигирин, анализируя историю возникновения широко распространённой в русском языке модели *дело в чём-либо*, считает, что в предложениях типа *Дело не только во вкусе, дело и в страсти (И.Эренбург)* подлежащее двусоставного предложения трансформировалось в главный член односоставного. Исследователь отмечает, что исходная модель этих построений содержала глаголы *закключаться* или *состоять*, выступавшие в позиции сказуемого, но «при регулярном эллипсисе сказуемого бывшее подлежащее превращается в главный член односоставного предложения. Выступая в новой синтаксической позиции, слово *дело* частично изменило свои морфологические и дистрибутивные особенности: оно не изменяется по формам числа, не обладает формами субъективной оценки, не может иметь, за несколькими исключениями, определительных слов, лексические глаголы при этом слове заменены связкой» [7].

Выводы В.Н.Мигирина подтверждаются нашими наблюдениями. Действительно, в подавляющем большинстве случаев конструкция, включающая лексему *дело*, выступает в безглагольном (эллиптизированном) виде: *дело в том, что...* или *дело в ...*. Что же касается случаев использования в составе описываемой конструкции глаголов *состоять* и *закключаться*, то они весьма немногочисленны, ср.: *Я хотел бы высказать точку зрения, в которой я убеждён, но которая не разделяется моими коллегами и вызывает трения между ними. Дело заключается в том, что на Западе, у нас в авиации, развитых отраслях промышленности не понятия «научного руководителя» и «конструктора... (В.Легасов); Всё это вряд ли могло быть правдой. Дело состоит в том, что Мадсен знал в лицо подлинного Стригалёва, и на незнакомца, названного его именем, он бы взглянул не с восхищением, а озадаченно (Лит. газ.).*

Следует подчеркнуть, что и синонимичные глаголы *закключаться* и *состоять* в рамках этой конструкции в определённой

степени десемантизируются, перестают выражать глагольное значение действия или состояния, а их лексическое значение почти утрачивается. Поэтому в форме прошедшего времени они заменяются глагольной связкой *было*, например: *После некоторых таких находок в Московском уголовном розыске началась острая тревога. Дело было в том, что все мешки с убитыми носили на себе печать одних и тех же рук – одной работы* (М.Булгаков).

Безглагольный вариант наиболее употребителен в силу того, что в результате эллипсиса структура синтаксической единицы становится «более портативной», более удобной в процессе общения [8], ср.: *Пила и топоры выдавались только по утрам при разводе на работу. Дело в том, что на соседней, «витаминной» командировке несколько уголовников напали на бригадира* (В.Шаламов).

Таким образом, мы можем утверждать, что предикативная единица *дело* (*закljučается / состоит / было*) в *том*, формально являясь главной частью сложноподчинённого предложения, в силу процессов десемантизации составляющих её элементов, прономинализации лексемы *дело*, а также в результате регулярного эллипсиса сказуемого утрачивает пропозитивную семантику. И, следовательно, всё построенное может быть квалифицировано как асимметричное предложение с соотношением 2:1, где двум единицам плана выражения соответствует одна единица плана содержания. Ведь только исходя из анализа структуры, с определённой оговоркой, мы можем отнести данные синтаксические объекты к числу полипредикативных, в то время как в семантическом плане они представляют собой монособытийные единицы. Содержательную нагрузку несёт лишь придаточная часть, главная же в информационном отношении является «пустой». И в этих условиях фразеологизированный компонент *дело в том, что* воспринимается уже не как часть сложного предложения, а как синтаксическая единица, выполняющая служебную функцию.

Являясь в семантическом плане бессодержательным, не репрезентируя никакого события, препозитивный сегмент *дело в*

том, что служит своеобразным актуализатором последующей информации, содержащийся в формально придаточной части, ср.: *Дело в том, что в этом вчерашнем дне зияла преогромная чёрная дыра* (М.Булгаков). Однако анализ более широкого контекста даёт основание утверждать, что в изолированном виде предложение, построенное по фразеосхеме *дело в том, что + предикативная единица любого семантического наполнения*, не воспринимается как вполне завершённое в смысловом отношении высказывание. Это ощущение неизбежно возникает именно потому, что компонент *дело в том, что*, отсылая к предыдущему высказыванию, как раз и выполняет функцию служебной единицы, связывающей самостоятельные предложения на уровне текста и сигнализирующей определённые логико-семантические отношения между ними, иными словами – он превращается в *межфразовую скрепу союзного типа* (под термином *скрепа союзного типа* мы вслед за Т.А.Колосовой и М.И.Черемисиной понимаем любой линейный показатель связи аналитического типа, который, выполняя связующую функцию, служит для выражения логико-семантических отношений между компонентами синтаксической конструкции как на уровне предложения, так и на уровне текста). Ср.: *Да, вчерашний день лепился из кусочков, но всё-таки тревога не покидала директора Варьете. Дело в том, что в этом вчерашнем дне зияла преогромная дыра. Вот этого самого незнакомца в берете, воля ваша, Стёпа в своём кабинете не видел* (М.Булгаков). Более широкий контекст позволяет констатировать явные причинно-следственные отношения, устанавливающиеся между самостоятельными предложениями: предложение с компонентом *дело в том, что* содержит в себе указание на событие, которое выступает в качестве причины по отношению к другому событию, обозначенному в предыдущем предложении. Это подтверждается постановкой причинного вопроса от одного предложения к другому, а также возможностью замены компонента *дело в том, что* классическими союзами причины типа *потому что, так как*: *Да вчерашний день лепился из*

кусочков, но всё-таки тревога не покидала директора Варьете. [Почему?] **Потому что** в этом вчерашнем дне зияла преогромная дыра...

Следовательно, можно утверждать, что наряду с акцентно-выделительной функцией компонент *дело в том, что* приобретает и функцию межфразовой скрепы союзного типа, т. е. такого линейного показателя связи аналитического типа (в виде отдельного слова либо сочетания слов, расположенных как контактно, так и дистантно), который, выполняя связующую функцию, служит для выражения логико-семантических отношений между компонентами синтаксической конструкции как на уровне предложения, так и на уровне текста [9].

Семантика скрепы *дело в том, что* достаточно неоднородна. Чаще всего она имеет причинное значение. В случаях, подобных продемонстрированному выше, эта единица, по выражению Г.А.Золотовой, «формализовалась почти до роли причинного союза, вводящего... объяснительную, мотивационную часть текста» [4]. Сравните также: *Я прибыл в Москву, где должен был отправиться с Казанского вокзала в конопляные степи. Дело в том что* [потому что] *именно здесь, на Казанском, формировалась первоначально группа гонимых... (Ч.Айтматов); Энтээр, как и всякое глобальное явление, действует и проявляется во всём и повседневно. Поэтому она и не может быть определена точно, не может быть схвачена за руку. Дело в том, что* [потому что] *она рассеяна повсюду (С.Залыгин).*

Доказательством тому, что скрепа эксплицирует именно причинные отношения, служат такие контексты, где употребление средств связи другой семантики исключено, например:

Должен АВМ сказать, что этот литературный приём настораживает, и вот почему.

Дело в том, что эта фраза как бы опровергает всё, что говорится вначале, где указывается на отсутствие в моих действиях состава преступления (Лит. газ.);

Впрочем, не от боязни «засветиться», а по совсем другой причине Баилачёв очень редко пел «Абсолютного вахтёра». По этой же причине он вскоре почти перестал исполнять сатирические «подвиг разведчика» и «Слёт-симпозиум», несмотря на их популярность. Дело в том, что политика, быт, все «приземлённые» материи интересовали его всё меньше – и в жизни, и в стихах (Огонёк).

Особенно ярко и однозначно причинное значение скрепы *дело в том, что* выявляется в диалоге или его имитации, когда в реплике-стимуле содержится вопрос о причине, а реплика-реакция является ответом на него, напр.: *В чём же видится проблема, почему на первый взгляд, казалось бы, ясное положение дел вызывает тем не менее незатихающие споры? Дело в том, что философия занимает особое место в культуре... (А.Г.Спиркин); Почему мы обращаем внимание воронежцев на книжную новинку? Дело в том, что на её страницах вы найдёте картины, граничащие с фантастикой (Коммуна).*

Характерно, что в современных русских текстах аналитического характера после причинного вопроса-стимула формулируемый ответ-реплика очень часто (если не сказать обычно) начинается с межфразовой скрепы *дело в том, что*, хотя в подобных вопросно-ответных единствах не исключено использование и других связующих средств, напр.: *Почему маленькая Финляндия может нам предложить сеялки и косилки, которые гораздо эффективнее, чем детища нашего гигантского сельхозмашиностроения? А всё потому, что, кроме всего прочего, создавая любую машину, финны мгновенно используют высшие мировые достижения, кооперируются с лучшими в мире производителями узлов и деталей, оставляя за собой сборку (Огонёк).* Факты предпочтительного употребления скрепы *дело в том, что* служат аргументом в пользу того, что эта стандартизованная единица воспринимается носителями языка (скорее всего, стихийно) именно в качестве межфразового, текстового средства связи в отличие, скажем, от союза *потому что*, который, как правило, используется для связи предикативных единиц внутри предложе-

ния. Если же союз *потому что* и употребляется в качестве межфразовой скрепы, то, по данным нашей выборки, преимущественно в нейтральных или разговорных текстах, а не в сугубо книжных, которыми являются аналитические тексты.

В ряде случаев для раскрытия причины того или иного события информации одного предложения бывает явно недостаточно, поэтому с помощью скрепы присоединяется отрезок текста, содержащий несколько самостоятельных предложений или целый абзац, ср.:

Это дело с врачом кончилось тайным, но грандиозным провалом. После вынесения смертного приговора убийце... в зале появилась вдруг убитая. Дело в том, что Роман Львович перемудрил. Слишком уж широко он пустил по свету историю врача-убийцы. И попался номер «Известий» с его «Поединком» и к соседям убитой. А она в то время уже третий год прелестно жила на Дальнем востоке с новым мужем. Но ведь есть люди, которым всегда нужно больше всех. Начались скандалы. Пришёл участковый. Составил протокол. Пришлось срочно ехать в Москву и являться (Ю. Домбровский).

Во всех приведённых выше примерах предложения, связанные посредством скрепы *дело в том, что*, расположены контактно. Но возможны и случаи дистантного расположения таких предложений при наличии между ними самостоятельных предикативных единиц, имеющих обычно оттенок дополнительного сообщения с семантикой модуса, напр.: *Из твоих даже чисто случайных высказываний я успел убедиться, что заблуждения твои, пожалуй, больше возрастного характера. Хотелось бы так думать. Дело в том, что молодости в силу целого ряда причин свойственна особая самонадеянность, которая по-разному проявляется у разных лиц в зависимости от темперамента и воспитания (Ч. Айтматов); Толстой спешил с публикацией «Воскресенья». Публикация намечалась по частям в журналах: в России – «Нива», во Франции – «Иллюстрасьон», в нескольких других странах. Дело в том, что часть денег от этого издания Тол-*

стой обещал передать в помощь духовобрам, эмигрировавшим в Канаду (Лит. газ.).

Скрепа *дело в том, что* может присоединять отрезок текста, в котором толкуется, конкретизируется какой-либо факт или отдельное слово. Здесь она приобретает семантику пояснения, напр.: *Он [Пилат] просто не хотел никого казнить в угоду иудеям. Но было и второе соображение. Уже государственное. Дело в том, что Христос – или такой человек, как Христос, – очень устраивал Пилата (Ю. Домбровский); И вот тогда, третьего дня, ещё до прихода Суворина, когда набивал папиросы... возникла мысль. Дело в том, что уже не только равнодушно, но выработало какую-то особую, вывернутую наизнанку, стыдливость в отношении террора, покушений и всей бесовщины (Ю. Трифонов); Тут приходится открыть маленькую тайну. Дело в том, что я окончил в университете два факультета и скрывал это (М. Булгаков).*

В данных примерах в качестве поясняемого выступают словосочетания или существительные, а роль поясняющего выполняют целые самостоятельные предложения с компонентом *дело в том, что*. Значение пояснения подтверждается возможностью трансформации данных отрезков текста в конструкции с союзной скрепой (*а*) именно или с описательными оборотами, ср.: *Сказались специфические дорожные условия, а именно: в зимнее время дороги Канады практически не чистят от снега...; ...Но было и второе соображение. Оно заключалось в следующем: Христос очень устраивал Пилата; ...возникла мысль. Она была такова / Она состояла в том, что общество не только равнодушно, но выработало какую-то особую, вывернутую наизнанку стыдливость...; Тут приходится открыть тайну, а именно: я окончил в университете два факультета и скрывал это.*

Разъясняться может не только событие, обозначенное одним предложением, но и комплекс событий или эпизодов. При этом пояснительное значение наиболее отчётливо проявляется при вопросно-ответной структуре текста, например:

На это высказывание больной опять не отзывается. Но всё-таки выговаривает:

- Какие же?

- Какие основания? Дело в том, что на консилиуме мы разошлись во мнениях. Я, собственно, оказался в единственном числе. А новые, более скрупулёзные анализы подтвердили мою правоту (А. Бек);

Она сказала:

- Делай, как хочешь, но я говорю тебе, что этот человек производит на меня впечатление отталкивающее.

Я рассмеялся. Да, но чем, собственно говоря, он меня привлёк? Дело в том, что вообще человек без сюрприза внутри, в своём ящике, не интересен. Такой сюрприз в своём ящике Алоизий... имел (М. Булгаков).

Сравните возможность употребления других конструкций пояснительного характера: Какие основания? Основания таковы: на консилиуме мы разошлись во мнениях...; Да, но чем... он меня привлёк? Привлёк именно тем, что вообще человек без сюрприза внутри, в своём ящике, неинтересен.

Поясняющим может оказаться вставное предложение, вводимое компонентом *дело в том, что*. Однако в таких условиях *дело в то, что* выполняет уже не столько функцию межфразовой скрепы, сколько анафорическую, аналогическую местоименной, и функцию акцентного выделения, например: Положа свою жёсткую руку на голову сына, Ярослав Всеволодович говорил:

- Ну, что Ярославиц? (Дело в том, что маленький Саша научился от Новгородцев смягчить концы слов и «цякать».) Не поладил со своим вецем? Путь от себя показали? (А.К. Югов)

В приведённом контексте на первый план в семантике служебной единиц *дело в том, что* выходит не каузальное значение, а компонент смысла, который можно обозначить как «необходимость принять во внимание», «необходимость учесть то или иное обстоятельство» и который связан с реализацией её акцентно-выделительной функции, сравните: Ну, что Ярославиц? (Обратим ваше внимание на то, что ма-

ленький Саша научился у новгородцев смягчить и «цякать».)

Фрагмент текста, вводимый стандартизированной единицей *дело в том, что*, может утрачивать значение вставочной конструкции, но всё равно подаваться «с намерением обратить внимание на обстоятельство околкаузального характера», представленное в виде «информации к размышлению, которая не претендует на причину, но которую не следует упускать из виду» [3, 184], например:

- Как вы сказали? – удивился Зыбин. Припухать?

- Припухать, припухать, - улыбнулся старик. – А вы разве не слышали этого слова? Как же это сосед-то вас не образовал? Дело в том, что, у нашего брата, лагерника, бывают только три состояния: мы можем мантулить (или, что то же самое, «упираться рогами»), то есть работать, или кантоваться, то есть не работать, и, наконец, припухать, то есть ждать у моря погоды (Ю. Домбровский). – Сравните: Надо знать / Следует знать / Обращаю ваше внимание на то, что у нашего брата, лагерника, бывают только три состояния...

Иногда единица *дело в том, что*, выполняя функцию актуализатора побочной информации, которую необходимо иметь в виду, приобретает некоторый противительный оттенок смысла. Причём каузальное значение в таком случае, по-видимому, может полностью нивелироваться. Например:

Отец уклонялся объяснять или же выставлял что-либо смехотворное, вроде: «Видишь ли, в принципе, я не против твоего Лёвки, или Шулепки, как ты его называешь. Кстати, советую эту кличку оставить... Называй его просто львом... Дело в том, что он скверно воспитан. Он, например, не благодарит, когда встаёт из-за стола после чая» (Ю. Трифонов). – Сравните: Видишь ли, в принципе, я не против твоего Лёвки... Но имей в виду, что он скверно воспитан.

Внутритекстовые межфразовые отношения столь многоплановы, что не всегда удаётся однозначно определить функции и значение единицы *дело в том, что*,

ибо в тех или иных условиях в ней могут совмещаться разные компоненты смысла: например, причинное значение межфразовой скрепы и значение акцентного выделения информации, которую надо иметь в виду при осмыслении ситуации:

Товарищи, я буду говорить экспромтом. Дело в том, что я хотел сбежать от этого вечера просто по несоразмерной высоте задачи, которая ставится перед человеком: объять эти воспоминания в какие-нибудь 5 или 10 минут, или даже час, или день, или два дня и рассказать, чем был Маяковский, которого я знал. Но меня силою привели сюда. Давайте не станем об этом жалеть. Предупреждаю, я буду говорить беспорядочно (Б. Пастернак). – Сравните: 1) Товарищи, я буду говорить экспромтом, потому что хотел сбежать от этого вечера... но меня силою привели сюда; 2) Товарищи, я буду говорить экспромтом. Имейте в виду / Обращаю ваше внимание на то, что я хотел сбежать от этого вечера...

Иногда семантическое наполнение скрепы таково, что в ней происходит наложение значений причины и пояснений, например: *Хозрев выскочил из своей коляски, сел на лошадь и ускакал. Русские, бывшие при нём, удивились его смелости. Дело в том, что молодой азиатец, не привыкший к коляске, видел в ней скорее западню, нежели убежище (А. Пушкин).* В данном случае причинно-следственные отношения устанавливаются между первым и третьим предложениями, а пояснительные между вторым и третьим.

Таким образом, можно утверждать, что в некоторых случаях для функтива *дело в том, что* характерен своеобразный семантический синкретизм.

Как было отмечено выше, во всех контекстах компонент *дело в том, что* служит ещё и грамматикализованным средством акцентного выделения определённых речевых звеньев, то есть выделения главного, наиболее существенного. Это особенно ярко проявляется тогда, когда *дело в том, что* присоединяет конструкцию, которая поясняет достаточно большой фрагмент текста, а не содержание отдельного предложения и поэтому приобретает некоторый

дополнительный оттенок значения вывода, подведения итога, например:

Философия, если восстановить исходную этимологию этого слова, есть «любовь к софии», что часто и весьма приблизительно передаётся как «любовь к мудрости». В действительности же древнегреческое понятие «софия» значительно более ёмкое и сложное, чем просто «мудрость». Если бы в представлении Платона, закрепившего в европейской терминологии слово «философия», философ был просто мудрецом или любящим мудрствовать, то есть выяснять смысловую сущность вещей, он не стал бы вводить именно это слово «философ», говорящее о любви к софии, а остановился бы просто на слове «мудрец» (по-гречески «софист»). Дело в том, что под Софией Платон имел в виду не благоприобретённое, субъективное свойство человеческого ума, а некое «великое и приличествующее лишь божеству» объективное качество разумно устроенного и гармоничного мира... Именно такой смысл вкладывал Платон в термин «философия», и отсюда более адекватным было бы перевести его как «любовь к истине», хотя и это не совсем точно (А.Г. Спиркин).

Кроме того, стандартизованная единица *дело в том, что*, закрепляя единство между частями текста, может выступать в текстообразующей функции межфразовой скрепы несоюзного типа, то есть обеспечивать переход от одного сложного целого к другому, начинать абзац. Обычно такое значение она приобретает в тех случаях, когда присоединяет фрагмент текста из нескольких предложений, служащий либо пояснением предшествующей информации, либо мотивационным её обоснованием, например:

Часто раздавались очень здоровые суждения о том, чем же в самом деле отличается поэт от художника другого: прозаика, живописца. Или даже дальше: чем этот стихотворец может особенно отличаться от инженера, врача, химика. Я скажу сейчас, чем.

Дело в том, что если собрать всё написанное поэтом, как бы он гениален ни был, то это никогда не равносильно той роли, которую он сыграл. И эта роль все-

гда будет больше, потому что явление поэзии из всех искусств наиболее условно. Оно нам сигнализирует какие-то ценности, и в них мы видим отклик того, что в кавычках называем бессмертием и что по существу является драгоценнейшим признаком нашей породы (Б. Пастернак).

Отмечены и случаи вопросно-ответного построения текста, когда автор ставит вопрос и сам же отвечает на него, используя повторяющийся функционал *дело в том, что*. Например:

В чём же тогда дело?

Хотим мы этого или не хотим, а «деревенская» литература всё ещё остаётся народной в прямом смысле этого слова, и даже после того, как из мира сего уйдёт её последний художник, она таковой опять останется. Останется навсегда.

Дело в том, что перед нами – явление литературы, а явлений в ней, хотя бы и мировой, в каждое десятилетие не так уж много, по пальцам перечесть.

Дело в том, что не наше, не читательское дело указывать большому писателю, когда и как, с участием каких героев должно развиваться его произведение, это уж он сам решит, без нас, соучастником в выборе могут быть разве только его собственная судьба и собственные же привязанности... (Лит. газ.).

Примечательно, что скрепа *дело в том, что* может даже и начинать некоторые типы текстов (обычно газетно-публицистического стиля), но только в тех случаях, когда посредством её сразу вводится информация, либо мотивирующая название газетного материала, либо отсылающая к ранее изложенным фактам с тем, чтобы объяснить их или по-новому интерпретировать. Сравните начала небольших газетных заметок:

Дело в том, что я влюблён в «Икарус». Да, да, в обычный автобус. Это произошло, когда они впервые появились в нашем городе. Я ещё был пацанёнком, но уже тогда дал себе слово, что буду работать на «Икарусе». Вырос, отучился в техникуме. В армии я не мог дожидаться «дембеля», чтобы прийти домой и пойти работать (АиФ);

Мистификация с Конан Дойлом

Дело в том, что в мартовском номере журнала «Дон» помещён рассказ Артура Конан Дойла, ранее, как сказано в аннотации от переводчика, на русский язык не переводившийся. Что ж, такая публикация могла бы стать прекрасным подарком для многих поклонников творчества английского писателя. Могла бы, но, к прискорбию, не стала (Лит. газ).

Своеобразием композиционного авторского приёма можно объяснить появление в позиции инициального предложения главы фразы, начинающейся с функционала *дело в том, что*, в «Театральном романе» М. Булгакова: посредством повторения этой скрепы автор возвращает читателя к неожиданно прерванной концовке предыдущей главы:

...и под воркотню грома Ксаверий Борисович сказал зловеще:

- Я прочитал ваш роман.

Я вздрогнул.

Дело в том...

Глава 2

Приступ неврастении

Дело в том, что, служа в скромной должности читательщика в «Пароходстве», я эту свою должность ненавидел и по ночам, иногда и до утренней зари, писал у себя в мансарде роман.

Характерно, что компонент *дело в том, что* достаточно широко используется в текстах, имитирующих диалогическую речь, где он служит средством включения в контекст речевых отрезков, вводящих объяснительную часть текста, например:

В зале чувствовалось недоумение...

Чего это вдруг Свиридов умолк?

Министр повернулся к трибуне.

- Продолжайте, Алексей Платонович.

Мы слушаем.

- Дело в том, что, - произнёс Свиридов, - здесь находится автор этих записок (И. Штемлер);

- Откуда же тогда берётся тираж? Ведь ваши героини очень узнаваемы.

- Дело в том, что шахматные композиции у всех женщин разные, хотя складываются они из одних и тех же компонентов (АиФ).

Итак, можно утверждать, что в современном русском языке на базе асиммет-

ричных предложений с соотношением 2:1, где двум единицам плана выражения (предикативным единицам) соответствует одна единица плана содержания (событие), сформировалась многокомпонентная стандартизованная единица *дело в том, что* выполняющая три основные функции: 1) служебную функцию межфразовой скрепы союзного типа с семантикой причины,

обоснования и пояснения; 2) функцию акцентного выделения (актуализации) определённых текстовых отрезков; 3) текстообразующую функцию межфразовой скрепы несоюзного типа. В каждом конкретном случае она реализует либо все свои функции (что бывает относительно редко), либо некоторые из них.

Литература

1. Тарасенкова Е.Ф. Сложноподчинённые предложения в диалогической речи // Вопросы синтаксиса сложного предложения и методики его преподавания в вузах. – Краснодар, 1966. – С. 106.
2. Рогожникова Р.П. Словарь эквивалентов слова: Наречные, служебные, модальные единства. – М.: Рус. яз., 1991. – С. 88.
3. Ляпон В.М. Смысловая структура сложного предложения и текст: К типологии внутренних отношений. – М.: Наука, 1986. – 201 с.
4. Золотова Г.А. Развитие некоторых типов именных двусоставных предложений в современном русском языке // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. – М., 1964. – С. 280.
5. Белошапкина В.А. Синтаксис // Современный русский язык: Учеб. для филол. спец. ун-тов. – М., 1989. – С. 723.
6. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. – Л.: Учпедгиз, 1941. – С. 458; Виноградов В.В. Русский язык: грамматическое учение о слове. – М.-Л.: Учпедгиз, 1947. – С. 325; Русская грамматика: В 2-х т. – Т.2. – М.: Наука, 1980. – С. 281.; Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов: Пособие для учителя. М.: Просвещение, 1985. – С. 250 - 251 и др.
7. Мигирин В.Н. Очерки по теории процессов переходности в русском языке: Учеб. пособие для студентов. – Бельцы, 1971. – С. 72.
8. Инфантова Г.Г. Об использовании в разговорной речи придаточных предложений в роли самостоятельных предикативных единиц // Филол. науки. – 1970. – №7. – С. 100.
9. Колосова Т.А., Черемисина М.И. Межфразовые скрепы союзного типа // Закономерности развития и взаимодействия национальных языков и литератур: (Текст. Коммуникация. Перевод): Тезисы докладов. – Казань, 1989. Ч.1. С. 48-50.

The linguistic nature of the structures with the component “the matter is that...” and its role in modern russian texts

N.N. Lapygina

This article deals with the typical minor unit “дело в том, что” (English variant: “the matter is that ...”) which has the auxiliary functions in a text. We analyse the main origin of its auxiliary functions, its structural organization, its semantics, and its usage in a modern Russian language.

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет

является условием для того, чтобы квалифицировать такие смысловые оттенки как отдельные значения. Об этом же пишет и А.Р.Лурия: «Легко понять, что слово *веревка* для человека, который хочет упаковать покупку, имеет один смысл, а для человека, который попал в яму и хочет выбраться из нее, это средство к спасению» [Лурия 1979:54].

Рассмотрим некоторые случаи употребления слова «земля» в лирике А.Тарковского – одного из самых частотных в его поэтическом лексиконе. Приведем ряд контекстов, в которых реализуются некоторые из значений данного слова, с целью показать принципы и механизм разграничения контекстуальных смыслов.

Всю ночь напролет голоса убитых
Плача упрашивают из *земли*:
– Помни кровь на конских копытах.
Помни наши лица в пыли.
(«Смятенье смутное мне приносят...»)

Каблучки мои в пыли,
Выщвела коса,
И поют из-под *земли*
Наши голоса.
(«Стол накрыт на шестерых...»)

Кто знает щучье слово,
Чтоб из *земли* солдата
Не поднимали снова,
Убитого когда-то?
(«Мы шли босые, злые...»)

Слово «земля» в приведенных примерах отнюдь не тождественно синониму «почва». На первый план выходит его общекультурное, архетипическое значение, которое можно сформулировать как «пространство смерти, место пребывания умерших» [Воронова 2004:262]. Однако такая формулировка будет исчерпывающей, если в нее будет внесено добавочное значение – земля как «вместилище» человеческой памяти (распространенный мотив у Тарковского – обитатели мира мертвых, напоминающие о себе живым).

Анализ ряда других текстов позволяет вывести иные смыслы, вкладываемые автором в данное слово и во многом противоположные приведенному выше значению.

Одним из примеров послужат строки из стихотворения «*Колыбель*»:

Вечер приходит, поля голубеют, *земля*
сиротеет.
Кто мне поможет воды зачерпнуть
из криницы глубокой?

Сам Тарковский утверждал: «Слово живет... отраженным светом соседей по стихотворению» [Тарковский 1967:132 - 133]. Значение лексемы «земля» в данном контексте раскрывается именно через предикат. Земля «сиротеет» именно в вечернюю пору, то есть в то время, когда не видно людей. Возникает дополнительное смысловое «напластование»: земля как пространство, связанное с людьми и *предназначенное* для них. Схожий смысл лексема «земля» обретает и в некоторых других произведениях Тарковского. (Мы сознательно употребляем здесь слово «схожий»: совпадение смыслов одной и той же лексической единицы в нескольких контекстах не может быть стопроцентным. Выделяемые значения и их оттенки являются своего рода обобщением, в какой-то мере результатом абстрагирования.)

К «семантическому смещению» возможно отнести также расширение или сужение общеязыкового значения слова. Первое из упомянутых явлений можно проиллюстрировать употреблением названий календарных месяцев в лирике Тарковского.

Стихотворение «*Ранняя весна*» завершается следующим описанием московского метро:

Там нет ни времени, ни смерти, ни *апреля*,
Там дышит ровное забвение без хмеля...

Однако в целом текст стихотворения не содержит указаний на конкретный весенний месяц:

Эй, в черном ситчике, неряха городская,
Ну, здравствуй, мать-весна! Ты вон теперь
какая:
Расселась – ноги вниз – на Каменном
мосту
И первых ласточек бросает в пустоту.

Логично сделать вывод о том, что лексема «апрель» выступает здесь как синоним весеннего времени года вообще.

В приводимом ниже отрывке из поэмы «Чудо со щеглом» мы видим тот же семантический сдвиг:

О, этот взор и эта речь! <...>
И от крещенского мороза –
Ну хоть бы льдинка в волосах:
Сплошной *июнь*!
За йотой йота
Щебечет, как за нотой нота,
И что ни день –
Одна забота:
Сирень – жасмин,
Жасмин – сирень.

Существительное «июнь» и выражение «крещенский мороз» являются в данном примере контекстуальными антонимами. Холодности и нелюдимости («крещенскому морозу») противопоставлены жизнерадостность и беспечность героини, которые ассоциируются у автора с летним теплом. Данные смыслы репрезентированы при помощи лексемы «июнь». Название шестого календарного месяца не только распространяется на время года в целом, но и вбирает в себя множество авторских ассоциаций. Общеязыковое значение слова существенно расширяется в поэтическом контексте.

Обратный случай – контекстуальное употребление слова в более узком, чем общеязыковое, значении, которое нуждается в лексикографической расшифровке. Рассмотрим значение существительного «башня» в стихотворении «Ангело Секки»:

От мерцовского экваториала
Он старых рук не в силах оторвать.
Урания не станет, как бывало,
В пустынной этой *башне* пировать.

Анализируя данное четверостишие в отдельности и в связи с текстом в целом, нельзя не прийти к выводу, что для выделенного слова не подойдет такое обобщенное толкование, как «высокое узкое строение». Само стихотворение посвящено ита-

льянскому астроному XIX века, имя которого вынесено в заглавие; даже если читателю неизвестно, кто такой Секки и какова была его судьба, текст дает вполне ясное представление о роде его занятий. Здесь и название астрономического прибора (экваториал системы Мерца), и имя Урании – музы астрономии. Следовательно, «башня» тоже имеет отношение к профессии Секки; задача лексикографа – дать дефиницию, которая указала бы назначение этой «башни». Очевидно, автор имеет в виду обсерваторию, где астроном, по-видимому, работал в одиночестве (на это намекает и эпитет «пустынная»). Итак, необходимая степень конкретности достигнута.

Контекстуальное значение той или иной лексемы может заключаться в указании на какое-то другое явление, которое прямо в тексте не обозначено. Отсюда закономерность появления в «объяснительном аппарате» таких слов, как «знак», «признак», «намек» и т. п. Вот ряд примеров такого рода:

БЕСКРОВНЫЙ, прил., ж. бескровная, мн. бескровные. (3) **1.** Возможно, намек на то, каким образом Цветаева покончила с собой. (1) Справа кровь и слева Кровь. Но твоя, **бескровная**, стократ Смертельней. (Как двадцать два года тому назад (Памяти Марины Цветаевой, V) <...> [Воронцова 2004:48])

БЛЕСК, сущ., м. <...> **2.** Признак смерти. (1) И от кого из пращуров своих Я получил наследство роковое – Шипы над перекладной кривою, Лиловый **блеск** на скулах восковых И надпись над поникшей головою? («Как Иисус, распятый на кресте...») [Там же:56]

Нередко дать точную дефиницию тому или иному словоупотреблению возможно лишь с привлечением сведений о биографии. «Это достигается чтением специальной литературы об авторе... изучением эпистолярного и критического наследия автора» [Болотнова 1992:39], а также его интервью, воспоминаний и т. п. Такое утверждение приобретает особую важность, если речь идет об Арсение Тарковском. Его лирика и биография соприкасаются очень тесно, между ними порой нет «зазора» (черта, отчасти характерная и для кинема-

тографического творчества Андрея Тарковского; ярчайший пример тому – фильм «Зеркало»). Именно благодаря связи с реальными жизненными событиями те или иные слова несут для автора особый смысл, на который должен обратить внимание лексикограф.

Рассмотрим цитаты из трех стихотворений:

Брата старшего убили,
И отец уже ослеп...
(*Жили-были*)

Там у вокзала стоит бронепоезд в брезенте,
И *брат* меня учит стрелять из лефосе...
(*Приглашение в путешествие*)

И вино звенит из тьмы,
И поет стекло.
– Как тебя любили мы,
Сколько лет прошло!
Улыбнется мне отец,
Брат нальет вина...
(«*Стол накрыт на шестерых...*»)

В приведенных отрывках речь идет о конкретном человеке – Валерии Тарковском, старшем брате поэта. В одном из поздних стихотворений Арсения Тарковского он прямо назван по имени («Я и *Валя* / Сидим верхом на пушках у ворот / В Казенный сад»), причем имя это уменьшительное, «домашнее». Поэтому в качестве определения к слову «брат» логично дать перекрестную ссылку на это имя. Сам поэт никогда не называл брата полным именем, упоминая в своих интервью, воспоминаниях и анкетах о его судьбе: «У меня был брат, который был старше меня на три с половиной года... Он был убит в своем одиннадцатом бою... в мае 1919 года (ему тогда было 15 с половиной лет)» [Тарковский 1988:37]. «У детей должно быть золотое детство. У меня оно было. <...> Я очень

любил отца. И брата *Валю*. <...> *Валю* зарубили в девятнадцатом году банды Григорьева» [Тарковский 1991:235 - 236]. За словом или именем стоит реальная трагедия отдельной семьи, которая, разумеется, не была единственной в своем роде.

Ключ к пониманию лексической семантики порой следует искать не только в событиях истории, но и в отношении автора к ним. Так, словосочетание «девятнадцатый год» у Тарковского неожиданно оказывается многозначным:

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ГОД (4) **1.** Воспринимается автором как время революционной романтики, надежд на лучшее (стихотворение написано в 1936 – 1940 гг.) (1) Здесь хранит сама природа Явный след былых времен – **Девятнадцатого года** Очистительный озон. (Цейский ледник) **2.** Переосмысление прежних впечатлений. Картина этого времени становится более жесткой и реалистичной. (1) Вся Россия голодала, Чуть жила на холоду, <...> Стулья, шапки, что попало На пшено и соль меняла **В девятнадцатом году**. (*Жили-были*) [Воронова 2004:179 - 180].

Примеров подобного рода можно привести множество; основной же принцип анализа остается неизменным: необходимо обращать внимание на то, какое значение имеет в данном контексте та или иная лексическая единица, какой дополнительный смысл она в нем приобретает или, наоборот, привносит в него. Эти смысловые вкрапления могут быть весьма индивидуальными, далеко не всегда доступными лингвистическому инструментарию. При этом для нахождения контекстуального значения нередко следует привлекать «расширенный или максимальный контекст» [Болотнова 1992:43], то есть связывать искомые смыслы с содержанием стихотворения, а порой и творчества в целом, при необходимости выходя за рамки одного стихотворного произведения.

Литература

1. Болотнова Н.С. К вопросу о декодировании поэтического текста // Вопросы стилистики. – Вып.22. – Саратов, 1988. – С. 38 – 47.
2. Воронова Т.А. Словарь лирики Арсения Тарковского. Часть 1 (А-Йота). – Воронеж, 2004.
3. Джанджанова Е.В. Семантика слова в поэтической речи. (Анализ словоупотребления

- А.Тарковского и А.Вознесенского): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1974.
4. Лурия А.Р. Язык и сознание. – М.: 1979.
5. Новиков А.Л. О контекстуальном смысле слова // Филологические науки. – 2002. – № 5. – С. 82 – 88.
6. Тарковский А.А. [Ответ на анкету «Литература и язык»] // Вопросы литературы. – 1967. – №. 6. – С. 132 - 134.
7. Тарковский А.А. Пунктир // Тарковский А.А. Собрание сочинений в 3 т. – М.: Художественная литература, 1991. – Т. 2.
8. Тарковский А.А.: «Я по крови – домашний сверчок» / Подг. публ. И. Зайчик // Огонек. – 1998.– № 9. – С. 36 - 40.

TO THE PROBLEM OF LEXICOGRAPHIC DESCRIPTION OF CONTEXTUAL LEXICAL MEANINGS

T.A. Voronova

This article concerns different kinds of semantic transformations in the context of poetry, such as semantic expanding, semantic narrowing, semantic shift etc. Special attention is paid to possible ways of lexicographic interpretation and explanation of contextual meanings.

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет

УДК 808.2

Т.Л. Ревякина

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ СЕМАНТИКИ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ СТИХОТВОРЕНИЙ О.МАНДЕЛЬШТАМА)

В данной статье рассматривается актуальный в настоящее время вопрос об интертекстуальности как свойстве поэтического текста формировать свою семантику за счет отсылок к другим текстам. Доказательством подобного утверждения является анализ стихотворений О. Мандельштама, которые содержат интертекстуальные связи, весьма значимые для формирования семантики поэтического текста.

Актуальность изучения интертекстуальности и интертекста обусловлена, во-первых, поисками новых путей решения глобальной проблемы соотношения традиций и новаторства в поэзии, а во-вторых, значимостью для современной лингвопоэтики проблем исследования смысловой стороны художественного текста с учетом не только его внутритекстовых связей, но и связей внешних, обнаруживающихся на уровне литературного направления, национальной литературы или даже мировой культуры в целом.

В настоящее время интертекстуальность признается важнейшей категорией художественного текста, которая реализуется в способности текста полностью или частично формировать свой смысл посредством эксплицитно или имплицитно выра-

женных отсылок к другим текстам.

С точки зрения изучения особенностей смысловой стороны художественного текста и ее обусловленности межтекстовыми связями творчество О. Мандельштама занимает важное место в русской поэтической традиции. Как отмечается в исследованиях, посвященных лирике О.Мандельштама, стихотворения поэта содержат отсылки к различным текстам мировой литературы и с точки зрения цитирования представляют собой явление неисчерпаемой глубины. Иными словами, произведения О.Мандельштама в значительной мере интертекстуальны.

© Ревякина Т.Л., 2006

Представляется возможным проанализировать стихотворения О.Мандельштама «Дикая кошка – армянская речь» (1930) и «С миром державным я был лишь ребячески связан» (1931), которые являются ярким примером формирования семантики поэтического текста под влиянием интертекстуальных связей.

Весьма значимые межтекстовые связи обнаруживаются в стихотворении “Дикая кошка – армянская речь...” (1930):

Дикая кошка – армянская речь –
Мучит меня и царапает ухо.
Хоть на постели горбатой прилечь:
О, лихорадка, о, злая моруха!..

Страшен чиновник – лицо как тюфяк,
Нет у его ни жалчей, ни нелепей,
Командированный – мать твою так! –
Без подорожной в армянские степи.

Пропадом ты пропади, говорят,
Сгинь ты навек, чтоб ни слуху, ни ду-
ху,

Старый повытчик, награбив деньжат,
Бывший гвардеец, замыв оплеуху...

Были мы люди, а стали людье,
И суждено – по какому разряду? –
Нам роковое в груди колотьё
Да эрзерумская кисть винограду.

и стихотворении “И по-звериному воет людье...”:

И по-звериному воет людье,
И по-людски куролесит зверье.
Чудный чиновник без подорожной,
Командированный к тачке острожной,
Он Черномора пригубил питье
В кислой корчме на пути к Эрзеруму.

Названные стихотворения в первоначальной редакции составляли единый текст.

В приведенных поэтических текстах содержатся аллюзивные отсылки к прозаическому произведению О.Э. Мандельштама “Путешествие в Армению” и повести А.С. Пушкина “Путешествие в Арзрум”.

Известно, что в 1829 г. А.С. Пушкин отправился на Кавказ с целью участвовать в турецкой войне и встретиться со своими друзьями (кавказская армия была местом ссылки декабристов и членов “тайных об-

ществ”). Поэт проехал Владикавказ, Тифлис, Армению, что и описал в повести “Путешествие в Арзрум”. О.Э. Мандельштам был командирован в Армению в 1930 году с целью описания социалистического преобразования жизни и природы. Результатом этой поездки стала “полуповесть” (так называл ее автор) “Путешествие в Армению” (см. об этом: Гаспаров, 2002).

Об отсылках к прозаическим произведениям О.Э. Мандельштама и А.С. Пушкина в указанных поэтических текстах сигнализируют: оним Эрзерум; атрибутивные словосочетания “армянская речь”, “армянские степи”, “эрзерумская кисть винограду”, “чудный чиновник”; лексические образы “моруха”, “командированный”, “грибы”, “гроба”, “подорожная”, “Черномор”. Словосочетания “армянские степи” и “армянская речь” репрезентируют оним Армения, а следовательно, тему путешествия в Армению. Ср. в прозаическом тексте у А.С. Пушкина: “Я взглянул еще раз на опаленную Грузию и стал спускаться к свежим равнинам Армении... Я ехал один в цветущей пустыне, окруженной издали горами, и начал удивляться пространству перехода... в армянской деревне несколько женщин в пестрых лохмотьях сидели на плоской кровле подземной сакли...” (Пушкин, 1993:663) и у О.Э. Мандельштама: “Везде крестьянки с плачущими лицами, волочащимися движениями, красными веками и растрескавшимися губами... Они движутся как горы усталого тряпья, заматывая пыль подолами... Кони идут по диванам, ступают на подушки, протаптывают валики. Едешь и чувствуешь у себя в кармане пригласительный билет к Тамерлану”. Названные словесные образы репрезентируют также тему армянского языка, вызвавшего особый интерес у О.Э. Мандельштама Ср. в прозаическом тексте: “Я выпил в душе за здоровье молодой Армении... за ее могучий язык, на котором мы не достойны говорить, а должны лишь чураться в нашей немощи – вода по-армянски – джур, деревня – гьюх” (возможно, именно отсюда в поэтическом тексте строка “Мучит меня и царапает ухо”). “В результате неправильной субъективной установки я привык смотреть на каждого армянина как на филолога...

Впрочем, отчасти это и верно. Вот люди, которые гремят ключами языка даже тогда, когда не отпирают никаких сокровищ”. “Армянский язык – неизнашиваемый – каменные сапоги. Ну, конечно, толстостепенное слово, прослойки воздуха в полугласных... Я испытал радость произносить звуки, запрещенные для русских уст, тайные, отверженные и, может, даже – на какой-то глубине постыдные”.

Для армянского языка действительно характерна система глухих взрывных согласных, придыхательных и абруптивных, произношение которых поражает слух глухим шепотом – “царапает ухо”. Не случайна в мандельштамовском стихотворении аллитерация на глухие [к], [х], [ц], [ч], звонкие [г], [б] и звонкий дрожащий [р]: Дикая кошка – армянская речь – / Мучит меня и царапает ухо. / Хоть на постели горбатой прилечь: / О, лихорадка, о, злая моруха! Примечательно, что А.Ованесьян, которого слушал О.Э.Мандельштам на первых своих занятиях армянским языком, был приверженцем яфетической теории Н.Я. Марра, считавшего, вопреки традиционной индоевропейской теории происхождения языков, что языки складываются из скрещивания бесконечного множества раздробленных древнейших наречий (см. об этом: Гаспаров, 2002:656). По наблюдениям исследователей жизни и творчества О.Э. Мандельштама, у поэта достаточно часто вспыхивал интерес к языкам, которые привлекали его как удивительная музыка, грамматике же он часто превращал в поэзию (см., например, воспоминания К.Мочульского об изучении О. Мандельштамом греческого языка).

Индивидуально-авторский лексический образ “моруха” в рассматриваемом стихотворении в сочетании с прилагательным “злая”, существительным “лихорадка” и глаголом “прилечь” репрезентирует тему смерти (“мор” – повальная смерть (см.: Ожегов, 1994:310) от какой-либо болезни, очевиднее всего – от чумы (чума – повальная, заразительная, смертная болезнь, на людей или на скот (Даль, т. 4, с. 614). Подобное восприятие лексического образа “моруха” обуславливается и усиливается интертекстуальными связями рас-

сматриваемого поэтического текста с повестью А.С.Пушкина: “...я встретил армянского попа, ехавшего в Ахалцык из Эривани. “Что нового в Эривани?” – спросил я его. – “В Эривани чума, – отвечал он, – а что слышать об Ахалцыке?” – “В Ахалцыке чума”, – отвечал я ему...” (Пушкин, 1993:664). Необходимо подчеркнуть, что в “Московских стихах” в результате межтекстового взаимодействия поэтических произведений О.Э. Мандельштама с текстами А.С.Пушкина, и в частности, с одной из “маленьких трагедий” – “Пир во время чумы” образ-интерферент “чума” приобретает индивидуально-авторское значение *бессмысленное гибельное существование, полное мрака*. Художественный образ “чума” с названным семантическим наполнением отмечается также в стихотворениях “Я скажу тебе с последней прямой...”, “Фэзтонщик”.

Оним Эрзерум и словосочетание “эрзерумская кисть винограду” также включают в семантическое пространство произведения О.Э.Мандельштама пушкинский текст. Ср. у А.С. Пушкина : “Арзрум (неправильно называемый Арзерум, Эрзрум, Эрзрон) основан около 415 года. Арзрум почитается главным городом в Азиатской Турции... Дома в нем каменные, кровли покрыты дерном, что дает городу чрезвычайно странный вид, если смотришь на него с высоты”).

Как показал анализ, стихотворение О.Э. Мандельштама содержит отсылки к поэме А.С. Пушкина “Руслан и Людмила”, а также к жизненному образу А.С. Пушкина. Названные интертекстуальные связи репрезентируются лексическими образами “Черномор”, “чудный чиновник”, “без подорожной”. Как известно, Черномор – злой волшебник из “Руслана и Людмилы”. Подорожная – открытый лист для получения почтовых лошадей (Даль, т.3, с.193), т.е. бумага, выдывавшаяся командированным для ускорения проезда, но А.С.Пушкин совершил поездку на Кавказ самостоятельно, вопреки отказу Николая I, поэтому подорожной у поэта не было.

Наличие интертекстуальных связей названного стихотворения О.Э. Мандельштама и повести А.С.Пушкина “Путешествие

в Арзрум» подтверждается и анализом черновых материалов. Ср. в черновом автографе мандельштамовского стихотворения в 5 строфе: “Грянет ли в двери знакомое: – Ба! / Ты ли, дружище, – какая издевка! / Долго ль еще нам ходить по гроба, / Как по грибы деревенская девка?” была строка “Там, где везли на арбе Грибоеда”. Приведенный фрагмент представляет собой отсылку к пушкинскому тексту: “Два вола, впряженные в арбу, подымались по крутой дороге. Несколько грузин сопровождали арбу. “Откуда вы”, – спросил я их. – “Из Тегерана”. – “Что вы везете?” – “Грибоеда”. Это было тело убитого Грибоедова, которое препровождали в Тифлис. Не думал я встретить уже когда-нибудь нашего Грибоедова!” (Пушкин, 1993:667). С именем А.С.Грибоедова в стихотворении О.Э.Мандельштама ассоциируются лексические образы “грибы”, “гроба”. См. также в “Путешествии в Армению”: “В детстве из глупого самолюбия, из ложной гордыни я никогда не ходил по ягоды и не нагибался за грибами”.

Таким образом, стихотворение О.Э.Мандельштама “Дикая кошка – армянская речь...” формирует свой смысл посредством межтекстового взаимодействия не только с прозой А.С.Пушкина, но и со стихотворным и прозаическими произведениями самого О.Э.Мандельштама.

Семантическое пространство интертекста в данном случае образуется как эксплицитными словесными единицами: онимами Армения, Арзрум; атрибутивными словосочетаниями “армянская речь”, “армянские степи”, “армянская деревня”, “цветущая пустыня”, “эрзерумская кисть винограду”, “чудный чиновник”; лексическими образами “моруха”, “лихорадка”, “чума”, “командированный”, “подорожная”, “гроба”, “грибы”, “арба”, “Грибоед”, “Черномор”, так и имплицитным образом-интерферентом “чума”, включаемым в смысловое содержание поэтического произведения в результате интертекстуальных связей рассматриваемого поэтического текста с несколькими прецедентными текстами. Кроме того, названия прозаических текстов О.Э.Мандельштама и А.С.Пушкина представляют собой одинаковые грам-

матические конструкции: словосочетания с атрибутивно-обстоятельным значением. На фонетическом уровне единство названных художественных текстов подчеркивается звуковыми сочетаниями: арм, грб, рб.

В исследуемом стихотворении выделяется два семантических плана. Первый – это реальность, увиденная О.Э.Мандельштамом в Армении (с проекцией и на всю советскую Россию). Отрицательная эмоциональная модальность данного смыслового плана формируется с помощью лексических образов “дикая”, “мучит”, “царапает”, “лихорадка”, “злая”, “моруха”, “падать”, “мухи”, “страшен”, “издевка”, “гроб”, “суждено”, “роковое”; употребления стилистически сниженных (разговорных и просторечных) существительных “моруха”, “деньжат”, “оплеуху”, “людье”, “девка” и прилагательных в сравнительной степени “жалчей”, “нелепей”, междометия “ба”; трех, идущих подряд сниженных устойчивых оборотов “пропадом ты пропади” (пропади пропадом – выражение сильного раздражения, досады по поводу кого-либо или чего-либо), “сгинь ты навек” (на веки веков – навсегда, навечно), “ни слуху, ни духу” (никаких известий, сведений от кого-либо), а также грубого просторечного сочетания “мать твою так”.

Второй семантический план – это традиции, культура и древняя армянская, а в широком смысле – кавказская, земля, которая помогла О.Э.Мандельштаму вернуться к поэтическому творчеству, армянский народ (русское заселение Кавказа началось со ссылки туда бывших гвардейцев и предоставлении льготной службы мелким чиновникам), “могучий” армянский язык, А.С.Пушкин, “путешествующий” по этим землям, и А.С.Грибоедов, проделавший здесь свой последний путь. Ср. высказывание О.Э.Мандельштама о грузинской культуре: “Да, культура опьяняет... Я бы причислил грузинскую культуру к типу культур орнаментальных. Окаймляя огромную и законченную область чужого, они впитывают в себя главным образом его узор... Вы не Запад и не Восток, не Париж и не Багдад; глубокой воронкой врезалось в историческую землю ваше искусство, ваша

художественная традиция. Вино старится – в этом его будущее, культура бродит – в этом ее молодость. Берегите же свое искусство – зарытый в землю узкий глиняный кувшин!”.

Художественно значимые интертекстуальные связи характерны также для смыслового содержания стихотворения “С миром державным я был лишь ребячески связан...”:

С миром державным я был лишь ребячески связан,

Устриц боялся и на гвардейцев смотрел
исподлобья –

И ни крупницей души я ему не обязан,

Как я ни мучал себя по чужому подобию.

С важностью глупой, насупившись, в митре бобровой,

Я не стоял под египетским портиком банка,

И над лимонной Невою под хруст сторублевый

Мне никогда, никогда не плясала цыганка.

Чуя грядущие казни, от рева событий мятежных

Я убежал к nereидам на Черное море...

Так отчего ж до сих пор этот город довлеет

Мыслям и чувствам моим по старинному праву?..

Не потому ль, что я видел на детской картинке

Лэди Годиву с распущенной рыжею гривой,

Я повторяю еще про себя под сурдинку:

Лэди Годива, прощай... Я не помню, Годива...

Начало стихотворения перекликается с автобиографическим прозаическим произведением О.Э.Мандельштама “Шум времени”. Содержащийся в названном произведении очерк “Ребяческий империализм” начинается так: “Конный памятник Николаю I против Государственного совета неизменно, по кругу, обхаживал замшелый от старости гренадер, зиму и лето в нахлобученной мохнатой бараньей шапке. Головной убор, похожий на митру...”.

(Митра – головной убор высшего православного духовенства, надеваемый при полном облачении). В названном очерке описываются детские впечатления от прогулок по Петербургу. И архитектура города, и гвардейцы, и парады, и дворцовые приставы, и уличные путешествия царя – все было воспринято глазами ребенка. И ребенок принимал город с его атрибутами державности. “Петербургская улица возбуждала во мне жажду зрелищ, и самая архитектура города внушала мне какой-то ребяческий империализм. Я бредил конногвардейскими латами и римскими шлемами кавалергардов, серебряными трубами Преображенского оркестра, и после майского парада любимым моим удовольствием был конногвардейский праздник на Благовещенье”.

Образный строй рассматриваемого стихотворения содержит также отсылки к “Египетской марке” О.Э.Мандельштама: “Он думал, что Петербург – его детская болезнь и что стоит лишь очухаться, очнуться – и наваждение рассыплется: он выздоровеет, станет как все люди...”.

Лексические образы “лимонной” (лимонный цвет – светло-желтый (Ожегов, с. 278) и “Черное море” представляют собой аллюзию на очерк “Хаос иудейский”: “Вдруг дедушка вытащил из комода черно-желтый платок, накинул мне его на плечи и заставил повторять за собой слова, составленные из незнакомых шумов... мне стало страшно и душно”. Как известно, черный и желтый цвета используются в религиозных обрядах иудаизма (это цвета талеса – шелкового платка, который правоверный иудей набрасывает на голову во время молитвы). В стихотворениях О.Э.Мандельштама к данным цветам часто формируется отрицательное отношение (см., например, более ранние стихотворения “Эта ночь непоправима...” (1916), “Среди священников левитом молодым...” (1917), “Вернись в смешительное лоно...” (1920). Кроме того, черно-желтый – это цвет Петербурга в мандельштамовской поэтической картине мира: Зимний дворец с императорским штандартом – черный орел на желтом поле (см., например, “Императорский виссон” (1915), “Ленинград” (1930).

Лексические образы “Нева”, “детская”, “лимонная”, “Черное море” представляют собой аллюзию на стихотворение “Ленинград” (1930), которое в сборнике стихов расположено перед исследуемым стихотворением:

Я вернулся в мой город, знакомый до слез,

До прожилок, до детских припухлых желез.

Ты вернулся сюда, так глотай же скорей

Рыбий жир ленинградских речных фонарей,

Узнавай же скорее декабрьский денек,

Где к зловещему дегтю подмешан желток.

Петербург был родным для О.Э. Мандельштама городом, в котором он создал просветленные, чудесные стихи. Но к началу 30-х годов это уже не тот, любимый с детства, город (большинство знакомых и друзей либо расстреляны, либо умерли, либо высланы, либо эмигрировали), в нем нет места для поэта (О.Э.Мандельштам не имел собственной квартиры и был вынужден жить у брата, в каморке у черного хода) и самого Петербурга тоже нет, есть Ленинград.

Имя Годива воспроизводит в памяти читателя стихотворение А.Теннисона, в котором автор воспевает леди Годиву, согласившуюся по уговору проехать на лошади через целый город нагой, прикрываясь лишь собственными волосами, чтобы освободить свой народ от невыносимой подати; однако она ехала по пустому городу – ни один житель даже не открыл ставни.

В смысловом плане в стихотворении “С миром державным я был лишь ребячески связан...” выделяется два контекста. В первом автор отрицает свою связь со старым державным миром (на грамматическом уровне это подтверждается употреблением отрицательных конструкций с частицами “не” и “ни”: “не обязан”, “не стоял”, “не плясала”, “ни крупницей”, “ни мучал”, “никогда”). Подобное отрицание проецируется и на отрицание связи с родной для О.Э.Мандельштама средой иудейства. Следует отметить, что у поэта было сложное отношение к миру, к которому он принад-

лежал по рождению и который был ему эмоционально и нравственно чужд. Именно поэтому в 1914 году О.Э.Мандельштам принял обряд крещения в методистской церкви. “...Применительно к человеку еврейского происхождения это означало прежде всего – не иудаист... иудаизм был им раз и навсегда отвергнут как свой путь” (Аверинцев, 1991:28). Но с течением времени отношение поэта к иудаизму изменялось. Так, стихотворения, вошедшие в книгу стихов “Tristia”, знаменуют перелом в отношении О.Э. Мандельштама к родной среде: от резкого неприятия он переходит к спокойному осознанию своей причастности к этому миру, а позже – к яростному противопоставлению его миру остальному (см. об этом: Палий, 2003:89).

М.Л.Гаспаров указывает, что перемена в отношении О.Э.Мандельштама к иудейству стала внешним знаком культурной переориентированности: “Раньше оно претило ему замкнутостью, отторгнутостью от мирового единства, – теперь, когда он сам противопоставляет себя официальным наследникам мировой культуры, именно это в иудействе и становится для него привлекательным” (Гаспаров, 2001:238). “...Я настаиваю на том, что писательство в том виде, как оно сложилось в Европе, и в особенности в России несовместимо с почетным званием иудея, которым я горжусь. Моя кровь, отягощенная наследством овцеводов, патриархов и царей, бунтует против вороватой цыганщины писательского отродья...”.

В творчестве 30-х г.г. О.Э. Мандельштам опять возвращается к иудейской теме (“Жил Александр Герцевич...”, “Канцона”, “Египетская марка”). Поэтому во втором контексте исследуемого стихотворения автору приходится признать свою духовную принадлежность родной среде (хотя и чуждой поэту), от которой он пытался отказаться вначале (Так отчего ж до сих пор этот город довлеет / Мыслям и чувствам моим по старинному праву?). И подобно леди Годиве, еще одному детскому воспоминанию, способен жертвовать собой. Только жертва может оказаться напрасной, потому что в новом мире, как и в новом Петербурге, нет места для поэта Мандель-

штама (его стихи не печатаются, они известны только узкому кругу друзей). Отсюда эпитеты с отрицательной окраской “самолюбивый”, “проклятый”, “пустой”. Такое композиционное построение воспроизводит в памяти читателя стихотворение О.Э.Мандельштама “Я не слышал рассказов Оссиана...” (1914), в котором также выделяется два контекста. В первом О.Э.Мандельштам отрекается от “родства” с предками (на грамматическом уровне это подтверждается отрицательными конструкциями с частицей “не”):

Я не слышал рассказов Оссиана,
Не пробовал старинного вина;
Зачем же мне мерещится поляна,
Шотландии кровавая луна?..

а во втором он понимает, что как бы поэт заведомо не презирал это “родство”, все равно:

И не одно сокровище, быть может,
Минуя внуков, к правнукам уйдет,
И снова скальд чужую песню сложит
И как свою ее произнесет.

В тексте указанного стихотворения Мандельштам осознает и решает для себя антиномию “свое – чужое” в творчестве: не переступив через “чужое”, не сумев отречься от него сознательно, нельзя создать “свое”, которое, однако, все равно будет связано с предшественниками глубинными

связями. Так поэт видит неразрывную цепь развития мировой культуры и природу авторской индивидуальности.

Таким образом, смысловым центром стихотворения “С миром державным я был лишь ребячески связан...” является метаобраз *признание принадлежности родной среде через отречение от нее*, который формируется под воздействием автоцитаций из прозаических и поэтических произведений. Семантическое пространство интертекста формируется посредством лексических образов “ребячески”, “ребяческий”, “державный”, “империализм”, “гвардейцы”, “военщина”, “митра”, “лимонная”, “Нева”, “Черное море”, “детская”, “деготь”, “желток”, “город”, словосочетаний “лэди Годива”, “рыжею гривой”. На грамматическом уровне используются конструкции с отрицательной частицей “не”. Кроме того, в данном стихотворении содержится композиционная аллюзия на стихотворение “Я не слышал рассказов Оссиана...”

В целом, анализ стихотворений «Дикая кошка – армянская речь...» и «С миром державным я был лишь ребячески связан...» позволяет утверждать, что семантика данных поэтических текстов в значительной степени формируется под влиянием интертекстуальных связей.

Литература

- 1.Аверинцев С.С. Судьба и весть Осипа Мандельштама/ С.С. Аверинцев // О. Мандельштам: Сочинения в 2-х тт. – Т. 1. – М.: Худож. лит., 1990.
2. Гаспаров М.Л. О русской поэзии: Анализы, интерпретации, характеристики / М.Л.Гаспаров. – СПб.: Азбука, 2001.
- 3.Гаспаров М.Л. Литературный интертекст и языковой интертекст / М.Л. Гаспаров // Изв. АН: Сер. Литературы и языка. 2002. – Т.61. – № 4. С. 5-10.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х тт. / В.И. Даль. – М.: Русский язык, 1989.
5. Мандельштам О.Э. Сочинения в 2-х тт. / О.Э. Мандельштам. – М.: Худож. лит., 1990.
6. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов. – Екатеринбург: Урал – Советы, 1994.
7. Палий О.В. Структурно-семантическая организация поэтического макротекста в книге стихов Осипа Мандельштама 1916 – 1920 гг. «TRISTIA»: Дисс...канд. филол. наук / Ольга

Владимировна Палий. – Воронеж, 2003.

Intertextuality is an ability of semantics formation of the poetic text (on the material of O. Mandelstam's verses)

T.L. Revyakina

This article is about intertextuality as an ability of the poetic text to form semantics by allusions to other texts. The analysis of O. Mandelstam's verses, which contain allusions, is an argument of this assertion.

Воронежский экономико-правовой институт

УДК 82.09

И. Е. Намакштанская

**СИТУАТИВНОЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ
В. С. ВЫСОЦКОГО И Н. В. ГОГОЛЯ ЭМОЦИОНАЛЬНО-
ЭКСПРЕССИВНЫХ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ**

Исследуются эмоционально-экспрессивные аспекты, характерные для творчества В.С.Высоцкого и Н.В.Гоголя. Доказано, что многообразие образительных средств разговорной речи В.С.Высоцкого - это наследие творчества Н.В.Гоголя, одним из которых является синтаксема с эмоционально-экспрессивной семантикой.

Творчество В.С.Высоцкого, несмотря на многочисленные подходы к изучению его поэтических произведений и многотомные труды исследователей, всё ещё остаётся в поле чрезвычайного внимания литературоведов и критиков всего мира. Разгадывая «феномен Высоцкого», ученые одним из направлений собственных поисков избрали сопоставление его тематических доминант и авторского стиля с творчеством А.С.Пушкина, С.А.Есенина, М.Ю.Лермонтова, Н.Некрасова, А.Галича, И.Кольцова, А.Твардовского, М.Зощенко, Б.Окуджавы, И.Бродского, Н.Рубцова, Н.Матвеевой, А.Городницкого и многих других поэтов и писателей (см. работы Г.Л.Корольковой, Джеральда Смита, Е.М.Четиной, Б.Осевича, И.В.Кирилловой, Н.М.Рудник, Г.Г.Хаззагерова, Евг. Стрась, Элеоноры Лассан, Т.Н.Масальцевой) (1).

В настоящей работе поставлена цель проследить эмоционально-экспрессивные аспекты, характерные для творчества В.С.Высоцкого и Н.В.Гоголя, и лексико-синтаксические средства, репродуцированные ими из разговорной речи.

Предметом исследования являются тексты стихотворений и песен В.С.Высоцкого (2), а также прозаические произведения Н.В.Гоголя, ограниченные для анализа повестями из сборника «Вечера на хуторе близ Диканьки» (3). Нами выделялись структурные составляющие текста в соответствии с речевой стратификацией на уровне синтаксической конструкции, поскольку «...на синтаксическом уровне репродукция разговорных элементов играет, прежде всего, характерологическую роль» (4, 52). Позволим себе в подтверждение данной мысли обратиться к словам В.Г.Белинского из статьи «Русская литература в 1831 году», опубликованной в первом номере «Отечественных записок» за 1832 год, в которой русский критик, оценивая только что вышедшие в свет «Вечера на хуторе близ Диканьки», писал об авторском стиле двадцатидвухлетнего Николая Васильевича Гоголя так: «Здесь поэт как бы сам любит созданными им оригиналами. Однако ж эти оригиналы не его выдумка, они смешны не по

© Намакштанская И.Е., 2006

его прихоти; поэт строго верен в них действительности. И потому всякое лицо говорит и действует у него в сфере своего быта, своего характера и того обстоятельства, под влиянием которого оно находится.

И ни одно из них не проговаривается: поэт математически верен действительности и часто рисует комические черты без всякой претензии смешить, но только покоряясь своему инстинкту, своему такту действительности” (5, 566). Вспомнились эти слова еще и потому, что они как нельзя лучше характеризуют творчество В.С.Высоцкого, хотя между ним и Н.В.Гоголем лежит немалый отрезок времени – 128 лет, а сроки жизни почти совпали (Гоголь прожил 43 года, а Высоцкий – 42). 128 лет вместили в себя смену нескольких социально-политических систем, серию войн, две революции. И тем не менее, как сказал Ю.М.Лотман, “XVIII- начало XIX – это семейный альбом нашей сегоднешней культуры, ее “домашний архив”, ее “близкое-далекое” (6, 14). Сопоставлению творчества В.С.Высоцкого и Н.В.Гоголя как “близкого-далекого” и посвящена данная статья.

Сравнение проводилось по совпадению тематических доминант, отраженных в творчестве двух гениев литературы, а также лексико-синтаксических речевых единиц, характеризующихся эмоционально-экспрессивным колоритом. Будем помнить при этом, что “художественная литература всегда ориентируется на источники народной речи, в крайнем случае, в оценках писательской практики преимущество отдается живой разговорной стихии” (7, 348), которая характеризуется как экспрессивностью, так и эмоциональностью. Причем экспрессивность рассматривается как “способность речевой единицы усиливать логическое и эмоциональное содержание высказанного, выступать способом субъективной выразительности речи. С помощью экспрессивных выразительных средств говорящий передает свое отношение и к высказываемому, и к адресату” (7, 325-326). В речи экспрессивность непосредственно связывается с эмоциональностью, логической

оценочностью и стилистической маркированностью речевых единиц, в основе которых “лежат социо-, психолингвистические и собственно речевые критерии оценки выразительных средств” (7, 326). “Экспрессивность появляется там, – пишет С.Я.Ермоленко, – где существует возможность сопоставления, усиления определенных признаков на основе противопоставления экспрессивно нейтральных и более выразительных речевых средств” (там же).

Эмоциональные оценки – выражение ласкового, ироничного, насмешливого, неодобрительного, доброжелательного, осуждающего и т. д. отношения к чему или кому-либо – передаются как отдельными лексемами, их сочетаниями, так и многообразными синтаксическими конструкциями. При этом, “если лексические и словообразовательные единицы несут заряд экспрессии в своей семантике, то грамматические формы приобретают экспрессивные оттенки в соответствующих контекстуальных условиях, в изменении лексической сочетаемости, в частности, в употреблении определенных форм” (7, 327).

Рассматривая авторское использование В.С.Высоцким и Н.В.Гоголем эмоционально-экспрессивных средств, остановимся на конкретном ситуативном функционировании синтаксем, поскольку “соответствующими синтаксическими конструкциями, фразеологическими оборотами, словами-предложениями, словами-частицами передается непосредственно реакция собеседника, например, просьба, удивление, радость, одобрение, возражение, отказ, возмущение, неудовлетворение и т. д. (7, 318).

Одной из стилеобразующих черт разговорной речи является ее идентифицирующее свойство, и для В.С.Высоцкого и Н.В.Гоголя она, по словам А.А.Евтюгиной, становится способом идентификации выявления «кровной связи» героя с породившей его социальной средой (4, 52). В то же время идентификация персонажа посредством его «речевого кода» требует введения большого количества индивидуализированных героев, которые образуют систему рассказчиков.

«Система рассказчиков» – характерная черта творчества Н.В.Гоголя и

С.В.Высоцкого. А это значит, что в основе таких произведений Гоголя, как «Вечера на хуторе близ Диканьки», и многих песен и стихотворений Высоцкого лежит одна основа – фольклорная традиция, которая исключает авторство, автор «выпадает из самой поэтики фольклора; он не нужен с точки зрения структуры произведения» (8, 93). «В фольклорных произведениях, – пишет Д.С.Лихачев – может быть исполнитель, рассказчик, сказитель, но в нем нет автора, сочинителя как элемента самой художественной структуры произведения» (9, 237). Анализируя творчество молодого Гоголя, в продолжение этой мысли А.С.Киченко отмечает: «... у Гоголя (опять-таки на уровне творческой интуиции) появляется идея замещения автора «системой рассказчиков», вступающих в свободный диалог и создающих тем самым традицию новой «устной прозы». Диалогический поэтический прием построения «Вечеров» – не что иное, как культурная традиция, в основе которой лежит непосредственная разговорность, ощущение присутствия слушателя, усиление момента коммуникативности» (8, 93).

Подобной «системой рассказчиков», среди которых присутствуют как люди разных профессий, так и животные, а также различного рода «одушевленные» предметы, характеризуются поэтические произведения В.С.Высоцкого, что чрезвычайно сближает его авторский стиль с творчеством Н.В.Гоголя, который, «трансформируя фольклорную традицию [...], стремится к созданию объемных и рельефных картин действительности» (8, 95).

Причем такие картины действительности требуют более яркого, объемного изображения персонажей, что было отмечено в творчестве как Н.В.Гоголя, так и В.С.Высоцкого. «Примечательная черта культурного диалога, – пишет А.С.Киченко, – заключается в том, что он всегда укрупняет фигуры участников. Гоголь, стремящийся расширить рамки собственно фольклорной сферы и приспособить ее к новым культурным задачам, начинает с настойчивого укрупнения фигуры рассказчика и доведения ее в конце концов до статуса авторской» (8, 92). По-

добный прием использован и В.С.Высоцким, что обусловило частое совпадение у него авторского героя с личностью самого поэта. Особо четко это просматривается в текстах стихотворений, в которых почти отсутствуют комические сюжеты. А те стихотворения, в которые поэт все же включает комические эпизоды, звучат саркастически. Сложен смех и у Гоголя, поскольку, по словам Д.С.Мережковского, «... смех Гоголя – борьба человека с чертом.... Черт – отрицание Бога, а, следовательно, и отрицание бесконечного, отрицание всякого конца и начала; черт есть начатое и не оконченное, которое выдает себя за безначальное и бесконечное; черт – нуменальная середина сущего, отрицание всех глубин и вершин – вечная плоскость, вечная пошлость» (10, 213). Проходит тема черта, дьявола, нечистой силы в целом и через творчество В.С.Высоцкого. Например, в стихотворении «Слева бесы, справа бесы...»:

Слева бесы, справа бесы.
Нет, по новой мне налей!
Эти – с нар, а те – из кресел, –
Не поймешь, какие злей.

[...]Что искать нам в этой жизни?
Править к пристани какой?
Ну-ка, солнце, ярче брызни!
Со святыми упокой....

На примере данных строк можно заметить и используемую поэтом форму стихотворения, совмещающую монологическую и диалогическую структуры, включающие как формы обращения к окружающим («Нет, по новой мне налей!») и ко всему, что находится вокруг («Ну-ка, солнце, ярче брызни!»), так и риторические вопросы («Что искать нам в этой жизни?»), объединяющие авторского героя. Приведем еще несколько примеров, свидетельствующих о том, что поэт постоянно использовал названные приемы. Например, в песне «Из детства»:

У матери бессонница, –
Все сутки книзу клонится.
Спи! Вдруг чего обломится, –
Небось – не Барнаул...

в песне «У нас вчера с позавчера...»:
И пошла у нас с утра

дня добрые люди в гости, в пасичникову лачужку, усядутся за стол, – и тогда прошу только слушать»

(«Вечера на хуторе близ Диканьки».

Ч. 1. Предисловие.).

Для разговорной речи типичны эллиптические конструкции предложений, которые широко использовали как Н.В.Гоголь, так и В.С.Высоцкий. Например:

«Принялся снова за котел – нет, тяжел! Что делать?»

Тут же не оставить! Вот, собравши все силы, ухватился он за него руками.

– Ну, разом, разом! еще, еще! – и вытащил! –

Ух! Теперь понюхать табаку!»

(«Заколдованное место»)

... Говорят, живут же люди

В этом самом Голливуде.

И в Париже!.. Но – не будем:

Пусть болтают куркули!

(«Как во городе во главном»)

Значительное место в речи персонажей Н.В.Гоголя и В.С.Высоцкого занимают образные сравнения. Например, по рассказам пасечника Панька Рудого, дом в Диканьке «почище какого-нибудь пасичникова куреня», пироги у его жены «сахар, совершенный сахар!», угощения – «объяденье», истории такие страшные, «что волосы ходили по голове», а накормят так вкусно, что «будете рассказывать и встречному и поперечному». А вот сравнения в речи рассказчиков из стихотворений

В.С.Высоцкого: «Мы без этих машин – словно птицы без крыл» («Мы без этих машин – словно птицы без крыл»), «Я весь в поту, как пахарь от сохи», «Вернусь к тебе, как корабли из песни», («И снизу лед и сверху – маюсь между» и т. д.

Разговорная речь, использованная Н.В.Гоголем и В.С.Высоцким, изобилует синтаксемами со значением пожелания, благодарения, предположения, прощения, обещания, оправдания, высказывания сожаления, восторга, совета и т. д., что свидетельствует о том, что оба гениальных мастера слова старались через эмоциональное состояние своих персонажей передать экспрессию их жизненного пути, отраженного в отдельных сюжетах и составляющих их эпизодах. Ведь, как пишет А. А. Евтюгина, «в стихотворной ткани разговорная речь становится определенной культурной доминантной эпохи, знаком времени, определившим особенности сознания многих поколений...» (4, 53).

Таким образом, проведенное нами исследование свидетельствует о том, что В.С.Высоцкий наследовал из творчества Н.В.Гоголя не только «смех сквозь слезы» и широкоформатность изображения проблем современного ему общества (11, 12, 13), но и многообразие изобразительных средств разговорной речи, одним из которых является синтаксема с эмоционально-экспрессивной семантикой.

Литература

1. Мир Высоцкого: Исследования и материалы. Вып. 1-6. – М.:ГКЦМ В.С.Высоцкого, 1997. – 2002.
2. Высоцкий В. С. Сочинения в двух томах. Т. 1-2. – Екатеринбург, «КРОК-Центр», 1995. Т1 – 544 с., Т2 – 544 с.
3. Гоголь Н. В. Собрание сочинений в 8-ми томах. Т1 – М: «Правда», 1984. – 382 с.
4. Евтюгина А. А. Разговорная речь в поэзии В. С. Высоцкого. – Мир Высоцкого: Исслед. и материалы. Вып. VI / Сост. А. Е. Крылов, В. Ф. Щербакова; ГКЦМ В. С. Высоцкого.- М., 2002, с.:40-53.
5. Белинский В.Г. Полн. собр. соч., изд. АН СССР, том V, с. 566. Гоголь Н.В. Собрание сочинений в 8-ми томах. Т. 1. - Изд-во “Правда”, 1984. - 382 с.
6. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII-начало XIX века). - 2-е изд., доп. - СПб: Искусство – СПб, 1999. - 415 с.
7. Єрмоленко С.Я. Нариси з української словесності: (стилістика та культура мови). - К.: Довіра, 1999. - 431 с.

8. Киченко А. С. Молодой Гоголь (источники и пути эволюции ранней прозы). – Черкассы: Черкасский национальный университет, 2004. – 192 с.
9. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. – М., 1979. – 360 с.
10. Мережковский Д. С. Гоголь и черт / Мережковский Д. С. В тихом омуте. – М., 1991. – с. 213 – 309.
11. Намакштанская И. Е. Нильссон Б., Романова Е. В. Функциональные особенности лексики и фразеологии поэтических произведений Владимира Высоцкого. – Мир Высоцкого: Исследования и материалы. Альманах. – М.: ГКЦМ В. С. Высоцкого, 1997. – Вып. 1 – с: 177 – 206.
12. Намакштанская И. Е., Куглер Н. А. Гогольские мотивы в поэтике В. С. Высоцкого. – Література і культура Полісся. Вип. 24 / Відп. ред. і упорядник Г. В. Самійленко. – Ніжин, НДПУ, 2004, с. 129 – 140.
13. Намакштанская И. Е., Романова Е. В. Сравнительная характеристика портретной живописи Н. В. Гоголя и В. С. Высоцкого. – Художественный текст: Варианты интерпретации: Труды X Межвузовской научно-практической конференции (Бийск, 16 – 17 мая 2005 г.): В 2-х т. Т2 – Бийск: РИОБПГУ им. В. М. Шукшина, 2005. – с. 40 – 46.

Situational functioning of emotional and expressive aspects in V.S.Vysotsky's and N.V.Gogol's works of literature

I.E.Namakshtanskaya

The article analyses emotional and expressive aspects typical for N.V.Gogol's and V.S.Vysotsky's works. It proves that the variety of Vysotsky spoken language is the consequence of Gogol's one. One of the arguments is a syntaxsema with emotional and expressive semantics.

Донецкая национальная архитектурно-строительная академия

УДК 801.3=82(045/046)

Л.В.Сычева

ИНОЯЗЫЧНЫЕ ВКРАПЛЕНИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ ПИСАТЕЛЕЙ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ ЭМИГРАЦИИ (РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ)

В статье рассматриваются и анализируются принципы отбора и функционального использования иноязычных вкраплений в русских оригинальных художественных текстах писателей русского зарубежья начала XX века.

Русская зарубежная литература XX века – почти неисследованная область русской национальной культуры. Между тем это одна из блестящих страниц отечественной культуры, созданная крупнейшими её мастерами, оказавшимися в силу тех или иных обстоятельств в эмиграции после Октябрьской революции. Самыми крупными центрами русской эмиграции в Европе стали Франция и Германия.

Материалом нашего исследования являются произведения таких писателей русского зарубежья, как В. Набоков, И. Бунин, И. Шмелёв, Г. Газданов, А. Ремизов и др. Все эти люди были высокообразованными.

Их объединял целый ряд особенностей речи, психологии и отношения к России. Эти писатели были верны России и стремились сохранить свою "русскость", поэтому всё лучшее и живое, что развивалось в эмигрантской литературе, питалось ностальгическими соками родной земли, русской классики [1, 8].

Знание нескольких языков (полилингвизм) – характернейшая черта писателей-эмигрантов первой волны. Это способствовало, с одной стороны, их умению переключаться с одного языка на другой в условиях неродной языковой среды, а не строить макаронический дискурс; с другой

стороны, обуславливало определённые особенности их русской речи в области лексики, грамматики и фонетики [2, 36].

© Сычева Л.В., 2006

Таким образом, верно то, что причиной полилингвизма являются "социальные факторы, разные в различные исторические периоды, а его целью – обслуживание разных видов общения или отдельных социальных слоёв этнического коллектива, или всего коллектива в целом"[3, 14].

Язык произведений писателей-эмигрантов с точки зрения присутствия в нём иносистемных элементов не был темой отдельного исследования. Эти писатели вошли в русскую литературу уже давно и усвоили старые литературные традиции, но, оказавшись в неродной языковой среде, они испытали влияние других языков на язык их произведений.

Результатом языкового контактирования выступает появление в речи (устной или письменной) иноязычных вкраплений (ИВ), представляющих собой слова, словосочетания, фразы, отрывки текста и тексты на иностранном языке, включённые в русскую речь без изменений или с теми или иными изменениями [4, 23]. Языковой контакт определяется в лингвистической литературе как "попеременное использование двух и более языков одними и теми же лицами" [5, 61].

Одним из признаков ИВ считается их неассимилированность, неосвоенность, употребление часто в графике языка-источника, но этим признаком обладает лишь часть ИВ. Другая их часть удовлетворяет признаку окказиональности (невоспроизводимости в литературной речи), но есть и узуальные ИВ, регулярно используемые в тот или иной период развития русской литературной речи в определённых речевых стилях и составляющие международный фразеологический фонд (МФФ).

Стилистическое использование ИВ определяется содержанием сообщения, в которое они включены. "Национально-культурное своеобразие содержания сообщения имеют прежде всего тексты (оригинальные и переводные), изображающие вариативную и стандартные речевые ситуа-

ции, требующие от контактирующих использования иностранного языка или ИВ" [4, 142].

В стандартных речевых ситуациях вербальное и невербальное поведение человека подчиняется определённым законам. "К числу переменных речевых ситуаций мы относим такие, в которых форма речи существенно меняется в зависимости от обстоятельств" [4, 142]. Для нашей работы важно использование сконструированной типовой речевой (вариативной) ситуации, которая "характеризуется набором признаков, влияющих на выбор языка общения и характер проявления двуязычия у билингов: 1) место языкового контакта (родная страна, заграница); 2) характеристика контактирующих (национальность, социальный статус, пол, гражданство); 3) степень владения родным и иностранным языком (от нулевого до "в совершенстве"); 4) цель общения (установка на качество речи)" [4, 142].

ИВ, введенные в текст в связи с его национально-культурной спецификой, могут обозначать предметы и явления нерусской культуры, участвовать в изображении жизненных или сюжетных ситуаций, где в качестве действующих лиц выступают носители нерусской культуры. Национально-культурная специфика текста складывается из многих составляющих, в том числе из участия в речевом акте персонажей-билингвов, из изображения реалий чужой культуры или действия, происходящего в условиях чужой культуры, и некоторых других.

Целью нашего исследования является выявление общих норм употребления, отбора и функционального использования ИВ в художественной прозе писателей-эмигрантов первой волны.

В исследованном материале нами было выявлено меньшее число ИВ, что объясняется тоской писателей по всему русскому, традиционному, христианскому. Больше всего вкраплений из французского языка (70%), что соответствует русской литературной традиции XIX века, затем по частоте употребления следуют вкрапления из английского, немецкого, украинского, латинского языков.

Большая часть ИВ в текстах прямо связана с национально-культурным содержанием сообщения (со стандартной или типовой вариативной речевой ситуацией, воспроизведённой в произведении, или с темой (предметом) сообщения. Такие ситуации изобразил В. Набоков (например, "Подвиг", "Камера обскура"), И. Шмелёв ("Солнце мёртвых"), Г. Газданов ("Вечер у Клер").

Это бывает в тех случаях, когда, кроме своего родного, иностранцы никакого другого языка не знают (таких вкраплений сравнительно немного). Например, у Набокова в романе "Камера обскура" героиня немка разговаривает с сиделкой французской, не знающей немецкого языка ("Он стоил всё-таки двадцать тысяч марок. Auto... mille, beaucoup mille marks – обратилась она к сиделке – vous comprenez? Bruno, как по-французски двадцать тысяч?")

Встречаются случаи изображения авторами ситуаций, когда нерусский собеседник-биллинг знает русский язык, а русский не знает языка собеседника. Так, в эпопее И.Шмелёва "Солнце мёртвых" татарин изъясняется с героем при помощи контаминированной русской речи (присутствует интерференция на фонетическом и грамматическом уровнях). «- Йей! – кричит он с болью в мои глаза, дёргает меня за руку. – Ну, твоя нада! пажалюста... бери конь! ну... клеба давай,... мала-мала. Снег, зима пришёл».

Встречаются случаи, когда русская речь даётся в иноязычном графическом оформлении, так в романе Набокова "Машенька" герой находит следующую телеграмму: "priedy subboty 8 utra". Выбор такой графики позволяет создать объёмный текст, изображающий узнаваемую действительность, ведь герои романа эмигранты, живущие в Германии.

Местом действия произведений писателей-эмигрантов часто становится заграница, и героями произведений являются люди нерусской культуры, совсем не знающие русского языка, поэтому в текстах В. Набокова, Г. Газданова много нулевых ИВ. Они представляют собой обычный русский переводной текст или отрывок такого текста, включённый в оригинальную русскую

речь, например в романе Набокова "Защита Лужина" его герой приезжает в Германию, что предполагает немецкий язык в передаче разговоров персонажей.

Также довольно многочисленны случаи использования в текстах полных ИВ, представляющих собой вставленный без всяких изменений в принимающий их текст отрезок текста на иностранном языке. Как правило, они передают речь героев-иностранцев, демонстрируют тексты песен, пословицы, крылатые выражения, различные надписи, т.е. передают национально-культурную специфику содержания сообщения, например, итальянские вкрапления – названия улиц, площадей, театров, кафе в произведениях Б. Зайцева, посвящённых Италии.

В исследованном материале есть ИВ, участвующие в изображении вариативной речевой ситуации, при которой используются как иностранный, так и русский языки, так как общение осуществляется биллингвами. Например, в речи персонажей Бунина многочисленны французские вкрапления, полные, частичные разных типов в графике языка-источника, передающие особенности речи представителей высшего общества России, в которой были естественны ИВ, если даже использовался при общении русский язык. Например: «C'est affreux, но что же делать?» (Сосед).

Художественной речи писателей-эмигрантов свойственно употребление ИВ не только той страны, где они жили, но и слов других языков. Они оформляются иногда как инкрустации из чужого языка, иногда передаются русскими буквами, с кавычками или без них. Например: «Благодарю Вас за очаровательную крисмас-карточку и милые слова» (В. Набоков); «На этой carte-illustrée с таким печальным и величественным видом лунной ночи... спешу написать Вам...» (И. Бунин).

Иногда использование ИВ поддерживалось отсутствием точного однословного эквивалента в русском языке. Например:

«Видаю здесь множество людей, стараюсь найти какой-нибудь литературный или университетский джоб, но пока ничего не наклёвывается» (В. Набоков).

Казалось бы, что в русском языке имеется точный эквивалент *работа*. Однако английское *job* ассоциируется и с должностью, и с заработком, поэтому оно может быть одновременно употреблено с обоими прилагательными. Сказать же по-русски «найти литературную или университетскую работу» нельзя, равно как и «найти литературный или университетский заработок».

Меньшую часть в исследованном материале представляют вкрапления, ассоциативно связанные или совсем не связанные с национально-культурным своеобразием содержания сообщения. Это, как правило, слова и выражения из европейских языков, вошедшие в МФФ. Например, Бунин вводит в авторскую речь рассказа "В ночном море" латинское вкрапление, относящееся к МФФ:

«Какой-то там Кай смертен, ergo умру и я».

Там же находим следующую фразу из итальянского языка: «*Finita la comedia*». Являясь стилистическим средством речевого выражения, такие фразы, даже с предельно кратким контекстом, обладают яркой экспрессивно-эмоциональной насы-

щенностью, что обеспечивает их живучесть в языке.

Высокой степенью идиоматичности обладают пословицы и поговорки, являющиеся узуальными, многие из которых совершенно не поддаются переводу и используются в оригинале (у Бунина «*Repetitio est mater studiorum*»).

Традиция XIX века "украшать" вкраплениями из МФФ речь автора и персонажей в художественных произведениях сохраняется и в русской литературной речи писателей-эмигрантов начала XX века.

Таким образом, писатели русского зарубежья во многом продолжают традиции отбора, использования и ввода ИВ в тексты, сложившиеся в XIX веке в русской литературной речи. Эти выражения не утратили своей "престижной" функции, т.е. они продолжают использоваться для украшения речи образованных людей. Однако нужно отметить, что общее количество ИВ снизилось по сравнению с текстами этого стиля XIX века. Это объясняется тоской писателей-эмигрантов по всему русскому, русской старине, русским обрядам.

Литература

1. Соколов А.Г. Судьбы русской литературной эмиграции 1920-х годов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1991.- С. 8.
2. Язык русского зарубежья: Общ. процессы и речевые портреты/ Рос. акад. наук. Ин-т рус. яз.им. В.В. Виноградова; Отв. ред. Е.А. Земская. – М.: Вена: Яз. слав. культуры: Wiener Slawistischer Almanach, 2001.- С. 36.
3. Проблемы двуязычия и многоязычия./ Ред. колл. Азимов П.А. (отв. ред.), Дешериев Ю.Д., Филин Ф.П. и др. – М.: Наука 1972.- С. 14.
4. Листрова-Правда Ю.Т. Отбор и употребление иноязычных вкраплений в русской литературной речи XIX века. – Воронеж, 1986. – С. 23-144.
5. Хаугэн Э. Языковой контакт. // Новое в лингвистике. – М.: Прогресс, 1972. – Вып. 6. – С. 61-81.
6. С того берега: Писатели русского зарубежья о России в 2 т. - М., 1992.

Foreign elements in Russian emigrants' authentic fiction texts at the beginning of the 20th century

L.V. Sychyova

The article considers expressions belonging to another language, the principles of their selection and the functional uses in Russian works at the beginning of the XX century.

Т.М. Крючкова

ПОНЯТИЕ ЭКСПРЕССИВНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

В исследовании рассмотрены проблемы экспрессивности в современной лингвистике, освещены взгляды лингвистов на проблему экспрессивности и ее связь с эмоциональностью и интенсивностью.

Проблема экспрессивности изучена далеко не достаточно. В современной лингвистике существует много определений понятия «*экспрессивность*», и все они пересекаются с понятиями «*эмоциональность*», «*образность*», «*оценочность*», «*интенсивность*».

Многие лингвисты рассматривают категорию *экспрессивности* на уровне единиц лексико-семантического уровня (лексем и лексико-семантических вариантов). Так, Н.А. Лукьянова в работе «О термине экспрессив и о функциях экспрессивов русского языка» [4] говорит о том, что экспрессивная функция очень часто развивается и закрепляется за отдельными ЛСВ многозначного слова в результате вторичной номинации. Переносные ЛСВ, особенно метафорические, являются универсальным и наиболее мобильным средством выражения эмоционального отношения и социальных оценок говорящего к предмету речи; они составляют значительную долю в общем объеме словаря русского языка. Автор выделяет 2 разновидности экспрессивных слов:

- а) с ослабленной номинативностью,
- б) с сильно ослабленной номинативностью.

Первые составляют большую часть лексического экспрессивного фонда. Такие экспрессивы называют определенным денотатом и одновременно характеризуют его с какой-то из сторон, выражают эмоциональное отношение говорящего к данному явлению. К ним могут быть отнесены многие слова и ЛСВ, сохраняющие словообразовательную или семантическую мотивированность: канцеляризм, безмозглость, мордобой и др.

В структуре значений экспрессивов с сильно ослабленной номинативностью

коннотативные компоненты *экспрессивности*, *эмоциональности* или *оценочности* являются ведущими, составляют ядро их смыслового содержания, «смещая» на периферию номинативность и усиливая их выразительность. Их можно назвать «чистыми» экспрессивами, они осознаются как экспрессивно маркированные языковые знаки даже на основе одной интуиции говорящих.

В.И. Шаховский в статье «Проблема разграничения экспрессивности и эмотивности как семантической категории лингвистилистики» [8] к *эмотивной* и *экспрессивной лексике* относит междометия и междометные слова, эмотивно-усилительные наречия, бранные и ласкательные слова, эмотивно-оценочные прилагательные. К экспрессивной лексике относятся также архаизмы, поэтизмы, сленгизмы, эвфемизмы, экзотизмы, некоторые звукоподражательные слова, зоолексика в фигуральном значении. Однако автор попытался разграничить экспрессивность и эмоциональность, называя их «размытыми понятиями и расплывчатыми краями» [8]. Он считает, что *экспрессивность* и *эмотивность* могут быть компонентами лексического значения языковой единицы, они относятся к выразительным средствам языка и являются качественной характеристикой речи. Вместе с тем, он выделяет дифференциальные признаки *экспрессивности* и *эмотивности*:

1. *Экспрессивность* связана с представлениями, а *эмотивность* с чувствами, ощущениями.

Экспрессивность и *эмотивность* различаются по своим функциям: экспрессивность – это усиление воздействующей, впечатляющей силы высказывания, его

характеризация, а эмотивность служит для выражения чувств человека, его отношения, его оценки.

2. Эмотивность тесно связана с оценочностью и субъективностью, так как является проявлением чувствований. Экспрессивность не обязательно связана с ними.

Экспрессивность и эмотивность различаются также и с точки зрения их направленности и зависимости от наличия отсутствия референта. Экспрессивность предполагает его наличие, т.к. она направлена на него. Эмотивность является всегда направленной на конкретный референт. Она результат его факта.

3. Эмотивность представляет собой реакцию агента на этот референт, а экспрессивность может быть не столько реакцией, сколько стимулом для референта.

4. Экспрессивность измеряется интенсивностью, а эмоциональность – оценочностью.

5. Экспрессивность, в отличие от эмотивности, является не только выразительным, но и изобразительным средством речи.

О.В. Загоровская, говоря о семантических различиях образных и экспрессивных единиц языка, признает, что наличие в семантической структуре словесных единиц, выраженных эмоциональных и оценочных сем целесообразно использовать в качестве основного критерия при определении границ экспрессивной лексики [3]. Автор отмечает, что анализ материала словарей и речевых произведений показывает, что в современном русском языке существует минимум четыре разряда слов, в семантике которых эмоциональные и оценочные компоненты всегда играют ведущую роль.

1. Собственно-экспрессивные слова, в семантической структуре которых ведущая роль принадлежит коннотативному компоненту значения, представленному ярко выраженными семами *интенсивности, эмоциональности, оценочности* и стилистической отнесенности: тащиться - «идти, ехать медленно», шпарить - «быстро говорить, читать».

2. Эмоционально-

экспрессивные слова, коннотативный компонент которых включает в себя выраженные семы *эмоциональности, оценочности* и стилистической отнесенности: плут - с эмоцией неодобрения и отрицательной оценкой о хитром и изобретательном обманщике или человеке коварном. К выделенному разряду экспрессивной лексики относятся также эмоциональные обращения типа, голубушка, милочка, в которых эмоциональность «поглощает» все остальные компоненты значения.

3. Образно-экспрессивные слова, в семантическую группу которых помимо денотативных и коннотативных эмоционально-оценочных сем, входит выраженная сема *образности*. К данной группе относятся слова с яркой внутренней формой (крохобор, лизобл.юд и др.), семантические производные номинативных лексем (орел, змея - о человеке), изобразительные слова (фифа, охламон и др.).

4. Экспрессивно-стилевые слова, в семантической структуре которых особую значимость имеет компонент стилевой отнесенности, подкрепленный семами *эмоциональности и оценочности*.

Сопоставляя образную и экспрессивную лексику русского языка, автор отмечает, что не существует жесткой связи между образностью словесной единицы и ее экспрессивностью, образное не всегда является экспрессивным и наоборот.

Одним из основных способов разграничения номинативных и экспрессивных слов является метод идентификации, впервые использованный Ш. Балли [1]. По его словам, «идентифицировать экспрессивный факт - это значит приравнять его к единице мысли, определить его путем подстановки простого, неэмоционального слова (слова - идентификатора), соответствующего представлению или понятию» [1]. Такую точку зрения поддерживает Т.А. Трипольская [6]. Она подчеркивает, что часть экспрессивных единиц, например, экспрессивные глаголы, соотносится с нейтральными словами. Ср.: пить - дуть, хлестать, лакать. Нейтральный синоним эксплицирует денотативное, «вещественное» содержание экспрессивных глаголов [6]. Признавая экс-

прессивность семантическим компонентом, Т.А. Трипольская анализирует словарные дефиниции. По мнению автора, идентификаторами семы «экспрессивность» могут быть такие, которые используются в словаре для толкования слов с эксплицитной семой «экспрессивность» («интенсивность»), например, глаголов, прилагательных, наречий, обозначающих высокую степень признака (ахнуть, адский, ужасный и т.п.). Это, во-первых, наречия меры, степени и образа действия (очень, крайне, слишком); во-вторых, прилагательные, называющие высокую степень качества (красивейший, прекрасный, огромный).

З.П. Никулина отмечает, что экспрессивность, эмоциональность, оценочность, образность являются существенными свойствами слов не только апеллятивной, но и ономастической лексики [5].

Эмоциональность и экспрессивность, по мнению О.И. Блиновой [2] органически связаны с образностью. Образные и полубразные слова составляют ядерную группу эмоциональных и собственно экспрессивных слов, например, существительных со значением лица (шкурник, лежебока и т.п.), глаголов со значением «сильно ударить кого-нибудь, применив физическую силу» (звездануть, садануть и т.п.).

Помимо выделения экспрессивности на уровне слова, многие лингвисты рассматривают проблему экспрессивности на уровне текста или в речи. По мнению В.К. Харченко, «сущность языковой экспрессии - в преодолении всевозможных шаблонов, стандартов. Экспрессивное в языке выступает как нерегулярное, нетипичное и потому необычное, свежее, выразительное» [7].

Таким образом, говоря о разграничении данных категорий, можно сделать следующие выводы:

1. Образность - это способность языковых единиц вызывать чувственно-образные представления и ассоциации.

2. Эмоциональность - это способность языковых единиц отражать переживания человека по поводу определенного явления действительности.

3. Оценочность заключается в выражении одобрительной или неодобрительной оценки предмета речи.

4. Интенсивность выражает степень проявления действия, признака.

Все эти качества языковых единиц являются экспрессивными, поэтому, можно предположить, что экспрессивность - это родовое понятие для всех выразительных средств русского языка (а именно, образности, эмоциональности, оценочности, интенсивности).

Литература

1. Балли Ш. Французская стилистика. - М., 1961. - С. 34.
2. Блинова О.И. Образность как категория лексикологии // Экспрессивность лексики и фразеологии: Сб. науч. тр. - Новосибирск, 1983. - С. 3 - 11.
3. Загоровская О.В. Образный компонент в значении слова // Лексические и грамматические компоненты в семантике языкового знака: Сб. науч. тр. - Воронеж, 1983. - С. 16-20.
4. Лукьянова Н.А. О термине экспрессив и о функциях экспрессивов русского языка // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования: Сб. науч. тр. - Новосибирск: НГУ. - 1980. - Вып. 9. - С. 3 - 22.
5. Никулина З.П. Образные средства апеллятивной лексики и прозвища // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования: Сб. науч. тр. - Новосибирск, 1980. - С. 38 - 44.
6. Трипольская Т.А. О методе выявления коннотативных компонентов семантики экспрессивного слова // Экспрессивность лексики и фразеологии: Сб. науч. тр. - Новосибирск, 1983. - С. 51 - 61.
7. Харченко В.К. Разграничение оценочности, образности, экспрессивности и эмоциональности в семантике слова // Русский язык в школе. - 1976. - № 3. - С. 70 - 75.

8. Шаховский В.И. Проблема разграничения экспрессивности и эмотивности как семантической категории лингвостилистики // Проблемы семасиологии и лингвостилистики: Сб. науч. тр. - Рязань, 1975. - Вып. 2. - С. 53-67.

The problem of expressiveness in modern linguistics.

T.M. Kruchkova

The research concentrates on the problem of expressiveness in modern linguistics. The article deals with different linguists' views of the problem of expressive structures and their interaction with emotive and intensive structures.

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет

УДК 808.2

Э.Д. Хаустова

УПОТРЕБЛЕНИЕ УСТАРЕВШИХ НАИМЕНОВАНИЙ ОБУВИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ КАК ПРИМЕР ПРОБЛЕМЫ «СЛОВА И ВЕЩИ»

Статья посвящена исследованию причин широкого употребления в языке наименований вышедшей из обихода обуви. Слова «бахилы», «валенки», «лапти», «башмаки», «чеботы», «чуни» и др. с иронической окраской используются для названия современной обуви. Вслед за Г. Шухардом, одним из основных представителей направления «Слова и вещи», предпринята попытка объяснить наименование вещи через историю самой вещи.

Историческое развитие общества влечет за собой когнитивное усложнение мира, всех сфер человеческой деятельности, материальной сферы и в том числе сферы обуви. Предметы обуви постепенно совершенствуются: усложняется фасон, расширяются выполняемые ими функции, увеличивается количество оттенков. В результате обувь становится удобной, функциональной и красивой. Некоторые предметы обуви исчезают, какие-то заимствуются у других народов, возникает новая обувь, для которой появляются новые наименования или используются уже имеющиеся. Как отмечается в работе Канафиева Р.Л., уровень человеческих знаний в определенной жизненной сфере, степень ее изученности в значительной мере обуславливают изменение количественного состава того или иного семантического поля. Фрагменты языковой картины мира, отражающие явления материальной культуры, в большей мере, нежели духовные феномены, подвержены модификационным изменениям [3; 1].

Изучение лексико-семантической группы наименований обуви позволило выявить интересные семантические процессы

[7], [9]. Естественным считается процесс ограниченного употребления в языке историзмов, называющих исчезнувшие реалии, или диалектизм, понятных только жителям определенной местности. Необычным представляется, когда подобная лексика широко употребляется в современном русском языке. Так произошло с некоторыми наименованиями обуви, давно вышедшей из обихода или получившей другое название. Эти устаревшие слова и диалектизмы вошли в общенародный литературный язык, правда, приобрели ироническую окраску.

Лексема *бахилы*, согласно словарям русского языка, имеет прямое номинативное значение «крестьянская обувь, представляющая собою кожаные или плетенные из бересты полусапожки, спереди стягивающиеся ремешками» [14], «у рыбаков и охотников: мягкие кожаные сапоги с закрывающими бедро голенищами на помочах» [12]. Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля также иллюстрирует широкое распространение

© Хаустова Э.Д., 2006

лексемы **бахилы** в разных диалектах.

В современном русском языке более употребительным является производно-номинативное значение лексемы **бахилы** «специальные защитные чулки, надеваемые поверх обуви (у хирургов, атомщиков и т.п.) *Брезентовые бахилы*» [12]. Однако интересным представляется использование лексемы **бахилы** в разговорной речи для названия большой, не по размеру (обычно грубой, бесформенной) обуви. *Это не туфли, а настоящие бахилы* [12]. Из разговорной речи: *Убери свои бахилы с дороги! Невозможно пройти!*

Лексема **башмаки** имеет тюркское происхождение. В старину башмаками называлась преимущественно женская изящная (обычно с разрезом на подъеме) обувь из кожи или ткани (бархата, атласа), иногда на каблучке, с застежками, бантами и другими украшениями [12].

В современном русском языке лексема **башмаки** приобрела ироническое звучание. Башмаками называют грубую, тяжелую, неудобную обувь. Большой толковый словарь иллюстрирует данное значение следующими примерами: *Ходить в рваных башмаках. Таскать отцовские башмаки* [12].

Лексема **чеботы**, согласно толковому словарю В.И. Даля, имеет первичное значение «мужская и женская обувь, высокий башмак, по щиколотки, ботики с острыми кверху носками» [15]. В значении башмаки, сапоги лексема **чеботы** сохранилась в диалектах. *Купить чеботы. Топать чеботами. Чинить чеботы* [12]. В современном употреблении лексема **чеботы** приобрела иронический оттенок. Так говорят о грубой неизящной обуви. *Что это у тебя за чеботы?* [12].

Название **мокроступы** было предложено славянофилами, борющимися за сохранение самобытности русского языка и против заимствований из других языков. Предполагалось, что мокроступы вытеснят из употребления французское слово галоши. Этого не произошло. Галоши сохранились в литературном языке, но и мокроступы вошли в употребление, правда, в шутовском плане. Так говорят о высоких непромокаемых ботинках или сапогах на

толстой резиновой подошве, о резиновой обуви вообще. *Надеть мокроступы* [12]. Примеры, взятые из статей и конференций в Internet, наглядно демонстрируют современное ироническое употребление слова:

Главное, что показала на фотке, что она в "Гриндерсах"... Какое жлобство... Уже давно эти мокроступы не в моде.

В мокроступах, но с мобилой.

...Места у нас были в партере, и среди расфуфыренной публики мои американцы в джинсах и каких-то специальных мокроступах, закупленных для суровой московской зимы, смотрелись некоторым диссонансом.

Лексема **баретки** имеет значение «закрытые уличные туфли на шнурках или застежках» [12]. В таком значении в современном русском языке употребляется лексема «туфли», а лексема «баретки» выглядит уместной в разговорной речи, где получает ироническую, шутовскую окраску. Иллюстрацией служат примеры, взятые из Internet:

Но вот суеты [перед свадьбой] море, а именно: встань ни свет ни заря, чисто выбрейся, галифе погладь, тинджак надень, веревку повяжи, баретки нагуталинь, венник выбери, подтянись к бракодому.

Фирма под названием "Пальмира" — это в частности обувь "Монарх" (магазин-склад отстойных бареток — наверняка, знаете...).

Но дядя я представительный, сами видите, черная тройка, баретки, шляпа сидит, как на гвозде.

Лексема **лапти** имеет прямое значение «крестьянская обувь, плетенная из лыка, бересты или веревок, охватывающая ступню ноги. *Лапти из ольхового лыка*» [12]. Сплетенные из лыка лапти считаются первой и самой распространенной обувью в России. Вне городской черты население носило их до начала XX века [4].

Несмотря на то, что лапти давно уже вышли из обихода и изготавливаются только в качестве сувениров, само слово в ироническом ключе употребляется в современном языке. Приведем примеры, взятые из Internet:

... Куда уж нам, в лаптях за паровозом...

*Жопа гола, лапти в клетку,
Выполняем пятилетку.
(Частушка).*

Лексема **чуни** в народно-разговорной речи является синонимичной лексеме лапти: «лапти из пеньковой веревки. *Веревоочные чуни*» [12]. В настоящее время лексема **чуни** употребляется в языке в производно-номинативном значении «резиновая или кожаная обувь в виде галош, надеваемая на разутую ногу при работе в шахтах, рудниках. *Резиновые чуни*» [12]. Однако интерес представляет современное ироническое звучание данной лексемы:

По мнению истцов, оскорблением послужила статья главного редактора газеты Вячеслава Семерикова "Уважаемому человеку чуни поцеловать не впадлу. За реальный-то интерес!", в которой, как считают обвинители, содержались оскорбительно-неприличные выражения в адрес ныне действующего главы администрации (Пример взят из Internet).

Таким образом, из данного материала видно, что некоторые устаревшие и диалектные названия в силу распространенности отдельных видов обуви и их популярности у населения стали общеизвестными и в ироническом ключе вошли в общенародный литературный язык.

Сходные семантические процессы можно наблюдать и на примере некоторых заимствованных наименований обуви.

Лексема **боты** происходит от французского *bottes* – сапоги. В XII в. так называли мягкую обувь, по фасону близкую к туфлям. Позднее ботом стали называть обувь, закрывающую ноги от стопы до колен [6]. В Большом толковом словаре русского языка описывается значение «высокие непромокаемые или теплые ботинки, надеваемые обычно поверх другой обуви в сырую или холодную погоду» [12].

Однако в современной разговорной речи лексема **боты** часто приобретает ироническую окраску: *Что это на тебе за боты?*

Лексема **штиблеты** происходит от немецкого *Stiefeletten* – мужские полуботинки на шнурках или с резинками по бокам. *Остроносые штиблеты. Лаковые штиблеты. Штиблеты без каблука* [12].

В современной разговорной речи лексема штиблеты звучит иронически. Приведем несколько примеров, взятых из сети Internet:

Привет от старых штиблет!

Хватит пялить глаза на мужские штиблеты зарубежного производства. Не надо думать, что у магнитогорских обувщиков не достанет мастерства пошить добротные туфли.

Распивать в одиночестве ром В жаркой комнате буду, пером Выводя, я в штиблетах от Гуччи.

(Шауль Резник)

Представленные заимствования тоже перешли в разряд устаревших слов. Однако, иронически окрашенные, они продолжают жить в языке.

Задумавшись над причиной популярности устаревших наименований, используемых для современных видов обуви, мы столкнулись с необходимостью изучения самих предметов обуви, давно вышедших из употребления, но «оставивших глубокий след» в языке. Словарное описание не всегда дает наглядное представление о предмете. И чтобы понять причину наименования вещи, нужно обратиться к истории самой вещи.

Проблема «слов и вещей» затрагивалась в работах по философии, истории культуры, лингвистике.

Так, с философской точки зрения проблему соотношения «слов и вещей» рассматривает Мишель-Поль Фуко [8], французский философ, историк и теоретик культуры. Его работа «Слова и вещи: археология гуманитарных наук», вышедшая в 1966 году, исследует те исторически изменяющиеся структуры, которые определяют условия возможности мнений, теорий и даже наук в каждый исторический период времени, и называет их «эпистемами». Основным упорядочивающим принципом внутри каждой эпистемы является соотношение «слов» и «вещей». В европейской культуре нового времени М. Фуко вычленяет три «эпистемы»: ренессансную (XVI век), классическую (рационализм XVII – XVIII веков) и современную (с конца XVIII – начала XIX века и по настоящее время) [1].

В ренессансной эпистеме слова и вещи тождественны друг другу, непосредственно соотносимы друг с другом и даже взаимозаменяемы (слово-символ). В эпистеме классического рационализма слова и вещи лишаются непосредственного сходства и соотносятся лишь опосредованно – через мышление, в пространстве представления (слово-образ). В современной эпистеме слова и вещи опосредованы «языком», «жизнью», «трудом», вышедшими за рамки пространства представления (слово – знак в системе знаков). Наконец, в новейшей литературе язык, чем дальше, тем больше, замыкается на самом себе, обнаруживает свое самостоятельное бытие. Слово-символ, слово-образ, слово, замкнутое на само себя, – таковы основные перипетии языка в новоевропейской культуре [1].

Ренессансная эпистема основана на сопричастности языка миру и мира языку, на разнообразных сходствах между словами языка и вещами мира. Слова и вещи образуют как бы единый текст, который является частью мира природы и может изучаться как природное существо [1].

В классической эпистеме слова и вещи соотносятся друг с другом в мысленном пространстве представления уже не посредством слов, а посредством тождеств и различий. Главная задача классического мышления – это построение всеобщей науки о порядке, инструментом которой выступают уже не естественные знаки, как в ренессансной эпистеме, а системы искусственных знаков, более простых и легких в употреблении [1].

Положение языка в классической эпистеме одновременно и скромное и величественное. Хотя язык теряет свое непосредственное сходство с миром вещей, он приобретает высшее право – представлять и анализировать мышление [1].

Конец классической эпистемы означает появление новых объектов познания (жизнь, труд, язык) и современных наук (биология, политическая экономия, лингвистика). В современной эпистеме основным способом бытия предметов познания становится история. Именно жизнь, труд, язык служат условиями синтеза представлений в

познании [1].

Следует заметить, что «язык» у М. Фуко – это не «язык» в лингвистическом смысле слова. Это метафора для обозначения возможности соизмерения и взаимодействия разнородных продуктов и образований человеческой духовной культуры, общего механизма духовного производства. Как история является лабораторией возможностей понимания, так язык есть лаборатория средств этого понимания, ресурсов культуры. Отсюда единство истории и языка в концепции М. Фуко. «Язык» – это уровень первоначального структурирования, на основе которого далее вступают в силу социально-культурные механизмы более высоких уровней, например, рационально-логического. Язык мира (Ренессанс), язык мысли (классический рационализм), язык как самозамкнутое бытие (современная эпистема) – это условное обозначение для различных способов такого структурирования в различные исторические периоды [1].

В лингвистике идея изучения истории слова в связи с историей вещи принадлежит лингвистической школе «Слова и вещи», оформившейся в 1909 г., когда стал выходить издаваемый Р. Мерингером одноименный журнал. Ученые данной школы (Р. Мерингер, В. Мейер-Любке, Г. Шухардт, В. фон Вартбург и др.) заявили, что «слово существует лишь в зависимости от вещи» и в качестве основных выдвинули принципы изучения лексики в связи с культурой и историей народа [2]. Ученых интересовали исторические изменения, пережитые первичной формой и значением слова. Большое внимание уделялось истории слова, при этом этимология как биография слова использовалась в противовес пониманию этимологии как происхождения слова [17].

Один из основных представителей направления «Слова и вещи» австрийский лингвист Гуго Шухардт считал, что исследование слов не в состоянии противостоять воздействию, исходящему со стороны науки о вещах. Исследование вещей и исследование слов должно идти совместно; они должны проникать друг в друга, переплетаться и приводить к результатам, оди-

наково необходимым и ценным как для той, так и для другой области. Союз «и» в выражении «вещи и слова» должен превратиться из символа сложения в символ умножения; необходимо создать историю веще-слов [10].

Затрагивая вопрос о соотношении слова и вещи, Г.Шухардт писал, что вещь существует целиком и полностью для себя; слово существует лишь в зависимости от вещи, в противном случае это пустой звук. Таким образом, вещь по отношению к слову – это нечто первичное и устойчивое, тогда как слово тяготеет к вещи и движется вокруг нее. Не случайную, но закономерную и необходимую роль в отношении между словом и вещью играют представления. Представление неизменно находится между вещью и словом, поскольку оно не заменяет собою слова [10].

Большое значение Г. Шухардт придает переходу от рассмотрения вещей и слов в состоянии покоя к рассмотрению их в развитии. Деятельность творит и оформляет вещи. Слова, называющие вещи, воспроизводятся бесчисленное количество раз и тоже становятся историей, и эта история в основном является историей говорящего. В качестве доказательства своей мысли ученый проводит аналогию: подобно тому как два слова, объединяясь друг с другом, образуют новое слово, так и две вещи, объединившись, порождают новую вещь; и так как такое объединение приводит к самым разнообразным последствиям, то при исследовании преемственности вещных форм возникают те же затруднения, как и при исследовании связи словесных рядов. Вещи и слова, несмотря на самостоятельное развитие, тесно переплетены друг с другом. Чтобы понять историю слов, нужно начать с вещей, учитывая при этом, что они вступают в связь со словами только с помощью представлений, а последние возникают у нас лишь в меру присущей словам прозрачности [10].

Анализируя развитие отношений между вещью и словом, исследователь отмечает, что не всегда изменение или неизменение вещи влечет за собой соответственное поведение обозначения. В действительности обозначение так же часто

сохраняется неизменным в случае, если вещь претерпевает изменение, как и изменяется, если вещь остается, по крайней мере в существенном, неизменной. Последнее находит свое объяснение в том, что одна и та же вещь рассматривается и оценивается разными людьми совершенно различно. Главная причина кроется в чрезвычайно различных индивидуальных интересах каждого [10].

Вещь может изменяться, а слово, напротив, оставаться неизменным. Это происходит, когда то общее, что ощущается как ее сущность, сохраняется во всех модификациях вещи. Иногда одного назначения вещи, при изменении до неузнаваемости других ее признаков, оказывается достаточно, чтобы вещь удержала свое старое наименование. Каким образом и когда новое обозначение, возникшее первоначально наряду со старым, заменило его, можно установить лишь в отдельных случаях. Основная причина данной замены – это ощущаемая тем или иным индивидуумом потребность в ней. Эта потребность вызывается известным преимуществом нового обозначения по сравнению со старым [10].

Одной из основных задач методики своего исследования австрийский ученый считал объяснение основных отношений между «вещами и словами». По его мнению, «если бы мы не были осведомлены о способах приготовления древними гусиной печенки или какого-нибудь столь же изысканного блюда, то мы не могли бы понять романских слов со значением «печенка». Кроме того, слова отражают культурное значение вещи. Многочисленные примеры наглядно демонстрируют связь географии вещей и слов. Иногда слово может многое рассказать об истории вещи. Так, то или иное старое слово сохраняется как название какой-нибудь вещи, а изменение этой вещи обозначается путем добавления к нему другого слова, как правило, противоречащего основному. Например, *Silbergulden* – серебряный гульден – буквально обозначает серебряный золотой [10].

Так, изучение истории вещей (в нашем случае предметов обуви) помогает нам понять сохранение и использование в

современном языке, казалось бы, давно устаревших наименований. Такие предметы обуви, как бахилы, башмаки, лапти, чеботы, чуни, когда-то были широко распространены на Руси. Подтверждение этому находим в языке. Лексемы «башмаки» и «лапти» являются одними из самых богатых в лексико-семантической группе «обувь» по набору семем и по количеству фразеосочетаний, в которые они входят. Интересно проследить использование данных лексем в составе фразеосочетаний.

Так, фразеосочетания с лексемой «лапти» отражают особенности деревенского, крестьянского быта. *Лаптем щи хлебать* означает «жить, прозябать в нищете, невежестве; быть некультурным». Выражение *в лапоть звонить* употребляется в значении «заниматься заведомо бесплодной деятельностью». *Откинуть лапти* значит «умереть». Фразеосочетание *лапти плести* («неумело делать что-либо, путать», «вести замысловатую, витиеватую, путаную беседу») отражает название одной из реалий русского быта, русских ремесел. «Лычные работы» - плетение из лыка лаптей, рогож, коробов – не требовали особого умения. Поэтому переносное значение глагола *плести* («устраивать что-либо сложное, запутанное, «говорить что-либо несуразное, глупое») тесно связано с прямым, ассоциировавшимся с крайне простым, нехитрым делом [11]. Выражение *обуть в лапти* («ловко обмануть, провести кого-либо») основано на устойчивой ассоциации лаптей с бедными и простыми людьми по сравнению с сапогами, в которых щеголяли богатые и знатные. оборот употреблялся в среде московских рыночных барышников и мошенников и имел развернутый вариант *обувать из сапог в лапти*. Он значил «скупать все, что имеет какую-либо ценность, менять лучшее платье на худшее», а то и прямо «обирать неопытных продавцов, отнимая у них насильно платье» [11]. Выражения *отойти (отступит) на лапоть (на три лаптя), войти в один лапоть* отражают использование лаптя у крестьян в качестве единицы измерения. В старину липовый лапоть играл роль измерителя при общинных переделках, когда малые клочки хорошей почвы имели большое значение

для уравнивания всех в правах владения или торжества общинной справедливости. Пахари становились один против другого, и, считая вслух, приставляли один лапоть к другому. Поэтому и пол-лаптя принималось в расчет, и двое соглашались «войти в один лапоть» [11].

В качестве единицы измерения использовался на Руси и башмак. В древности числом изношенных башмаков определялось расстояние, а также время. На основе этого значения строится фразеосочетание *башмаков еще не износила* («о женском непостоянстве, быстрой смене привязанностей») [11]. Фразеосочетания *быть под башмаком у кого-либо, оказаться под башмаком, держать под башмаком* («быть в полной зависимости, беспрекословном подчинении; обычно о зависимости мужа от жены») отражают культурные и исторические традиции русского народа. Происхождение оборотов часто связывают с татарским игом, с обычаем восточных правителей ставить ногу на голову поверженного врага. Такой обычай действительно существовал: хан посылал русским князьям свою басму - ларец, в котором хранилась отпечатанная в воске ступня хана. В знак покорности князья клали эту басму на голову. Тем не менее, обороты *под башмаком и под каблуком* связаны не с этим - а иным, свадебным обычаем, где актуальна та же символика. При свадебной церемонии жених и невеста подвергались своеобразной супружеской «дуэли». Тот из них, кому первому удавалось наступить на ногу будущему супругу, становился, по поверьям, главой дома. Тот же, кто оказывался «под башмаком», должен был занять подчиненное положение в семье. Этот обычай известен многим народам, в том числе европейским, где известны подобные выражения - ср. фр. *Etre sous la pantoufle de sa femme* или нем. *unter dem Pantouffel sein (stehen)*. [13].

Таким образом, мы видим, что многие предметы обуви, некогда популярные и распространенные, вышли из употребления или сильно изменились, стали более изящными и комфортными. Однако лексемы, их называющие, остались в языке для наименования грубой, неизящной обуви.

Методы изучения «слов и вещей» позволяют исследовать посредством истории слов различные связанные с ними сто-

роны материальной и духовной культуры и среды, в которой на определенном историческом этапе жили носители языка [17].

Литература

1. Автономова Н.С. Мишель Фуко и его книга «Слова и вещи». // Фуко М. Слова и вещи: археология гуманитарных наук. – Сиб., Изд-во А-пед, 1994. – С. 2-18.
2. Звегинцев В.А. История языкознания XIX – XX вв. в очерках и извлечениях. Ч.1. Москва, 1964. – 466 с.
3. Канафиев Р.Н. Структурно-семантический и лингвокультурологический анализ полевой организации лексики (на материале семантического поля Оружие в русском языке). АКД. Иваново, 2005. – 22с.
4. Кожевникова И.Г. Русская обувная терминология как система. Дисс. канд. филол. наук. Воронеж, 1992. – 150 с.
5. Мокиенко В.М. Славянская фразеология: Учеб. пособие для вузов по спец. «Рус. яз. и лит.». – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высш. шк., 1989. – 287 с.
6. Нерсесов Я. Путешествие в мир: Мода. – М.: ОЛМА-ПРЕСС Гранд, 2002. – 240 с.
7. Попова З.Д., Хаустова Э.Д. Иронические наименования обуви в русском языке в свете проблемы «слова и вещи». // Язык и национальное сознание. Вып. 7. Воронеж, 2005. С. 115-119.
8. Фуко М. Слова и вещи: археология гуманитарных наук. – Сиб., Изд-во А-пед, 1994.
9. Хаустова Э.Д. Семантические процессы, происходящие в лексико-семантической группе наименований обуви // Культура общения и ее формирование. Вып. 10. Воронеж, 2003. – С. 135-138.
10. Шухардт Г. Избранные статьи по языкознанию // Звегинцев В.А. История языкознания XIX – XX вв. в очерках и извлечениях. Ч.1. Москва, 1964. С. 304-324.
11. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник – СПб.: Фолио-Пресс, 1998. – 704 с.
12. Большой толковый словарь русского языка. / Сост. и гл. ред. С.А.Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 2000. – 1536 с.
13. Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Фразеологизмы в русской речи. Словарь: Около 1000 единиц. – 2-е изд., стереотип. – М.: Русские словари, Астрель, 2001. – 856 с.
14. Новый словарь русского языка // www.rubricon.ru
15. Толковый словарь живого великорусского языка В. Даля: В 4 т. – СПб.: «Диамант», 1997.
16. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. - 4-е изд. - М.: Рус. яз., 1986. - 543 с.
17. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.

The usage of archaic names of shoes in the modern Russian language as an example of “words and things” problem

E. D. Khaustova

The article is devoted to the research of causes of wide usage in the modern Russian language the names of out of use shoes. The Russian equivalents to the English words “shoe covers”, “felt boots”, “bast shoe” etc. are used ironically to name modern shoes. Following H. Schuchardt, a scientist of “Words and things” method, the attempt to explain naming the thing through its history has been made.

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКОВ

УДК 802/809.376.5.02

А.А.Суткевич

КУЛЬТУРА ИНОЯЗЫЧНОГО РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ-ПОЛИТОЛОГОВ

В статье рассматриваются пути овладения иностранным языком студентами-политологами. К описываемым способам относятся: знание культуры, истории, обычаев, традиций страны, язык которой изучается как иностранный, осознание своего «я» в поликультурном контексте.

Современные мировые процессы формируют новую эпоху взаимодействия между нациями, экономическими и политическими системами и между людьми, значительно расширяя культурно-информационные контакты, влияя на управление, производство, торговлю, рынок труда, политические образования и другие общественные институты и процессы. Выпускник вуза должен быть конкурентоспособным, владеть фундаментальными знаниями в своей отрасли, быть подготовленным в профессиональном, языковом и мировоззренческом контекстах, быть готовым к диалогу культур.

Потребности модернизации украинского общества и украинского государства обусловили появление новых профессий, одна из которых – профессия политолога. Представители этой профессии формируют управленческий корпус, политическую элиту страны. Достижение высокого профессионализма будущих политологов невозможно без владения иностранным языком, так как это является одним из важных компонентов их профессиональной подготовки. Под «владением иностранным языком» мы подразумеваем целый комплекс составляющих, так как иностранный язык – это не просто учебная дисциплина, а целая образовательная сфера, включающая в себя не только коммуникативные навыки, но и знание культуры, истории, обычаев, традиций страны, язык которой изучается как иностранный, проявление толерантности к представителям другой культуры, осознание своего «я» в поликультурном контек-

сте. Культура – это сложное целое, включающее в себя знания, верования, искусство, законы, обычаи и любые другие способности и привычки, приобретённые человеком как членом общества. Культура некоторого общества состоит в том, что нужно знать и во что нужно верить, чтобы действовать приемлемым для всех членов общества образом [1]. Всё это мы объединяем понятием «компетентность». Быть компетентным [нем. *Kompetent* < фр. *competent* < лат. *competens* (*competentis*) соответствующий; способный] – быть осведомлённым, авторитетным в какой-нибудь области, обладать основательными знаниями [3]. Формирование поликультурной компетентности студентов-политологов в процессе изучения иностранного языка является неотъемлемой составляющей их будущего профессионализма.

Одним из средств формирования поликультурной компетентности является обучение культуре иноязычного речевого общения. Под культурой речевого общения мы понимаем высоко развитое умение осуществлять коммуникацию соответственно нормам, исторически сложившимся в данном языковом коллективе, с учётом психологических механизмов воздействия на адресата, а также используя лингвистические средства и способы реализации такого общения с целью достижения наибольшего запланированного прагматического результата [4].

© Суткевич А.А., 2006

Культура речевого общения – это многоплановое явление. Так, Фаенова рассматривает этот феномен в виде «уровней». К *первому* относятся высоко развитые познавательные процессы, в первую очередь, мышление. Ко *второму* – совокупность языковых и неязыковых знаний. В современной когнитивной лингвистике общепризнанным является наличие общей базы знаний носителей языка. В состав базы знаний входят следующие компоненты:

1. языковые знания:
 - а) знание языка;
 - б) знание принципов речевого общения;
2. внеязыковые знания:
 - а) о контексте и ситуации, знания об адресате (в том числе знание поставленных адресатом целей и планов, его представления о говорящем и об окружающей обстановке и т.д.);
3. общефоновые знания (т.е. знания о мире).

К *третьему уровню* относится культура речи, представляющая собой сумму навыков и умений, обеспечивающих такие характеристики высказывания, как логичность, экспрессивность, стилистическая адекватность и т.д. На этом же уровне находятся также и навыки как правильного, так и выразительного использования невербальных средств коммуникации. *Четвёртый уровень* включает умения планировать дискурс и управлять им с целью осуществления речевого воздействия на адресата.

Если разные аспекты рассматриваемого явления применительно к русскому и украинскому языкам изучались достаточно подробно, то проблема культуры иноязычного общения сравнительно недавно стала привлекать внимание исследователей.

Мы полагаем, что формирование культуры иноязычного речевого общения как составного элемента поликультурной компетентности будущих политологов крайне необходима в процессе изучения иностранного языка. Это объясняется тем, что при межкультурной коммуникации говорящий часто стремится достичь определённого эффекта, что возможно только при достаточно высокой степени развития у не-

го культуры общения. Когда люди, говорящие на неродном языке, используют его для достижения социально значимых целей в дипломатии, политической, экономической деятельности, роль культуры общения огромна.

Педагогический опыт показывает, что эффективность обучения культуре речевой деятельности на иностранном языке в процессе формирования поликультурной компетентности будущих политологов достигается при помощи таких форм коммуникации, как:

- диалогов, характерных для дискуссий (диалог-обмен информацией с элементами монолога-рассказа и монолога-сообщения; диалог-обмен впечатлениями с элементами монолога-рассказа; диалог-обмен суждениями при совпадении точек зрения и при расхождении точек зрения с элементами монолога-описания и монолога-рассуждения; диалог-обсуждение с элементами монолога-рассуждения и монолога-переубеждения);
- дискуссий как таковых;
- деловых игр (активность студентов настолько велика, что носит не эпизодический, а продолжительный характер);
- формального и неформального общения «преподаватель-студент».

Успех подобных видов деятельности зависит в большей степени от уровня адаптивности говорящего, то есть насколько быстро и точно он сможет перестроить свою речь с учётом ситуации и партнёра (партнёров) по общению. Так, Варнер и Бимер [5] предлагают ряд стратегий, применение которых может способствовать успешному овладению культурой иноязычного речевого общения:

1. следите за дикцией, говорите правильно и чётко, поскольку любые сокращения могут вызвать трудности при восприятии иностранной речи;
2. говорите медленнее, старайтесь адаптировать скорость вашей речи так, чтобы ваш собеседник не просил вас повторить сказанное. Если вы говорите медленно, и вас не понимают, перефразируйте свою мысль;
3. избегайте употреблять сленг и коллоквиализмы, так как, во-первых, они

быстро выходят из употребления или устаревают, а во-вторых, эти слова могут быть незнакомы вашему собеседнику. Кроме того, в некоторых культурах употребление сниженной лексики может быть признаком дурного тона, и их употребление может вызвать у вашего собеседника неадекватную вашему представлению реакцию;

4. будьте осторожны с шутками. То, что в одной культуре может считаться смешным, в другой культуре может расцениваться как грубость или оскорбление. При переводе с одного языка на другой, юмор теряется, так как в основе многих шуток лежит игра слов;

5. будьте искренни. Искренность поможет вам создать такую атмосферу общения, при которой обе стороны будут стремиться достичь взаимопонимания;

6. старайтесь тонко чувствовать культуру своего собеседника. Чем больше вы знаете о его культуре, тем легче будет протекать процесс общения. непонимание возникает не столько из-за лингвистических неточностей, сколько из-за культурных ошибок;

7. не теряйте чувство юмора. Будьте готовы посмеяться над своими ошибками и не делайте трагедии из ошибок вашего собеседника.

Как показывает анализ научной литературы и наш педагогический опыт, формирование поликультурной компетентности будущих политологов невозможно без овладения культурой иноязычного речевого общения, которая способствует приобретению студентами навыков общения в межкультурной коммуникации, ведя их к достижению высокого профессионализма.

Литература

1. Донец П.Н. Основы общей теории межкультурной коммуникации: научный статус, понятийный аппарат, языковой и неязыковой аспекты, вопросы этики и дидактики. – Харьков: «Штрих», 2001. – 386 с.
2. Коротких Ж.А. Обучение английскому языку в контексте межкультурной коммуникации//Вопросы теории и методики преподавания иностранных языков и культур: Сб. науч. ст. по мат. междунар. конф. – Хабаровск, 2001. – 250 с.
3. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов: Около 25000 слов и словосоч. – М.: Рус. яз., 1998. – 847 с.
4. Фаенова М.О. Обучение культуре общения на английском языке: Науч.-теорет. пособие. – М.: Высшая школа, 1991. – 144 с.
5. Varner, I. & Beamer, L. (1995). Intercultural Communication in the Global Workplace. IR-WIN.

The culture of foreign language communication as a former of polycultural competence with students studying political science.

A.A.Sutkevich

The article is about the ways of learning a foreign language by students studying political science. The described ways are to study a foreign language in close connection with its culture, history, customs, and traditions.

Николаевский государственный гуманитарный университет

УДК 802/809-73:378.022

Л.В. Лукина

ПУТИ ИНТЕНСИФИКАЦИИ ПРОЦЕССА ОБУЧЕНИЯ ЧТЕНИЮ АНГЛИЙСКИХ СПЕЦИАЛЬНЫХ ТЕКСТОВ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ

Статья посвящена проблеме обучения чтению английских специальных текстов в негуманитарном вузе. Современному специалисту очень важно уметь отправить письмо, факс, заполнить анкету, перевести техническую инструкцию, правильно оформить документацию. Подчеркивается необходимость обучать умению переводить мысль высказывания, а не отдельные слова. В статье приводится алгоритм перевода английского предложения, примеры предтекстовых и послетекстовых заданий, формы работы со словарями.

Огромный поток информации требует от специалиста постоянно знакомиться с большим количеством научно-технической литературы. Обучение чтению является неотъемлемой частью обучения иностранному языку в техническом вузе. Какова цель в современных условиях преподавания иностранного языка в негуманитарных вузах? В условиях нашей, пусть даже меняющейся, действительности вряд ли основной задачей для всех студентов является коммуникативная функция: только небольшой процент специалистов после института сразу же отправляется за рубеж. А зачем иностранный язык остальной, гораздо более многочисленной массе студентов? Видимо, затем, чтобы читать научные статьи, инструкции к разнообразной технике, деловые письма, контракты и т.д.

Знание языка должно способствовать не только расширению общеобразовательного кругозора специалиста, но и повышению его квалификации. В связи с этим, программой ставится задача научить будущих специалистов читать и переводить литературу по специальности, и, прежде всего, это относится к основному компоненту чтения – процессу понимания.

Эффективность подготовки специалиста находится в прямой зависимости от того, насколько полно в процессе этой подготовки учитываются особенности его профессиональной деятельности и условия обучения. Учитывая условия обучения иностранному языку в неязыковом вузе, по видимому, следует ограничиться обучением студентов чтению про себя и чтению иностранной научно-технической литературы с помощью словаря. Разработка ин-

тенсивных форм обучения является одной из актуальных и сложных задач методики. Данную статью следует рассматривать как попытку обобщить опыт работы в строительном вузе со студентами 1-3 курсов. Текст воспринимается студентами значительно труднее, чем серии упражнений, предназначенные для обучения чтению. Упражнения целесообразно использовать очень ограниченно на начальной стадии, а затем сразу же отрабатывать навыки и умения распознавания языковых средств данного текста.

Язык – это сложнейшая логическая система. Если бы дело было только в лексике, мы могли бы с помощью словаря перевести любой текст любого языка. Чтобы перевести мысль на другой язык, нужны не другие слова, а другая логика построения высказывания, знание другой культуры. Это-то логике и следует обучать.

Предтекстовые упражнения учат анализировать текст, облегчают задачу перевода. Целью таких упражнений является обучение студентов чтению изолированной лексики и в контексте, ознакомление студентов с терминологической лексикой текста. Они помогают сосредоточить внимание студента на теме текста. К предтекстовым упражнениям можно отнести фонетические упражнения; упражнения, где даются синонимы к новым словам; примеры с ними. Целью послетекстовых упражнений является активизация и закрепление лексического минимума, подготовка студентов к чтению и пониманию текста без словаря, обучение монологическому высказыванию,

© Лукина Л.В., 2006

с помощью них можно проверить понимание; развитие умения реферирования и аннотирования текста. Послетекстовые упражнения могут быть следующими: разделите текст на части; озаглавьте их; прочтите и переведите в тексте предложение, в котором говорится о том-то; выберите из списка слов слова, которые характеризуют н/п устройство и т.д.; закончите предложения. И предтекстовые и послетекстовые упражнения преследуют основную цель – подвести студентов к чтению и пониманию оригинальной литературы по специальности, привить им навыки аннотирования и реферирования.

Прежде всего надо учить студентов не переводить механически слова, конструкции, фразы и предложения вне контекста, необходимо показать, что любое слово, имеющее много значений, становится однозначным только в определенном контексте. Нужно объяснить студентам, что общие двуязычные словари не дают одного значения слова, а только его возможные эквиваленты. Одна из типичных причин ошибок при переводе – это неумение отвлекаться от конкретных форм слов и неумение пользоваться контекстом для уяснения их смысла. Умение переводить означает умение рассредоточить внимание настолько, чтобы, занимаясь частностями, всегда иметь в виду целое, т.е. весь текст. А для этого надо ясно представлять себе его строение, его план.

Если начало процесса перевода – восприятие, т.е. чтение (или слушание) на одном языке, то конец этого процесса – воспроизведение, т.е. говорение (или письмо) на другом языке. Во время второго этапа пассивное понимание переходит в активное знание. Во время этого же этапа происходит и замена одних языковых форм другими. Ведь то, что мы восприняли на английском языке, мы должны выразить по-русски, т.е. с помощью другой системы условных знаков, имеющей свои собственные законы, отличные от законов языка оригинала.

Прежде всего, мы должны четко определить порядок, алгоритм перевода. Без глагола в личной форме не существует английского предложения. Итак, первое с

чего надо начинать – это изучить все личные глагольные формы. Ведь сколько бы придаточных предложений не содержалось в сложном, все они будут иметь глагол в личной форме. Второй принцип, который необходимо соблюдать – это порядок слов в английском предложении, так как он выполняет важную синтаксическую функцию. Именно порядок слов приводит к большому числу ошибок. Не бывает английского предложения без подлежащего и без сказуемого. Никогда подлежащее не стоит после сказуемого, прямое дополнение после косвенного, а обстоятельство места после обстоятельства времени.

Часто у студентов вызывает затруднение перевод заголовка. Лучше всего ориентировать обучающихся переводить название статьи после основательного знакомства с ней.

Необходимо учить студентов не переводить слова, фразу за фразой, предложение за предложением изолированно, т.е. нельзя делать дословный перевод, так как дословный перевод – не перевод; отдельные слова вне контекста не имеют смысла. В словаре можно найти слова, которые имеют по 40 эквивалентов в другом языке (например: слово «table» в разных контекстах будет означать стол, гости, пища, плита, доска, расписание, плоская поверхность, график, чертеж, оглавление, стартовая площадка). Самые простые и однозначные слова в качестве технических терминов приобретают совсем другие значения (horse – рама; monkey – баба для забивки свай; hat – кровля; tree – вал; plum – заполнитель бетона; chair – рельсовая подушка; blanket – зона воспроизведения). Даже термины в различных контекстах означают разные вещи, терминологическое слово «gate» может означать ворота, затвор, задвижка; штрек, проход; селектор; ключ; вентиль, клапан. Термин «vehicle» - транспортное средство; связывающий состав; ракета; растворитель; «valve» - в радиотехнике – электронная лампа; в теплотехнике – кран; в медицине – клапан сердца; «frame» - в строительстве – каркас; в станкостроении – станина; в кинематографии – кадр. Не однозначны даже те термины, которые кажутся интернациональными, например, слово

tractor – казалось бы, это международный термин, означающий сельскохозяйственную машину, но этот же термин может означать и самолет с тянущим винтом; «tank» – это не только «танк», но и бак, цистерна, водоем и даже колебательный контур. Существуют термины созвучные с русскими словами, но часто означающие совершенно другие понятия (balance – не баланс, а весы; elevator – не элеватор, а подъемник; factor – не фактор, а коэффициент; fountain – не фонтан, а резервуар; instrument – не инструмент, а прибор; meter – не метр, а счетчик). Итак, отдельные слова вне контекста не имеют определенного смысла и потому переводиться не могут.

Перевод – это выражение того, что уже было выражено на одном языке, средствами другого языка. Переводятся не слова, не грамматические конструкции и другие средства языка оригинала, а мысли, содержание оригинала.

Технический перевод – это перевод, используемый для обмена специальной научно-технической информацией между людьми, говорящими на разных языках.

На начальном этапе очень важным является обучение пользованием различными словарями при чтении. Без этого, как правило, студенты используют пословный перевод читаемого текста на уровне отдельных слов или предложений.

Любой общий двуязычный словарь дает не перевод слов, а только возможные эквиваленты каждого данного слова. Словарь дает только намек на то, что слово может выразить в определенном контексте.

1. Чтобы быстро находить нужное слово, надо хорошо знать алфавит. Хорошее знание алфавита дает экономию времени. Для быстрой ориентации в словаре можно напомнить студентам, что в середине англо-русского словаря расположены слова, начинающиеся на букву L, в середине первой половины словаря – слова на букву D, а в середине второй половины – слова на букву S.

2. Нужно хорошо знать смысл всех условных обозначений, сокращений, значков, различных шрифтов и знаков препинания, используемых в словарях. Общие словари имеют алфавитное расположение

слов. Кроме обычных слов есть и специальные термины, помечаемые либо общим сокращением – тех, либо сокращением, конкретизирующим область науки, техники, производства, например, с.-х. – сельское хозяйство; стр. – строительство (frame – каркас, остов; ферма, стропила, тех. – корпус, станина). Если эквиваленты слова разделяются запятыми, то они близки по значению, если точкой с запятой, то это значит, что они имеют разный смысл, например, vehicle – средство передвижения; растворитель. Политехнические словари дают эквиваленты общетехнических и общенаучных терминов, используемых в науке и технике. В этих словарях расположение материала обычно алфавитно-гнездовое, т.е. если термин состоит из одного слова, то это слово нужно искать, как в обычном словаре, по алфавиту, а если термин состоит из нескольких слов, то такой термин нужно искать по определяемому слову. Обычно это слово стоит в конце терминологического сочетания (frame construction, frame structures, frame type bridge, frame wood square, framework), но может стоять и в начале, например, если определяемые слова присоединяются к нему предлогом «of» (limit state of cracking – предельное состояние по трещинообразованию). Отраслевые словари отличаются от политехнических тем, что в них можно найти значительно больше терминов и их эквивалентов, относящихся к данной отрасли.

Необходимо учить разным видам перевода, в зависимости от преследуемой цели, однако начинать надо с полного письменного перевода, который является основной формой технического перевода. Все остальные виды технического перевода являются производными формами полного письменного перевода, его сокращенными вариантами. Одним из таких сокращенных вариантов полного письменного перевода является реферативный перевод. Реферат – это краткое изложение сущности какого-либо вопроса. Реферативный перевод – это полный письменный перевод заранее отобранных частей оригинала, составляющих связный текст. Реферативный перевод должен быть значительно короче оригинала (в 5-10 раз), так как в процессе работы над

реферативным переводом необходимо удалить всю избыточную, второстепенную информацию. Работа над реферативным переводом состоит из следующих этапов: 1) внимательное чтение всего текста; 2) разметка текста с помощью квадратных скобок для исключения его второстепенных частей (исключаемые части текста берутся в скобках); 3) чтение оставленных за скобками мест и устранение возможных диспропорций.

Аннотационный перевод – это еще один вид технического перевода, заключающийся в составлении аннотации оригинала на другом языке. Аннотация специальной статьи – это краткая характеристика оригинала, излагающая его содержание в виде перечня основных вопросов и иногда дающая критическую оценку.

Аннотация должна содержать сведения о характере оригинала (научная статья, патент, научно-популярная книга); о его строении (какие вопросы разбираются, к каким выводам приходит автор), о назначении оригинала, а также об объеме оригинала.

Следовательно, главное отличие аннотации – это характеристика оригинала.

Работа над аннотационным переводом тоже состоит из нескольких этапов: 1) внимательное прочтение статьи; 2) составление ее плана, для того чтобы выделить основные положения, перечислить главные вопросы, затрагиваемые в статье. Аннотация обычно составляется объемом не более 500-600 печатных знаков, так как при аннотационном переводе воспроизводится лишь очень небольшая часть информации, содержащейся в оригинале. При обучении аннотационному переводу следует уделить внимание изучению клише, характерных для аннотации (например, статья написана в связи ...; автор сообщает ...; рассматривая вопрос ...; автор рассказывает ...; автор приходит к выводу ...; в конце статьи дается краткий обзор ...).

Обучение иностранному языку в неязыковом вузе может быть успешным только в том случае, если в процессе всего обучения осуществляется отбор материала, учитывающий профессиональную ориентацию студентов, а иностранный язык станет не самоцелью, а одним из средств изучения специальности.

Литература

1. Дмитриева М.С. Управление учебным процессом в высшей школе. Новосибирск, 1981
2. Дж.К.Катфорд Лингвистическая теория перевода. Москва, 2004
3. Потиха З.А., Розенталь Д.Э. Лингвистические словари и работа с ними. Москва «Просвещение», 1987
4. Дуглас Робинсон Как стать переводчиком. Москва, 2005
5. Шишова О.А. Пособие по функциональной грамматике английского языка для обучения чтению и переводу. Москва «Дрофа», 2005

Methods of Special Texts Reading Intensification in Technical Universities

L.V.Lukina

The paper reflects the author's experience of teaching English to non language students. It concentrates on various tasks and exercises aimed at helping EFL students to improve their reading and translation skills. The main difficulty in learning a new language is that of changing from the grammatical mechanism of the native language to that of a foreign language.

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет

УДК 801.3=82(045/046):26

Н.Б. Подвигина

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТРАДИЦИЙ И ПРАЗДНИКОВ В ПРОИЗВЕДЕНИИ И.С. ШМЕЛЕВА «ЛЕТО ГОСПОДНЕ»

В статье анализируется своеобразие лексики произведения И.С.Шмелева «Лето Господне». Употребление такого рода лексики способствует воссозданию особого колорита, характерного для православного быта. Религиозные праздники воспринимаются писателем как систематизация определенных действий в повседневной жизни.

Творчество И.С. Шмелева, писателя-классика XX столетия, представляет собой целостный мир со своей поэтикой, системой образов, средствами их воплощения, со своими принципами построения. Это обусловлено единством в произведениях писателя двух начал: материального и духовного. Он не раз говорил о том, что истинное искусство должно быть религиозно. В его произведениях всегда присутствует большое количество христианских образов и мотивов. Лексика И.С. Шмелева, истоками которой являются фольклор, классическая литература, религиозные тексты, призвана воссоздавать жизнь русского народа, раскрывать внутренний мир простого человека.

Замечательный философ И.А. Ильин о «Лете Господнем» писал: «Великий мастер слова и образа, Шмелев создал здесь в величайшей простоте утонченную и незабываемую ткань русского быта, в словах точных, насыщенных и изобразительных: вот «тарганье мартовской капели»; вот в солнечном луче «суетятся золотинки», «хряпают топоры», покупаются «арбузы с подтреском», видна «черная каша галок в небе». И так зарисовано все: от разливанного постного рынка до запахов и молитв яблочного Спаса, от «розговин» до крещенского купания в проруби. ...все взято любовно, нежным, упоенным и упоительным проникновением;... Россия и православный строй ее души показаны здесь *силою ясно-видящей любви*» [2].

Помимо лексики, раскрытию внутреннего мира русского народа способствует

обращение писателя к традициям, которые увязаны в текстах с религиозными праздниками.

На примере произведения «Лето Господне» попытаемся проанализировать принципы введения автором в текст слов православной тематики.

«Лето Господне» - произведение, состоящее из нескольких частей, первая называется «Праздники», и начинается она с описания Великого поста.

В православных церквях в пригласительный период к Великому посту начинает меняться строй богослужения, «все чаще звучат песнопения, призывающие к покаянию. В этот период вспоминаются Страшный Суд, притчи о мытаре и фарисее, блудном сыне. В последний день перед началом Великого поста богослужение посвящено изгнанию Адама и Евы из рая. Тем самым Церковь пробуждает в своих чадах стремление к Богу и желание покаяния» [3]. Великопостные службы совершаются по особым правилам и отличаются строгостью и сосредоточенностью.

В Католической Церкви богослужение во время поста сосредоточивает внимание на покаянии, так же, как и в Православной. Но католическая практика постов довольно сильно отличается от православной. Исторически сложилось так, что пост у западных христиан сводился к более мягким ограничениям в еде, нежели у восточных.

© Подвигина Н.Б., 2006

В то время как у православных скоромной считается любая пища животного происхождения, для католиков скоромное только мясо, остальная животная пища является постной.

И католическая, и православная церкви постоянно подчеркивают, что пост – это не только время воздержания в пище, но и особенно ревностное исполнение заповедей Христа: творить добро и не делать зла, а также уделение внимания молитве, милосердию, самосовершенствованию.

Великий пост является важнейшим и самым древним из многодневных постов. Задача этого поста – напомнить верующим о сорокадневном посте в пустыне Иисуса Христа, о Его страданиях на Кресте и о Светлом воскресении Его.

Каждая неделя Великого Поста посвящена воспоминаниям какого-либо важного события или лица, призывающего грешную душу к покаянию и надежде на милосердие Божие.

Первая неделя Великого Поста отличается особенной строгостью, а богослужения – особой продолжительностью. В первое воскресенье Великого поста в церквях совершается так называемое «торжество православия», когда после литургии священнослужители совершают молебны перед иконами Спасителя и Божьей Матери, прося Господа утвердить в вере православных христиан и обратить на путь истины всех отступивших от Церкви.

Во второе воскресенье Великого Поста совершается память святого Григория Паламы, который учил, что за подвиг поста и молитвы Господь озаряет верующих благодатным Своим светом.

В третье воскресенье Великого Поста за Всенощной после Великого славословия выносятся Святой Крест и предлагается для поклонения верующим. При поклонении Церковь поет: «Кресту Твоему поклоняемся, Владыко, и святое воскресение Твое славим». Крест выставляется как напоминание верующим о страданиях Христа с целью укрепить постящихся в продолжении поста. Вследствие этого третье воскресенье и четвертая неделя поста называются «крестопоклонными».

В четвертое воскресенье Поста вспоминается святой Иоанн Лествичник, который показал «лествицу» - перечень добрых деяний, приводящих нас к Престолу Божию.

В пятое воскресенье Великого Поста Церковь вспоминает преподобную Марию Египетскую, в лице которой верующим дается образец покаяния.

В шестое воскресенье Великого Поста празднуется торжественный вход Господень в Иерусалим. Иначе этот праздник называется Вербным Воскресением. Молящимся в этот день в церкви раздаются освященные ветви вербы, символизирующей победу жизни над смертью (воскресение).

Последняя неделя Великого Поста – Страстная Седмица. Эта неделя посвящена воспоминаниям о последних днях земной жизни Спасителя – Его страданиях, смерти на Кресте и погребении – и предполагает самый строгий пост для верующих.

Понедельник, вторник и среда этой недели посвящены воспоминанию последних бесед Иисуса Христа с учениками и народом.

Великий Четверг – день, когда на службе в церкви вспоминают Тайную Вечерю, молитвы Иисуса Христа в Гефсиманском саду и предание Его Иудой. Великий четверг иначе называется Чистым, и на рассвете верующие совершают омовения, в память об «умовении Иисусом Христом ног ученикам».

Великая, страстная, Пятница напоминает о крестных страданиях Спасителя, Его смерти и погребении. В этот день в Церквях священнослужители выносят из алтаря на середину храма Плащаницу – изображение Христа, лежащего во гробе. Плащаница стоит посреди храма три неполных дня, напоминая этим трехдневное нахождение Иисуса во гробе.

Богослужения Великой Субботы посвящены пребыванию Иисуса Христа во гробе и Его Воскресения. Ночью в Великую Субботу священнослужители перенесут Плащаницу с середины храма в алтарь, где она останется до праздника Вознесения Господня. После этого верующие ожидают наступления полуночи, в которую начина-

ется светлая радость Воскресения Господня.

Завершается Страстная Седмица праздником Пасхи – Светлым Христовым Воскресением. «Пасха» в переводе с еврейского - «избавление». Христиане, празднуя Пасху, празднуют избавление благодаря Христу всего человечества от рабства дьявола и дарование вечной жизни. Пасхальная литургия и все последующие службы на Пасхальной неделе сопровождаются Крестными ходами около церкви. Этим верующие выражают свою радость победе Иисуса Христа над смертью и адом. Всю Светлую Пасхальную неделю звонят во все колокола.

Начиная с первого дня Пасхи и до вечерни праздника Святой Троицы христианам не полагается совершать коленопреклонения и класть земные поклоны.

В первый вторник после пасхальной недели, разделяя радость Воскресения Христа с умершими, Церковь особо поминает усопших. Этот день называется Радоницей. Существует обычай в этот день посещать могилы умерших родственников, включая самоубийц, которых не поминают больше ни в один день в году.

Пасхальные песнопения поются в церкви до праздника Вознесения Господня, который празднуется в сороковой день после первого дня Пасхи.

В данной статье мы попытаемся проанализировать случаи обращения И.С. Шмелева к православным реалиям, связанным с Великим постом.

Итак, рассматриваемое нами произведение – роман И.С. Шмелева «Лето Господне» - начинается с описания Великого поста, а точнее, Чистого понедельника, первого дня поста, самого главного события для православного человека в течение года. Для верующего пост – время, когда «душу готовить надо. Говеть, поститься, к Светлому дню готовиться» [1]. С началом поста заканчивалось веселье и игры детей: «И почему все такие скучные? Ведь все – другое, и много, так много радостного. Сегодня привезут первый лед и начнут набивать подвалы, - весь двор завалят. Поедем на постный рынок, где стон стоит, великий грибной рынок, где я никогда не был...Я

начинаю прыгать от радости, но меня останавливают:

- Пост, не смей! Погоди, вот сломаешь ногу.

Мне делается страшно» [1]. К Светлому дню готовили не только душу, но и жилища: «Я просыпаюсь от резкого света в комнате: голый какой-то свет, холодный, скучный. Да, сегодня Великий пост. Розовые занавески, с охотниками и утками, уже сняли, когда я спал, и оттого так голо и скучно в комнате. Сегодня у нас Чистый понедельник, и все у нас в доме чистят». [1]. Начало поста сопровождалось «выкуриванием масленицы», этим действием начинался Чистый понедельник: «Отворяется дверь, входит Горкин с сияющим медным тазом. А, масленицу выкуривать! В тазу горячий кирпич и мятка, и на них поливают уксусом. Старая моя нянька Домнушка ходит за Горкиным и поливает, в тазу шипит, и подымается кислый пар – священный...так называет Горкин. Он обходит углы и тихо колышет тазом. И надо мной колышет.

- Вставай, милок, не нежься...- ласково говорит он мне, всовывая таз под полог. – Где она тут у тебя, масленица - жирнуха...мы ее выгоним.

Незабвенный, священный запах. Это пахнет Великий пост» [1].

Основная задача православного человека на протяжении поста – смирять дух и плоть. Поэтому дома «смирненные» - бедные, даже у богатых, ведь перед Богом все равны: «В доме открыты форточки...Шторы с окон убрали, и будет теперь по - бедному до самой Пасхи. В гостиной надеты серые чехлы на мебель, лампы завязаны в коконы, и даже единственная картина – «Красавица на пиру» - закрыта простынею. Преосвященный так посоветовал...ковры убрали...» [1].

С началом поста менялись люди, готовившиеся говеть и поститься. Помимо подготовки души к Светлому дню, они занимались также подготовкой тела: «Горкин совсем особенный – тоже священный будто. Он еще до свету сходил в баню, попарился, надел все чистое – Чистый сегодня понедельник! – только казакинчик старый: сегодня все самое затрапезное наденут, так

«по закону надо». И грех смеяться, и надо намазать голову, как Горкин...по закону, «для молитвы» [1].

Как убранство дома должно быть строгим, почти траурным, так и одежда человека: «Все домашние очень строги и в трапезных платьях с заплатками – и мне велели надеть курточку с продранными локтями» [1].

Очищению души и тела способствовала специфическая пища – постная:

«В буфете остались самые расхожие тарелки, с бурыми пятнышками-щербинками, - великопостные. В передней стоят миски с желтыми солеными огурцами, с воткнутыми в них зонтичками укропа и с рубленой капустой, кислой, густо посыпанной анисом, - такая прелесть. Я хватаю щепотками – как хрустит! И даю себе слово не скоромиться во весь пост. Зачем скоромное, которое губит душу, когда и без того все вкусно? Будут варить компот, делать картофельные котлеты с черносливом...маковый хлеб с красивыми завитушками из сахарного мака, розовые баранки, «кресты» на Крестопоклонной... Мороженая клюква с сахаром, заливные орехи, засахаренный миндаль, горох моченый, булочки и сайки, изюм кувшинный, пастила рябиновая, постный сахар – лимонный, малиновый, с апельсинчиками внутри, халва... А жареная гречневая каша с луком, запить кваском! А постные пирожки с груздями, а гречневые блины с луком по субботам...а кутья с мармеладом в первую субботу...а моченые яблоки по воскресеньям,...а грешники, с конопляным маслом, с хрустящей корочкой, с теплою пустотою внутри!...» [1].

Мы видим, что в православии существовали определенные традиции, связанные с приемом пищи. Даже на протяжении поста, когда пища предполагает смирение плоти, она, во-первых, разнообразится, а во-вторых, это разнообразие привязано к определенным дням или неделям поста:

«...на ужин будет пареный кочан капусты с луковой кашей и грибами, как всегда в Чистый понедельник» [1].

«...отпекли на Крестопоклонной маковые «кресты» [1].

Несмотря на то, что окружали Шмелева глубоко верующие люди, даже среди них находились не соблюдавшие традиции. Например, пьянство имело место даже в Чистый понедельник, хотя это и было нарушением, отступлением от традиций, грехом: «В кабинете кричит отец, стучит кулаком и топает. В такой-то день! Это он на Василь Василича. ... Я боюсь войти в кабинет, он меня непременно выгонит, сгоряча, - и притаиваюсь за дверь. Я вижу в щелку широкую спину Василь Василича, красную его шею и затылок. На шее играют складочки, как гармонья, спина шатается, а огромные кулаки выкидываются назад, словно кого-то отгоняют, - злого духа? Должно быть, он и сейчас «подшофе».

- Пьяная морда! – кричит отец, стуча кулаком по столу, на котором подпрыгивают со звоном груды денег. – И посейчас пьян?! В такой-то великий день! Грешу с вами, с чертями...прости, Господи!» [1].

Мы рассмотрели некоторые примеры обращения И.С. Шмелева к религиозным праздникам и связанным с ними традициям. Можно сделать вывод, что Великий пост – время, когда нужно смирять душу и тело, готовиться к завершению поста – Светлому дню, то есть Пасхе, самому важному празднику в жизни православного человека. Верующие в течение поста готовили не только себя, но и свои дома, «очищали» их.

Существовали нарушения традиций, постепенно приведшие к тому, что сейчас забыты почти все обычаи. Задачей писателя было сохранить, донести до потомства эти традиции. Это удалось ему, прежде всего за счет необычного стиля, необычного языка произведений, которые никогда не забудут те, кто прочитал их.

Литература

1. Шмелев И.С. *Лето Господне*. – М., 2003.
2. Ильин И.А. *Творчество Шмелева*. – Париж, 1943.

3. Энциклопедия для детей. Т. 6, ч. 2. Религии мира. – М., 1996.

Traditions and festivals in I.S. Shmelyov's novel "Leto Gospodne" ('The Year of the Lord')

Podvigina N.B.

The given article analyses the peculiar vocabulary in I.S. Shmelev's novel "Leto Gospodne" ('The Year of the Lord'). The usage of this vocabulary helps to depict special colors of Russian religious way of living. The author perceives the religious holidays as an important part in organizing our everyday life.

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет

УДК 808.2

О.В. Палий

СТРУКТУРА ЭЛИНСКОГО ЛМЦ КНИГИ СТИХОВ О.МАНДЕЛЬШТАМА «TRISTIA» И ТРАДИЦИОННАЯ КАРТИНА МИРА

Статья посвящена анализу построения отдельной части книги стихов О.Э.Мандельштама «Tristia» - «элинскому» лирическому микроциклу (ЛМЦ). Автор выявляет и описывает разноуровневые связи между отдельными стихотворениями, входящими в ЛМЦ: лексические, подтекстные, интертекстуальные. Образная система ЛМЦ, по мысли автора, репрезентирует часть картины мира поэта, которая обнаруживает сходство с мифологической и фольклорной картинами мира.

Поэтический язык обладает эстетической функцией, т.е. возможностью языка стать средством отражения действительности, преломленной в сознании художника. Приращения смысла, которые общенародное слово получает в тексте художественного произведения и способность преобразовываться в поэтическом тексте в художественный образ, являются главными особенностями поэтического языка. В художественной речи слово становится элементом особой структуры, которая характеризуется упорядоченностью и системностью. Сложная иерархическая структура поэтического текста способна передавать не только текстовую, но и содержательно-концептуальную и подтекстовую информацию.

Основными свойствами художественного (поэтического) текста являются его цельность и связность, которые на макротекстуальном уровне (напр., на уровне книги стихов) могут рассматриваться как динамическое единство субтекстов (смысловых блоков, включающих в себя несколько микротекстов – отдельных стихотворений; подобные субтексты принято опре-

делять как лирические микроциклы - далее ЛМЦ). Для всестороннего описания структуры поэтического макротекста необходимо описать не только строение входящих в него субтекстов, но и существующие между ними разноуровневые связи: идейно-тематические, композиционные, сюжетные, стиховые, лексические, грамматические, жанровые. При описании структуры лирического цикла большое внимание уделяется художественным образам, формирующимся на глубинном (подтекстном) уровне, а также на возможные интертекстуальные связи отдельных стихотворений. Важно отметить, что использование ЛМЦ в качестве структурной единицы поэтического макротекста является яркой чертой индиостиля отдельного автора.

В научной литературе неоднократно подчеркивалось, что идиостиль художника слова представляет собой организованную систему, при анализе которой необходимо разграничение двух структур – концептуальной и знаковой. Поэтический идиостиль представляет собой имплицитивно

© Палий О.В., 2006

организованную систему и вместе с тем динамическую структуру, которая является воплощением индивидуально-авторской картины мира.

В составе книги стихов Осипа Мандельштама «Tristia» можно выделить 10 ЛМЦ, соединенных друг с другом разнотипными связями. Анализ структуры книги стихов выявляет индивидуально-авторскую картину мира, сложившуюся у поэта в период между 1916 – 1920 гг.

Мандельштаму принадлежит каноническое определение сущности акмеизма: «тоска по мировой культуре». Любопытно проследить, каким образом названный принцип поэтики нашел свое выражение в творчестве Мандельштама на примере анализа построения эллинского ЛМЦ.

В состав эллинского ЛМЦ входят девять стихотворений, расположенных в книге не по порядку и созданных в разные годы: «Золотистого меда струя из бутылки текла...» (1917 г.), «Меганом» (1917 г.), «Сумерки свободы» (1918 г.), «Tristia» (1918 г.), «Черепаша» (1919 г.), «Сестры тяжесть и нежность, одинаковы ваши приметы...» (1920 г.), «Когда Психея-жизнь спускается к теням...» (1920 г.), «Ласточка» (1920 г.), «Возьми на радость из моих ладоней...» (1920 г.), «Я в хоровод теней, топтавших нежный луг...» (1920 г.). Критериями, объединяющими названные стихотворения в единый ЛМЦ, являются: 1) наличие общих словесных образов-интерферентов; 2) наличие единых метаобразов; 3) наличие общих макрообразов; 4) наличие отсылок к одной системе прецедентных текстов; 5) наличие единой темы у стихотворений, образующих ЛМЦ.

Словесными образами-интерферентами, организующими стихотворения в единый ЛМЦ на лексическом уровне, являются: вода, волна, воздух, луг, песок, земля, ласточка, корабль, лодка, пчела, оса, роза, мед, вино, весна, хоровод, круг, время.

Словесный образ-интерферент вода помимо своего узуального значения в стихотворных контекстах ЛМЦ приобретает значение, являющееся традиционным для многих мифологических и философских

систем: *одна из стихий, образующих мироздание*. Важно подчеркнуть, что во многих мифологиях вода – амбивалентный символ: «...согласно представлениям язычников, вода могла выступать не только как спасительное, священное начало, но и как источник зла, гибели, смерти» (Маковский 1996, 76); «В самых различных мифологиях вода – начало всего сущего, эквивалент первобытного хаоса... Как бездна хаоса вода – зона сопротивления власти бога-демиурга...» (МНМ 1, 240). Ср., напр., в стихотворении «Сумерки свободы»: *В кипящие ночные воды / Опущен грозный лес тенет ... Сквозь сети – сумерки густые - / Не видно солнца и земля плывет*, когда словесный образ-интерферент вода приобретает в поэтическом контексте значение стихия, находящаяся в переходном состоянии. Таким образом, контекст репрезентирует значение творение нового мироздания (ср. характеристику словесного образа-интерферента земля в этом же контексте).

Словесный образ-интерферент волна, проходя через контекст стихотворений «Золотистого меда струя из бутылки текла...» и «Меганом», приобретает весьма похожие дополнительные компоненты значения: 1) нечто весомое, плотное (*Всю дорогу шумели морские тяжелые волны* «Золотистого меда струя из бутылки текла...»); 2) изменяющее свои физические характеристики вещество (*Пока еще на самом деле / Шуришит песок, кипит волна* «Меганом»).

Словесный образ-интерферент воздух, сохраняя свое узуальное значение в текстах стихотворений, входящих в эллинский ЛМЦ, приобретает дополнительное значение плотная субстанция, которая может быть разорвана или выпита: *Словно темную воду я пью помутившийся воздух* «Сестры тяжесть и нежность...»; *И ты гоняешься за легкою весной, / Ладонью воздух рассекая* «Я в хоровод теней, топтавших нежный луг...». Как и вода, воздух – одна из четырех основных стихий всех мировых космогоний. Изменение свойств данных стихий является показателем кардинального изменения структуры мироздания, которое может повлечь за собой или исчезновение Вселенной как таковой, или создание нового мира.

Словесный образ-интерферент луг контаминирует узуальное и индивидуально-авторское значение *место, где происходит сакральное действие, цель которого – восстановление связи времен*. Указанное значение репрезентируется в следующих контекстах: *Бежит весна топтать луга Эллады, / Обула Сафо пестрый сапожок «Черепашка»; Я в хоровод теней, топтавших нежный луг, / С певучим именем вмешался «Я в хоровод теней...»*. Важно отметить, что образ-интерферент луг возникает в стихотворных контекстах не только на лексическом уровне, но и на подтекстном: *Еще далеко асфodelей / Прозрачно-серая весна, / Пока еще на самом деле / Шуришит песок, шумит волна, / Но здесь душа моя вступает, / Как Персефона, в легкий круг, / И в царстве мертвых не бывает / Прелестных загорелых рук «Еще далеко асфodelей...»*. В данном контексте посредством использования мифологемы *Персефона* (богиня подземного царства, жена Аида, царя мертвых), а также выражения *царство мертвых* формируется значение *залетейские луга* (ср.: «Гомеру известны: вход в царство мертвых, который охраняет пес – страж Аида на крайнем западе за рекой океан, омывающей землю, *асфodelевый луг*, где блуждают тени умерших...» (МНМ 1, 51).

Словесный образ-интерферент песок в поэтике Мандельштама имеет значение, сформировавшееся под влиянием идей А.Бергсона сыпучая субстанция, связанная с вечностью и временем. Таким образом, в контекстах *И раскрывается с шурианьем / Печальный веер прошлых лет / Туда, где с темным содроганьем / В песок зарылся амулет «Еще далеко асфodelей...»* и *Человек умирает. Песок остывает согретый. / И вчерашнее солнце на черных носилках несут «Сестры тяжесть и нежность...»* словесный образ-интерферент песок репрезентирует значение вечность, бесконечно текущее (сыплющееся) время.

Словесный образ-интерферент земля в контекстах *Не видно солнца и земля плывет. // Ну что ж, попробуем: огромный, неуклюжий, / Скрипучий поворот руля. / Земля плывет. Мужайтесь, мужи. / Как плугом, океан деля, / Мы будем помнить и в летейской стуже, / Что десяти небес нам*

стоила земля! «Сумерки свободы» помимо узуального значения приобретает индивидуально-авторское значение субстанция, сходная по качествам с водой. В контексте *Земли девической упругие холмы / Лежат, спеленутые туго «Я в хоровод теней, топтавших нежный луг...»* и *Время вспахано плугом и роза землю была «Сестры тяжесть и нежность...»* анализируемый словесный образ-интерферент приобретает значение, отмеченное в различных мифологиях: порождающее начало (ср.: «Земля – не только супруга неба, участвующая в создании космоса, но и плодородная земля, почва...» (МНМ 1, 467).

Словесный образ-интерферент ласточка, как уже неоднократно отмечалось в исследовательских работах, посвященных творчеству Мандельштама, является одним из наиболее важных в его поэтике. В контекстах двух стихотворений, входящих в анализируемый ЛМЦ и выделяемых многими исследователями творчества поэта как двойчатка - «Когда Психея-жизнь спускается к теням...» и «Ласточка», анализируемый словесный образ-интерферент приобретает значение существо, которое может перемещаться из одного мира в другой (из мира живых (разумного, осознанного) в мир мертвых (подсознательного, интуитивного): *Когда Психея-жизнь спускается к теням / В полупрозрачный лес вослед за Персефой, / Слепая ласточка бросается к ногам / С стигийской нежностью и веткою зеленой («Когда Психея-жизнь спускается к теням...»); Я слово позабыл, что я хотел сказать. / Слепая ласточка в чертог теней вернется / На крыльях срезанных, с прозрачными играть. / В беспмятстве ночная песнь поется... Среди кузнечиков беспмятствует слово. // И медленно растет, как бы шатер или храм / То вдруг прокинется безумной Антигоной, / То мертвой ласточкой бросается к ногам / С стигийской нежностью и веткою зеленой... // И мысль бесплотная в чертог теней вернется. // Все не о том, прозрачная твердит, / Все ласточка, подружка, Антигона. / А на губах, как черный лед горит / Стигийского воспоминанье звона «Я слово позабыл, что я хотел сказать...»*. Присутствие в семантическом составе словесного

образа-интерферента ласточка *семь ущербность / безжизненность* (репрезентируется через употребление эпитетов *мертвая, слепая, на крыльях срезанных*) формирует значение невозможность передачи информации между разными мирами без потерь. То, что в семантическом наполнении словесного образа-интерферента присутствует компонент значения *речь*, объясняется влиянием мифопоэтической традиции, согласно которой щебет ласточки ассоциируется с невнятной, непонятной речью (см. миф о Прокне и Филомеле).

Словесный образ-интерферент корабль приобретает в стихотворных контекстах анализируемого ЛМЦ дополнительные оттенки значения, связанные с мифопоэтической традицией. В стихотворении «Золотистого меда струя из бутылки текла...» в контексте *И покинув корабль, натрудивший в морях полотно, / Одиссей возвратился, пространством и временем полный* анализируемый словесный образ-интерферент, благодаря близости мифологемы *Одиссей*, приобретает значение плавающее средство, на котором можно совершить путешествие в неведомые миры (в том числе и потусторонние: Одиссей двадцать лет не мог вернуться на родную Итаку, и в своих странствиях был вынужден спуститься в Аид). В стихотворении «Сумерки свободы» в контексте *В ком сердце есть – тот должен слышать, время, / Как твой корабль ко дну идет...* словесный образ-интерферент корабль приобретает значение терпящее бедствие средство передвижения времени (историческая катастрофа).

Словесный образ-интерферент лодка функционирует в двух стихотворениях эллинского ЛМЦ: «Меганом» и «Возьми на радость из моих ладоней...». В контексте *Зачем же лодке доверяем / Мы тяжесть урны гробовой / И праздник черных роз свершаем / Над аметистовой водой? / Туда душа моя стремится / За мыс туманный Меганом, / И черный парус возвратится / Оттуда после похорон... И, птица смерти и рыдания, / Влачится траурной каймой / Огромный флаг воспоминанья / За кипарисною кормой* «Меганом» узуальное значение словесного образа-интерферента дополня-

ется значением средство переправы из мира живых (рассудочного) в мир мертвых (подсознательный). Словесный образ *черный парус* контаминирует отсылки к двум разновременным прецедентным текстам: древнегреческому мифу о Тесее и Минотавре и средневековой легенде о Тристане и Изольде, что привносит дополнительный компонент значения словесному образу-интерференту лодка: средство связи между миром сегодняшним (существующим на самом деле) и миром историческим, мифологизированным (миром прошлого). Таким образом, в названном контексте вновь репрезентирована важная для поэтики акмеизма и лично Мандельштама теория вечно-го возвращения.

Словесные образы-интерференты пчела и оса в анализируемом ЛМЦ функционируют в стихотворениях «Черепаша», «Сестры тяжесть и нежность, одинаковы ваши приметы...», «Возьми на радость из моих ладоней...». В названных контекстах они приобретают традиционно-поэтическое значение: поэт, создатель магических, «заговаривающих» действительность текстов, обладающий знаниями о реальной и потусторонней жизни (см. подробнее об этом: Тарановский 1967; Фаустов 1994).

Словесный образ-интерферент мед функционирует в стихотворениях «Золотистого меда струя из бутылки текла...», «Черепаша», «Возьми на радость из моих ладоней...». В первом стихотворении в контексте *Золотистого меда струя из бутылки текла / Так тягуче и долго, что молвить хозяйка успела* и во втором стихотворении в контексте *О, где же вы, святые острова, / Где не едят надломленного хлеба, / Где только мед вино и молоко?* анализируемый словесный образ-интерферент сохраняет свое узуальное значение – густоватое, липкое и сладкое вещество, выделяемое пчелой медуницей, в виде сотов, в восковых ячейках (СД 2, 312). Отметим, что мед в мифопоэтической традиции являлся источником божественной мудрости, ритуального экстаза, а также напитком, дарующим бессмертие (см. об этом подробнее: Маковский 1996, 222; МНМ 2, 127-128). Во втором стихотворении словесный образ-интерферент мед в контексте *Чтобы, как*

пчелы, лирники слепые / Нам подарили ионийский мед приобретает значение древнегреческая (классическая) поэзия, а в стихотворении «Возьми на радость из моих ладоней...» в контексте *Возьми ж на радость дикий мой подарок - / Невзрачное, сухое ожерелье / Из мертвых пчел, мед превративших в солнце* – значение поэзия вообще, за которую ее создатель отдает жизнь.

Словесный образ-интерферент роза используется поэтом в анализируемом ЛМЦ в двух стихотворениях: «Меганом» и «Сестры тяжесть и нежность, одинаковы ваши приметы...». В стихотворении «Меганом» словесный образ-интерферент роза используется в значении знак печали, скорби, траура: *Как быстро тучи пробегают / Неосвященную грядой / И хлопья черных роз летают / Под этой ветряной луной*. В стихотворении «Сестры тяжесть и нежность, одинаковы ваши приметы...» анализируемый словесный образ-интерферент приобретает в контексте первой строфы *Медуницы и осы тяжелую розу сосут* значение жизнь как источник поэтического вдохновения. В контексте третьей (последней) строфы *Время вспахано плугом и роза землю была. / В медленном водовороте тяжелые нежные розы, / Розы тяжесть и нежность в двойные венки заплела* словесный образ-интерферент роза приобретает значение вечно возрождающаяся гармония жизни и смерти (полноты - нежности): «Весь... семантический комплекс тяжелого-полного-медленного-золотого... коренится в онтологических глубинах, в исконных свойствах пространства и времени, человека и культуры... Другой компонент – нежность – связан прежде всего с темой смерти и теней... Соответствующее семантическое поле является как бы оборотной стороной комплекса, связанного с тяжестью... Здесь соответствующие темы сливаются в единый амбивалентный комплекс, и это подчеркивается тем, что тяжесть и нежность названы сестрами» (Левин 1995, 86-87). Таким образом, в эллинском ЛМЦ словесный образ-интерферент роза приобретает значение гармония бытия и небытия, скорби и радости.

Словесный образ-интерферент вино используется поэтом в двух стихотворениях эллинского ЛМЦ «Золотистого меда струя из бутылки текла...» и «Черепаша». В названных стихотворениях словесный образ-интерферент приобретает контекстуальное значение источник радости бытия. Отметим, что в последней строфе стихотворения «Черепаша» анализируемый словесный образ-интерферент сопоставлен в поэтическом контексте со словесным образом-интерферентом мед и лексическим образом молоко: *Где не едят надломленного хлеба, / Где только мед, вино и молоко*. Данное сопоставление дает возможность уточнить контекстуальное значение словесного образа-интерферента вино: напиток, используемый в сакральных обрядах, проводник между мирами (реальным / современным – потусторонним / историко-мифологическим), поскольку ритуал есть магическое действие, предназначенное для восстановления полноты жизни, связи бытия и небытия. Представляется важным отметить, что речь в стихотворном контексте идет о дохристианских таинствах, т.к. надломленный/преломленный (ср.: И взяв хлеб и благодарив, преломил и подал им, говоря: сие есть Тело Мое, которое за вас предается (Лк, 22, 19) хлеб не входит в перечень яств на «святых островах». В сознании читателя мандельштамовские «святые острова» ассоциируются с островами блаженных в древнегреческой мифологии или с Валгаллой в германо-скандинавской мифологии, где веками длится пир.

Словесный образ-интерферент весна используется Мандельштамом в стихотворениях «Меганом», «Черепаша», «Я в хоровад теней, топтавших нежный луг...» в прямом номинативном значении – одно из четырех времен года, между зимой и летом (СД 1, 186). Отметим, что в мифопоэтической традиции весна является символом начала жизни. Проходя через поэтические контексты книги стихов «Tristia», названный словесный образ-интерферент приобретает амбивалентное значение. Так в контексте *Еще далеко асфodelей / Прозрачно-серая весна* «Меганом» дополнительным компонентом значения становится (через упоминание асфodelей – цветов Аида и

эпитета *прозрачно-серый*, что в системе образов поэта является показателем принадлежности к миру мертвых) время смерти. В контексте *Бежит весна топтать луга Эллады* «Черепаша» словесный образ-интерферент весна выступает в значении юность человеческой (европейской) цивилизации.

Словесные образы-интерференты хоровод и круг, используемые Мандельштамом в стихотворениях «Меганом», «На каменных отрогах Пиэрии...» и «Я в хоровод теней, топтавших нежный луг...», имеют сходные узусные значения круг – окружность || площадь внутри этой черты || Говоря о людях общество, сборище, мирская сходка, хоровод (СД 2, 200), хоровод – круг, улица, собрание сельских девок и молодежи обоюбого пола, на вольном воздухе для пляски с песнями (СД 4, 561). В контексте стихотворения «Меганом» значение анализируемого словесного образа-интерферента приобретает амбивалентный характер: хоровод теней на асфоделевых лугах / хоровод реальных женщин на Киммерийском побережье Крыма (отмечено Ю.Левиным: Левин 1995, 84-85). В стихотворении «На каменных отрогах Пиэрии...» в контексте *На каменных отрогах Пиэрии / Водили музы первый хоровод* словесный образ-интерферент хоровод через использование лексического образа *музы* приобретает дополнительное значение ритуальный танец, порождающий творчество. В контексте *Я в хоровод теней, топтавших нежный луг, / С певучим именем вмешался* «Я в хоровод теней, топтавших нежный луг...» словесный образ-интерферент хоровод приобретает значение репрезентация мира мертвых в мире живых. В пятой строфе названного стихотворения в контексте *И так устроено, что не выходим мы / Из заколдованного круга* анализируемый образ-интерферент приобретает значение особое пространство, в котором могут происходить необычные явления. Отметим, что круг – идеально устойчивая фигура, символическое значение ее – вечный круговорот всего сущего – используется во многих мифологических и религиозных системах. Таким образом, словесные образы-интерференты круг и хоровод в анализиру-

емом ЛМЦ имеют общее контекстуальное значение ритуал (танец), направленный на сохранение существующей системы мироздания.

Словесный образ-интерферент время является одним из наиболее важных в образной системе эллинского ЛМЦ а также макротекста всей книги стихов. Названный образ-интерферент приобретает в стихотворных контекстах ЛМЦ дополнительные оттенки значений: в контексте *В ком сердце есть, тот должен слышать, время, / Как твой корабль ко дну идет* «Сумерки свободы» словесный образ-интерферент время под влиянием словесного образа-интерферента корабль (один из традиционных поэтических символов государства) приобретает значение момент окончания определенного периода истории. В контексте *У меня остается одна лишь забота на свете: / Золотая забота, как времени бремя избыть* «Сестры тяжесть и нежность, одинаковы ваши приметы...» словесный образ-интерферент время приобретает контекстуальное значение нечто тяжелое, плотное, вещное. В последней строфе названного стихотворения в контексте *Время вспахано плугом и роза землю была* анализируемый словесный образ-интерферент приобретает значение нечто, имеющее слоистую структуру, которая нарушена (ср. в статье 1921 г. «Слово и культура»: «Поэзия – плуг, взрывающий время так, что глубинные слои времени, его чернозем, оказываются сверху. Но бывают такие эпохи, когда человечество, не довольствуясь сегодняшним днем, тоскуя по глубинным слоям времени, как пахарь, жаждет целины времен» (Мандельштам 2, 169). В контексте *Они шуришат в прозрачных дебрях ночи, / Их родина – дремучий лес Тайгета, / Их пища – время, медуница, мята* «Возьми на радость из моих ладоней...» словесный образ-интерферент время приобретает значение, аналогичное значению словесного образа-интерферента роза: источник поэтического вдохновения. Таким образом, можно выделить значение словесного образа-интерферента время, формирующееся в стихотворных контекстах эллинского ЛМЦ: длительность

бытия, характеризующаяся особой структурой, полнотой и тяжестью.

Образами более высокой степени абстракции, рождающимися из целого поэтического текста или его части, являются метаобразы. В эллинском ЛМЦ ими являются метаобразы пространство и язычество.

Метаобраз пространство репрезентируется в анализируемом ЛМЦ посредством: 1) упоминания названий географических объектов, находящихся на территории Греции и Крымского полуострова Эллада, Тайгет, Пиэрия, Таврида, Меганом; 2) использованием мифологем, относящихся к греко-римской мифологии Одиссей, Елена, Бахус, Антигона, Аониды, Психея, Персефона; 3) отсылки к античным мифам, сюжеты которых трансформируются и контаминируются друг с другом (см. об этом: Левин 1995, 82); 4) аллюзий к произведениям античной литературы (Овидий, Сафо, Тибулл), чаще всего в переводах русских поэтов начала XIX в. (К.Н.Батюшков) или начала XX в. (Вяч. Иванов); 5) анаграммированием образа Рим как в латинском, так и в русском написании. В ЛМЦ формируется следующая семантика метаобраза пространство: абстрактная территория, совмещающая приметы Греции (Эллады), Италии (Рима) и России (Крыма) и характеризующаяся взаимопроникновением и сосуществованием различных историко-культурных эпох.

Метаобраз язычество формируется посредством лексических образов, относящихся к античной картине мира: 1) имен богов Персефона, Психея, Бахус; 2) названий некоторых частей Аида Лета, Эреб; 3) словесного образа-интерферента тьень (см. об этом подробнее: Левин 1995).

Художественные образы, характеризующиеся большим семантическим объемом, принято называть макрообразами. Такими макрообразами в эллинском ЛМЦ являются **водная среда, земная твердь, воздушная среда, поэзия, судно, повторение, временной промежуток, любовь, религиозное учение, пение, речь.**

Макрообраз **водная среда** репрезентирован в стихотворных текстах, формирующих эллинский ЛМЦ, образом-интерферентом вода и лексическими образами *море, океан, водоворот, переправа,*

река. Отметим, что названные лексические образы можно разделить на три смысловых блока:

1) огромное скопление воды (*море, океан*), являющееся одновременно пространством, на котором происходит инициация отдельного человека или всего человечества, ср.: *И, покинув корабль, натрудивший в морях полотно / Одиссей возвратился, пространством и временем полный «Золотистого меда струя из бутылки текла...»; Ну что ж, попробуем: огромный, неуклюжий / Скрипучий поворот руля. / Земля плывет.* «Сумерки свободы»;

2) граница между двумя мирами (*река, переправа*), ср.: *В сухой реке пустой челнок плывет «Ласточка»* (в данном стихотворном контексте оксюморон *сухая река* выступает как знак неперейденной границы между сознанием и подсознанием, а знаком невербализованной мысли выступает словесный образ-интерферент *пустой челнок*); *Душа не узнает прозрачные дубравы, / Дохнет на зеркало и медлит передать / Лепешку медную с туманной переправы* «Когда Психея-жизнь спускается к теням...» (в указанном контексте на подтекстовом уровне репрезентирован мифотопим Лета – река забвения, являющаяся границей между миром живых и царством Аида);

3) текущая по кругу вода (*водоворот*), являющаяся знаком вечно повторяющегося времени: *В медленном водовороте тяжёлые, нежные розы, / Розы тяжесть и нежность в двойные венки заплела* «Сестры тяжесть и нежность, одинаковы ваши приметы...».

Как показал проведенный анализ, значение макрообраза **водная среда**, формирующегося в эллинском ЛМЦ, следующее: одна из космогонических стихий, символизирующая границу между миром живых и потусторонним миром, на которой разворачивается история человечества.

Макрообраз **земная твердь** формируется в эллинском ЛМЦ словесными образами-интерферентами *земля, дуг, песок*, а также лексическими образами *сад, грядки, мыс, острова, горы, отроги, холмы.* Указанные лексические образы могут быть объединены в три смысловых блока:

1) урожайная земля, дарующая радость жизни (*грядки, сад*): *После чаю мы вышли в огромный коричневый сад... // Я сказал: виноград, как старинная битва, живет, / Где курчавые всадники бьются в кудрявом порядке; / В каменистой Тавриде наука Эллады – и вот / Золотых десятин благородные ржавые грядки* «Золотистого меда струя из бутылки текла...»;

2) земля, находящаяся рядом с водой (*острова, мыс*): *Туда душа моя стремится, / За мыс туманный Меганом «Меганом»; О, где же вы, святые острова, / Где не едят надломленного хлеба, / Где только мед, вино и молоко, / Скрипучий труд не омрачает неба / И колесо вращается легко?* «Черепашка»;

3) возвышенность (*горы, отроги, холмы*): *На каменных отрогах Пиэрии / Водили музы первый хоровод* «На каменных отрогах Пиэрии...»; *Земли девической упругие холмы / Лежат, спеленутые туго* «Я в хоровод теней, топтавших нежный луг...».

Макрообраз **земная твердь** в эллинском ЛМЦ содержит следующее значение: важнейшая космогоническая стихия, характеризующаяся плодородием, неразрывной связанностью с другими стихиями и являющейся центром мироздания для человека.

Макрообраз **воздушная среда** репрезентирован в эллинском ЛМЦ словесным образом-интерферентом воздух, а также лексическим образом *стекло*. В контексте *Мимо белых колонн мы пошли посмотреть виноград, / Где воздушным стеклом обливаются сонные горы* «Золотистого меда струя из бутылки текла...» через использование метафоры *воздушное стекло* репрезентируется значение *отвердевающее прозрачное вещество*. Уподобление воздуха стеклу (в данном контексте жидкому) подчеркивает такое качество данной стихии, как плотность, возможность стать твердой. Значение макрообраза **воздушная среда** в анализируемом ЛМЦ складывается следующее: одна из космогонических стихий, приобретающая несвойственное ей качество (плотностью).

Макрообраз **пение** репрезентирован в анализируемом ЛМЦ лексическими образами *песнь, пение*. В контексте *В беспамятстве ночная песнь поется* «Ласточка» лек-

сический образ контаминирует два узуальных значения слова *песнь* – напев для пения, голос || Лирическое стихотворение, ода, псалом (СД 3, 551) и приобретает дополнительное контекстуальное значение неосмысленное произведение. В контексте *Глядели вдаль заплаканные очи, / И женский плач мешался с пением муз «Tristia»* лексический образ *пение* приобретает дополнительное значение священный, прекрасный, божественный. Следует отметить, что макрообраз **пение** имеет смысловые связи с макрообразом **поэзия**.

Макрообраз **поэзия** формируется в анализируемом ЛМЦ словесными образами-интерферентами *мед, пчела, оса*, лексическими образами *музы, лирики, Сафо, Терпандр, черепаха-лира, вчерашнее солнце*, а также отсылками к текстам Овидия («Tristia»), Тибулла («Tristia»), Сафо («Черепашка»). Отметим, что лексические образы являются названиями мифических существ-покровителей поэтического творчества (*музы*), названиями традиционных атрибутов поэта (*лира*), именами древнегреческих поэтов (*Сафо, Терпандр*). Метафора *вчерашнее солнце* в контексте *Человек умирает. Песок остывает согретый. / И вчерашнее солнце на черных носилках несут* «Сестры тяжесть и нежность, одинаковы ваши приметы...», по свидетельству А.Ахматовой, обозначает А.С.Пушкина: «К Пушкину у Мандельштама было какое-то небывалое, почти грозное отношение – в нем мне чудится какой-то венец сверхчеловеческого целомудрия... О том, что «Вчерашнее солнце на черных носилках несут...» - Пушкин, ни я, ни даже Надя не знали, и это выяснилось только теперь из черновиков» (Ахматова 1995, 29). Значение макрообраза **поэзия** в эллинском ЛМЦ формируется следующее: венец культуры, ее высшая ценность, создание которой может стоить гибели ее творцам.

Макрообраз **речь** репрезентирован в ЛМЦ лексическим образом *слово*, словесным образом-интерферентом *имя* и мотивом *говорение*. Лексический образ *слово* в контексте *Я слово позабыл, что я хотел сказать./ Слепая ласточка в чертог теней вернется / На крыльях срезанных с прозрачными играть // Среди кузнечиков бес-*

памятствует слово «Ласточка» приобретает значение невербализованная мысль. Словесный образ-интерферент имя функционирует в стихотворениях «Сестры тяжесть и нежность, одинаковы ваши приметы...» и «Я в хоровод теней, топтавших нежный луг...» и приобретает в названных контекстах значение пропуск в иной мир. Указанное значение соответствует требованиям многих религиозных традиций: запрет называть имя божества, чтобы не рассеивать божественную энергию. Мотив говoreние репрезентирован в стихотворениях «Золотистого меда струя из бутылки стекла...» (молвить, сказать), «Сумерки свободы» (прославить), «Ласточка» (сказать, твердить).

Макрообраз судно в эллинском ЛМЦ формируется словесными образами-интерферентами лодка, челнок, корабль и имеет значение средство связи между мирами (сознанием / подсознанием, жизнью / смертью, памятью / забвением).

Макрообраз повторение репрезентирован в эллинском ЛМЦ словесными образами-интерферентами круг, хоровод, лексическими образами колесо, венок, обруч, веретено, водоворот, а также мотивами повтор, возвращение. Отметим, что лексические образы колесо, венок и обруч, используемые Мандельштамом в анализируемом ЛМЦ, содержат в своей семантике компонент значения замкнутая линия, круг: «Круг заключает в себе идею движения и воплощает временной цикл, вечный круговорот всего сущего... выражает идею отсутствия начала и конца» (СС 1999, 201). Лексические образы веретено и водоворот содержат сему совершение повторяющихся / кругообразных движений. Мотив повтор (репрезентирован глаголами повторить, повториться) наиболее ярко репрезентирован в стихотворении «Tristia» в строках, которые выражают основы мандельштамовской поэтики: *Все было встарь, все повторится снова, / И сладок нам лишь узнаванья миг*. Мотив возвращение (репрезентирован глаголами возвратиться, вернуть) присутствует в стихотворениях «Золотистого меда струя из бутылки стекла...», «Меганом», «Ласточка». Значение макрообраза повторение в эллинском ЛМЦ следующее: бес-

конечное движение из бытия в небытие и обратно, репрезентация в каждом конкретном моменте сакральных актов творения.

Макрообраз временной промежуток формируется в анализируемом ЛМЦ словесным образом-интерферентом время, а также лексическими образами год, дни, час, которые имеют общее для них значение определенный временной промежуток. В контексте стихотворения «Сумерки свободы» *Прославим, братья, сумерки свободы, / Великий сумеречный год!.. Восходишь ты в глухие годы, - / О солнце, судия, народ* лексический образ год приобретает значение момент смены исторических эпох. В контексте *Жуют волю и длится ожиданье - / Последний час вигилий городских* «Tristia» лексический образ час приобретает контекстуальное значение рубеж времен между охраняемым (контролируемым, окультуренным) и неизведанным (новым, хаотическим). Таким образом, макрообраз временной промежуток в эллинском ЛМЦ имеет следующее значение: длительность бытия, имеющая неоднородную структуру.

Макрообраз любовь в анализируемом ЛМЦ формируется амбивалентными словесными образами-интерферентами пчела (оса), роза. Следует отметить, что словесный образ-интерферент пчела (оса) в поэтической традиции является знаком любовного чувства (см. об этом Фаустов 1994), а важнейшими из традиционных символических значений словесного образа-интерферента роза являются любовь (как божественная, так и земная) и гармония (см.: МНМ 2, 386; СС 1999, 336). Значение макрообраза любовь в эллинском ЛМЦ следующее: возвышенное гармоничное состояние человеческого духа, которое, однако, может приносить гибель.

На интертекстуальном уровне связь между отдельными стихотворениями, входящими в эллинский ЛМЦ поддерживается посредством отсылок к произведениям античной поэзии и к древнегреческой мифологии. Обращает на себя внимание тот факт, что отсылка к текстам произведений античной лирики идет не на оригинальный текст, а на русскоязычные переводы: К.Батюшкова «Элегия из Тибулла» (вольный перевод) 1814 г.; перевод стихотворе-

ний Сафо Вяч. Ивановым (см. об этом: Мандельштам 1, 485). Таким образом в число прецедентных текстов для стихотворений эллинского ЛМЦ входят произведения русской лирики 1820-х годов, а также русская лирика начала XX века.

На тематический уровне все стихотворения, входящие в эллинский ЛМЦ, объединяются философской идеей, основанной на трудах А.Бергсона и Ф.Ницше о панхроничном сосуществовании всех исторических времен и о вечном повторе (возвращении) исторических событий и событий единичных человеческих судеб.

Представляется важным отметить, что часть индивидуально-авторской картины

мира, репрезентированная в эллинском ЛМЦ книги стихов О.Мандельштама «Tristia», имеет сходство в структуре с мифологической и фольклорной картинами мира. Более того, сам подход к осмыслению современных поэту исторических событий, эпизодов его личной биографии соотносится с мифологическим и фольклорным принципом мышления, с их обращением к широкому универсуму общекультурных ценностей и восприятию истории как к вечному повторению процесса сотворения мира (см. об этом: Артеменко, 2001; Мальцев 1981, 29; Топоров 1973, 116).

Литература

1. Артеменко Е.Б. Фольклорное текстообразование и этнический менталитет // Традиционная культура. Научный альманах. – М., 2001. № 2(4)
2. Ахматова А.А. Стихотворения. Поэмы. Проза. – М., 1995.
3. Левин Ю.И. Заметки о крымско-эллинских стихах О.Мандельштама // Мандельштам и античность: Сборник статей. – М., 1995.
4. Мандельштам О.Э. Сочинения: В 2-х тт. – М., 1990.
5. Мальцев Г.И. Традиционные формулы русской необрядовой лирики // Русский фольклор. – Л., 1981. Т. XXI. Поэтика русского фольклора.
6. Топоров В.Н. О космогонических источниках раннеисторических описаний // Уч. зап. Тартуск. гос. ун-та. Вып. 308. Труды по знаковым системам. VI. – Тарту, 1973.
7. Фаустов А.А. Этюд о художественной реальности О.Мандельштама: Время, фактура бытия и автогенез «пчелиного» цикла //Филологические записки: Вестник литературы и языкознания. – Воронеж, 1994. Вып. 2.
8. Даль В.И. Словарь живого великорусского языка: В 4-х тт. – М., 1994.
9. Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. – М., 1996.
10. Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2-х тт. – М., 1991.
11. Жюльен Н. Словарь символов: Справочное издание. – Челябинск, 1999.

Ellinism and traditional picture of the world in the poetic cycle of “Trista” by Mandelstam

O.B.Paly

The subject of the article is the composition analysis of a part of the book of poetry “Tristia” by O.Mandelstam, and the “Hellenic” LMC. The author reveals and describes the different level connections – lexical, subtextual, intertextual – between the poems included in the LMC. The LMC system of images, according to the author, represents a part of the poet’s picture of the world which demonstrates similarity to the mythological and the folklore pictures of the world.

Воронежский государственный университет

УДК 82.08

О.М. Безатосная

ПРАВОСЛАВНЫЕ ИДЕИ В РАССКАЗЕ Б.ЗАЙЦЕВА «АГРАФЕНА» КАК ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТУРНОЙ КАРТИНЫ МИРА

Данная статья посвящена творчеству русского писателя Б.К. Зайцева. На примере анализа лексики рассказа «Аграфена» исследуется выражение православного мировосприятия писателя.

Из писателей-изгнанников Борис Зайцев внес едва ли не самый значительный вклад в русскую литературу 20 века. Поэт прозы, крупнейший представитель русского литературного зарубежья, сподвижник и друг великого Бунина, Борис Константинович Зайцев без малого три четверти века служил русской литературе (1881-1972). Он был во всех отношениях “последним” в русском зарубежье: умер в 1972 году, в Париже, не дожив двух недель до того, как ему должен был исполниться девяносто один год. В книге воспоминаний «На берегах Сены» И.Одоевцева пишет о его «несравненном, воздушном, акварельном стиле» и признается: «Спора нет, после смерти Бориса Константиновича место, занимаемое им, осталось пустым, и никому из современных писателей его не занять».

В литературу Борис Зайцев пришел в ту знаменательную пору, о которой сам на склоне своих лет восхищенно скажет, что она была “той полосой русского духовного развития, когда культура наша в некоем недолгом “ренессансе” или “серебряном веке” выходила из провинциализма конца XIX столетия к краткому, трагическому цветению начала XX”.

Ранние произведения писателя пронизаны чувством слиянности с природой, ощущением единого, живого и восходящего к Космосу мира, где все взаимосвязано — люди, волки, поля, небо. Отсюда и некая “безличность” зайцевской прозы. Эта особенность нашла отражение даже в названиях произведений: «Голубая звезда», «Белый свет», «Тихие зори», «Земная печаль», «Мгла», «Черные ветры». В то же время пантеизм писателя, его язычество воплощается с помощью нежных словесных красок, импрессионистического авторского письма: «Стояла ранняя весна; звонили звонаря к вечерним, от тихого звона тянуло давно за-

бытым, детским, что безвестными тропами ведет к покаянию».

А.Блок пишет о нем в статье “Литературные итоги 1907 г.”: “Борис Зайцев открывает все те же пленительные страны своего лирического сознания, тихие и прозрачные».

Далее движение Зайцева-художника можно определить как путь от модернизма к реализму, от пантеизма к традиционной русской духовности. В конце жизни писатель признавался: «Вся моя жизнь прошла при свете Евангелия». Русская духовная философия была не просто философией Русской Церкви, а философией обыденной жизни многих русских людей, когда жизнь согласовывалась с верой. Характерным примером такого понимания жизни может служить рассказ Зайцева “Аграфена” — “житие” простой русской крестьянки, попавшей в город, в услужение, и воротившейся в деревню.

Вслед за своим учителем В.Соловьевым, Б.К. Зайцев считает, что задача человека в развитии добра, которое изначально присуще ему, в преодолении всех проявлений зла и несовершенства, являющегося следствием грехопадения. Путь к этому идет через страдания ради любви к Богу и цельному миру. Наполняя жизнь этой любовью, можно ощутить гармонию, примирить жизнь со смертью, облегчить переход в иной мир.

«...И вначале, как ни билась, дух немел перед возможностью не быть, перед тем, что же будет, когда не будет ее?»

...Теперь, с годами и размышлениями, смерть представлялась надвигающейся мерным и торжественным ходом. Она шла неотвратимо, как крылатая царица, учала бархатно-черным тоном». («Аграфена»)

© Безатосная О.М., 2006

В произведениях Зайцева появляются образы, связанные с христианским пониманием мира: свечи, лампадка, образ кроткой Богородицы, черная монашка, чаша жизни.

«С сердцем, полным печали, тягости, Анна Дмитриевна подошла к Иверской... Купив свечку, взошла, зажгла ее и поставила перед Ликом Богородицы, мягко сиявшим в золотых ризах... Оттого ли, что поплакала, или правда в золотом сиянии Богородицы весь мир, но она поднялась облегченная, как бы овлажненная.» («Голубая звезда»)

«После он уплыл в вечернюю мглу, а она стояла на коленях и молилась вслух полям, овсам, небу, Богородице кроткой и милостивой...» («Аграфена»)

«...она видела торжественный сон: мимо...медленно и нестрашно шла черная монашка. В руках у нее сосуд. Подошедши, спросила: «Ты раба Аграфена?» Она ответила: «Я.» Монашка постояла...и, неся свою чашу... полную до краев, последовала дальше...» («Аграфена»)

В повести «Аграфена» перед нами раскрывается жизнь женщины, испытавшей «многие скорби» от самой своей юности, и до старости, до смертного часа. И испив свою полную чашу страданий до конца, она отдает себя истинной и вечной любви, которая является абсолютной:

«Тогда она пала на колени, и внутреннее видение осенило ей душу: вся жизнь явилась ей в одном мгновении, все любви и муки понялись одинокими ручьями, сразу впадшими в безмерный и божественный океан любви, и данными ей как таинственные прообразы Любви единой и вечной. Из-за знакомых когда-то лиц...выплыло новое, потопляющее всех единым светом Лицо, принимающее в сверхчеловеческое лоно».

Обратимся к названию рассказа. Имя Аграфена – народная форма христианского имени Агриппина. В словаре Вл. Даля находим: «Аграфены – купальщицы. Агрофена, Огрофена, народный день 23 июня, канун Ивана – Купалы, Ивановской ночи...

«дальняя заря...жизни»; «ранняя «дальняя заря...жизни»; «ранняя весна»; «светлая мгла утренняя».

Моются в банях и в реке: общее купание с песнями; праздник купальщиков; обетная каша, складчиною».

В различных списках «Жития» протопопа Аввакума существуют различные варианты орфографии имени, как и в разговорной речи («Агрофена», «Огрофена»). Это имя было дано дочери Аввакума в память святой Агриппины. Святая Агриппина не пожелала вступать в брак, всецело посвятив свою жизнь Господу. Была предана на мучения, затем закована в цепи, но Ангел освободил её от уз. От перенесенных мучений исповедница скончалась.

Ю. М. Лотман выделяет три стереотипа женских образов в русской литературе, которые «вошли в девичьи идеалы и реальные женские биографии». Первый – это образ «нежно любящей женщины, жизнь, чувства которой разбиты», второй – «демонический характер, смело разрушающий все условности созданного мужчинами мира», «третий типический литературно-бытовой образ – женщина-героиня. Тип «крестовой сестры», «смиреницы», безропотно несущей крест своей далеко не благополучной судьбы, наиболее традиционен как для русской жизни, так и для литературы».

Б.Зайцев, дав героине имя Аграфена, выбрал для нее трудный путь от грешницы к смиренице:

«Она стояла, точно предстала перед Богом, как покорный сосуд, скудельный сосуд Его благодати и ужаса, и некто тихо десницею навсегда отмахнул от нее время, когда была она беззаботной.» Любовь у писателя, как и у Соловьева, несет в себе некую двойственность: реальное чувство, физическое влечение, и любовь, как предощущение чего-то вечного, неземного, трагического и в то же время необходимого и прекрасного.

В рассказе нет точного портрета Аграфены. В 1 - 3 главах автор создает образ юной девушки, идущей навстречу первой невинной любви, называя ее ласково «Груша»:

Первая любовь рождается при нежном свете солнца, ее теплый свет озаряет все вокруг:

«День светлел»

«Солнце вставало пламенным, пахучим»

У Груши «вспыхивает взор», она «шла на работу, вспыхивая и рдея», со своим любимым они обменивались «вспыхивающим взором»

Цветовая гамма в этих главах изменяется от нежных зелено-голубых тонов в начале до огненно-красных в конце:

«овсы зеленели», «синеющая дымка», «березки в зеленом дыму», «в зеленой мгле цвели ее карие глаза»;

«Краснел май, пролетая в огненных зорях»

«Солнце вставало пламенным и пахучим, глубокими ароматами дымились луга под ним и скаты розовели, окровавившись «зарей», медвянолипкой пурпурной травкой»

Как правило, зеленый цвет ассоциируется с началом жизни, голубой - с надеждой, красный цвет символизирует жизнь, любовь, страсть. Но это еще и цвет-предостережение, цвет опасности. Умело используя совокупность красок, Зайцев показывает зарождение и развитие любви в душе юной Груши. Счастливые встречи проходили при свете Солнца. В последний вечер, когда «пело сердце Грушино о разлуке», автор приглушает краски:

«солнце угасающее», «вечерняя мгла», «гибнущий закат».

Страстное желание любви повзрослевшей героини Зайцев изображает на фоне ночных «безбрежных снегов»:

«...хотелось сесть в этой светлой ночи в волшебные сани, унести по белеющим снегам...стоять в снеговых полях, дышать острым и опьяняющим воздухом...»

«Темны были ночи Аграфены, черны, черны. Дикие метели крутили на улицах,

собираясь погresti под собой город и бедную жизнь; но сердце, гибнущее в любви, мрачнее снежных ночей».

Ведя греховную жизнь, предаваясь низменным страстям, Аграфена не находит покоя:

«Холодная тень, цвета пепла, легла ей на душу. Нечто темное встало, загородив дорогу».

В рассказе нет прямой авторской оценки грехов Аграфены, но в этой части повествования Зайцев использует только контрастные черно-белые краски.

Духовное возрождение героини наступает в тот момент, когда она решает вернуться в деревню:

«Уже в вагоне...она поняла, что тяжелое и огромное осталось сзади; а сейчас так тихо и просто покойно на душе, как не запомнит давно».

«И ее душа была раскрыта, детскими глазами глядело в нее вечно-синеющее небо, и ветерок-ласкатель звенел в ушах, опьянял».

Аграфена, живя в доме матери, принимает на себя все тяготы крестьянской жизни. Она старательно и добросовестно работает:

«...но о себе она знала, что...суровая рабочая жизнь женщины, отдающей себя, - есть наилучшая, честнейшая и самая ясная жизнь, как ни глубока печаль, коренящаяся в темных ее истоках».

Отношение к труду как к благородному делу, как к одной из главных добродетелей, было характерно для христианского мировоззрения.

Пережитое, страдания и потрясения не озлобили Аграфену, все это усилило в ней чувство греха, ответственности за содеянное и ощущение неизбежности того, что свершилось. Жизнь кухарки-грешницы превратилась в жизнь праведницы.

Литература

1. Толковый словарь В.Даля.- М.,1980.- т.1.
2. Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей.- М.,1999.
3. Зайцев Б.К. Белый свет.-М.,1990.
4. Кривушина Е.Имя собственное в художественном произведении.- М.,1989.- с.53.

5. Михайлов О. Зайцев //Литература русского зарубежья 1920-1940. М.,1999.-Вып.2.
6. Одоевцева И. На берегах Сены.- М.,1989.- с.212.

Orthodox ideas in B. Zaitsev's story "Agrafena" as a reflection of cultural picture of the world

О.М. Bezatosnaya

The given article is devoted to the creation of the russian writer Zaitsev B. K. The expression of Orthodox world perception by the example of vocabulary analysis of the story "Agrafena" is under consideration.

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

УДК 808.2

В. Ю. Копров, Т. Н. Козюра

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ВЫРАЖЕНИЯ СУБЪЕКТНО-ОБЪЕКТНЫХ ОТНОШЕНИЙ ПРЕДЛОЖЕНИЯМИ С ГЛАГОЛАМИ ВОСПРИЯТИЯ И УМСТВЕННОГО ДЕЙСТВИЯ В РУССКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ

В статье анализируется функционирование глаголов восприятия и умственного действия с точки зрения взаимоотношения субъектных и объектных актантов в предложениях русского и французского языков. Особое внимание обращено на описание общих и специфических способов выражения пассивно-возвратного значения в исследуемых языках.

Основой ситуативно-структурного устройства предложения как единицы текста является описание характера взаимозависимости глагольного действия и семантических актантов. Глагол как носитель действия содержит в себе семантический признак, характеризующий специфику всего высказывания, поэтому необходимо изучать, в частности, распределение глаголов по лексико-семантическим классам и группам.

Глаголы восприятия и умственного действия объединяются нами в одну лексико-семантическую группу. Восприятие является основой взаимодействия человека с внешней средой (Бондарко 2003: 23); мыслительная деятельность базируется на первичном материале, поступающим к субъекту посредством перцепции; поэтому изучать процессы восприятия и умственных операций следует неразрывно друг от друга.

Чтобы наиболее полно охарактеризовать субъектно-объектные конструкции, выражающие процессы восприятия или мыслительного действия, с точки зрения категории залоговости, рассмотрим примеры употреблений конструкций разных типов в текстах художественной литературы на русском и французском языках.

Русский язык.

1. Активный субъект осуществляет восприятие (умственный процесс), его действие направлено на объект:

*Позволь мне перебить тебя, возможно, я что-то не так **понял** (С. Соколов).*

2. Субъект осуществляет активное действие, подвергаясь ему сам. Грамматически данный процесс выражается формой возвратного глагола (аффикс *-ся*) или глаголом с местоимением *себя*:

*Кстати, вы-то **задумываетесь** над этим, вы в это верите? (С. Соколов).*

*Я **представил себе** июльскую грозовую ночь (С. Соколов).*

3. Активные конструкции, в которых глагол не принадлежит к ЛСГ восприятия / умственного действия, но соответствующее значение передается глагольно-именным сочетанием:

*Помню, я **обратил внимание** на чью-то дачу и подумал: вот дача, в ней два этажа, в ней кто-то живет, какая-нибудь семья (С. Соколов).*

4. Субъектно-пассивная конструкция: восприятие / умственное действие осуществляется пассивным субъектом, а объект выступает как активный:

*Но кукушка не знала об этом, и, надо полагать, моя жизнь **интересовала** ее в гораздо меньшей степени, чем ее жизнь – меня (С. Соколов).*

5. Пассивно-возвратное восприятие или умственный процесс, при котором активный объект оказывает действие на пас-

© Копров В.Ю., Козюра Т.Н., 2006

сивный субъект:

Вот почему в прыге и смехе Кикиморы – в танце «ки-ки» мне слышится неутоленное – трагические звуки – не лесной бездушный гул, а наша тоска (А. Ремизов).

6. Конструкции с активным объектом, действующим на субъект, выраженный метонимической формой, либо другими лексическими средствами:

А может и замечали, только это не слишком бросалось в глаза (С. Соколов).

А, вот как, – сказал я, – значит, я просто забыл, я слишком долго мчался по саду, наверное, все эти годы, и многое вылетело из головы (С. Соколов).

7. Конструкции с активным объектом, производящим действие; субъект не выражен грамматически, но его существование как реципиента подразумевается:

1) предложения с невозвратными глаголами:

Дома пахнут керосином, а живут в них пожилые тихие люди (С. Соколов).

2) предложения с возвратными глаголами, обозначающими проявление признака (Янко-Триницкая 1989: 84):

Люди бледнели, лица светились в сумраке ночных смен бело и призрачно, в часы передач и свиданий светились в окнах больницы на фоне изумительно чистых занавесок, прощально светились на фоне предсмертных подушек, а потом лица светились только на фотографиях в семейных альбомах (С. Соколов).

8. Безличные конструкции, в которых объект оказывает активное действие на неопределённый или обобщённый пассивный субъект:

1) с невозвратными глаголами ЛСГ восприятия и умственного действия:

Головы не было видно, ее скрывал пролет (В. Лапицкий).

А лето было – как на цветных открытках, и пахло речной водой, ивой и смолой соснового бора (С. Соколов).

2) с возвратными глаголами данной ЛСГ; активный безличный объект оказывает действие на пассивный субъект:

Но тебе показалось, слышалось, было не такое слово, похожее на это, но не такое, я уже не могу вспомнить (С. Соколов).

И самые верные предсказания не из рассуждений, а из сновидений, только бы... только бы приснилось! (А. Ремизов).

Никакой череды нет, дни приходят когда какому вздумается, а бывает, что и несколько сразу (С. Соколов).

Французский язык.

1. Активный субъект осуществляет восприятие (умственный процесс), его действие направлено на объект:

Laverdure regarde la bouteille de grenadine avec une convoitise mémorable (R. Queneau).

Lui, il déguste sa mixture à petites lampées comme si s'était de la chartreuse chaude (R. Queneau).

2. Субъект осуществляет активное действие, подвергаясь ему сам; грамматически действие передается глаголом соответствующей семантики с местоименной частицей *se*:

Je me suis expliqué aussi la bizarre impression que j'avait d'être trop, un peu comme intrus (A. Camus).

...quant à elle, elle ne se souvenait pas les visages... (R. Gary).

3. Активные конструкции, в которых глагол не принадлежит к ЛСГ восприятия / умственного действия, но соответствующее значение передается глагольно-именными сочетаниями:

J'ai eu un moment l'impression ridicule qu'ils étaient là pour me juger (A. Camus).

4. Неопределённо-личные конструкции, с местоимением *on* (субъект) в сочетании с глаголом (действие); неопределённо-личный субъект оказывает действие на пассивный объект:

Dans les cabanons qui bordaient le plateau et qui surplombaient la mer, on entendait des bruits d'assiettes et de couverts (A. Camus).

La foule se disperse, on entend le roulement de tambour (J. Anouilh).

De place en place, outre deux nuits, on voyait le détail d'une figure rouge à la bouche ouverte, une main qui désigne un but (J. Cocteau).

5. Субъектно-пассивная конструкция: восприятие / умственное действие осуществляется действием активного объекта на пассивный субъект.

*Mais si cette sage femme lui **montrait** derrière les parols D'Elisabeth un coeur brûlant et tendre? Elle le ramenait à la syncope pour grandes personnes et aux suites qu'elle risquait d'avoir (J. Cocteau).*

*Un coup de sonnette **vint** la **surprendre** (J. Cocteau).*

6. Пассивно-возвратное значение восприятия или умственных процессов, активный объект оказывает действие на пассивный субъект:

*La sonnette **s'entendait** mal; on l'avait entourée de linges (J. Cocteau).*

*Pourquoi demande-t-on aux gens s'ils sont amoureux puisque cela **se voit** toujours? (J. Anouilh).*

*Cela **ne s'apprend** pas à une année ou deux (S. Beckett).*

7. Конструкции с активным объектом, действующим на субъект, выраженный метонимической формой, либо другими лексическими средствами:

1) с невозвратным глаголом:

*Un léger **bruit** de moteur **est monté** dans l'air calme **jusqu'à nous** (A. Camus).*

2) с возвратным глаголом:

*L'idée de châtement **se présenta** à son esprit... (S. Beckett).*

8. Конструкции с активным объектом, производящим действие; субъект не всегда может быть выражен грамматически, но его существование как реципиента подразумевается:

1) предложения с невозвратными глаголами:

*... si un morceau entendu seulement au piano nous **apparaît** ensuite revêtu des couleurs de l'orchestre ... (M. Proust).*

2) предложения с возвратными глаголами:

*Devant moi il n'y avait pas une ombre, chaque angle, toutes les courbes **se dessinaient** avec une pureté blaisante pour les yeux (A. Camus).*

9. Каузативные конструкции с вспомогательными глаголами *faire* и *laisser* (в возвратной или невозвратной форме), которые несут грамматическое значение возникновения возможности осуществления действия; активный объект действует на пассивный субъект:

*Paul **crachait** dans sa direction, elle **claquait** la porte et d'autres portes qui **claquent se faisaient entendre** (J. Cocteau).*

Из представленных выше примеров видно, что в сфере субъектно-объектных отношений, представленных предложениями с глаголами восприятия и умственных процессов русского и французского языков, наблюдается совпадение большинства моделей. Общей тенденцией в залоговой организации предложений с глаголами ЛСГ восприятия / умственного действия для обоих языков является отношение большинства конструкций к сфере пассивности субъекта и активности действующего объекта.

Конечно, нельзя делать категоричных выводов, исходя из небольшого представленного здесь объема материала. Тем не менее, можно отметить, что французский язык демонстрирует несколько более разветвленную структуру данной организации, что объясняется наличием значительного числа аналитических формантов в грамматике французского языка.

Большой интерес для типологии простого предложения представляет анализ залоговой семантики различных синтаксических конструкций с глаголами на *-ся*. Вопрос о природе и терминологическом обозначении аффикса *-ся* является спорным. Мы, вслед за многими учеными, видим в этом аффиксе (постфиксе или частице) проявление агглютинативности в общем флективном строе русского языка (Пешковский 1938: 128); дискуссию по этой проблеме см. (Янко-Триницкая 1962: 30-36).

В ФСП залоговости мы включаем конструкции следующих типов.

1. Предложения, в которых глагол инкорпорирует в свое значение ситуативно определенный неодушевленный (иногда – единственно возможный) объект: *Курица*

несется; Он зажмурился; Собака оскалилась.

2. Предложения с собственно-возвратными глаголами, указывающими на то, что действие имеет своим объектом самого субъекта: *Дети умываются; Она переделалась.*

3. Предложения с взаимно-возвратными глаголами, называющими действия субъектов, которые затрагивают ряд объектов, включающий и самого субъекта: *Они обнялись; Она поцеловалась с сестрой.*

4. Предложения с глаголами на -ся в абсолютном употреблении (качественно-возвратные, активно-безобъектные): *Корова бодается; Собака кусается; Мел пачкается.*

5. Предложения с косвенно-возвратными глаголами, обозначающими действия, которые совершаются субъектом в своих интересах: *Старики запаслись на зиму топливом.* Здесь речь также идет о действии активного субъекта; ср. с обычным личным активным предложением: *Старики запасли на зиму топливо*, где дополнительный оттенок значения "себе, для себя, в своих интересах" отсутствует.

6. Предложения с пассивно-возвратными глаголами (ЛСГ зрительного и слухового восприятия, умственного действия) как несовершенного, так и совершенного вида. Субъект представлен здесь формой дательного падежа или синтаксическим нулем как грамматически пассивный, носителем грамматического признака выступает объект, занимающий позицию подлежащего: *Издалека слышались какие-то непонятные звуки; Ему вспомнилась поездка на Кавказ.* Предложения данного типа регулярно противопоставляются личным активным конструкциям: *Они слышали какие-то непонятные звуки; Он вспомнил поездку на Кавказ.*

7. Предложения с пассивно-возвратным глаголом ЛСГ обладания и локализации *иметься*: *У них имеется трехэтажный дом.* В предложениях этого типа с типичной пассивной семантикой залоговые параметры актантов описываются поразному. В предложениях обладания субъект, который всегда является одушевлен-

ым, представлен предложно-падежной формой как пассивный; объект выступает как грамматический носитель отношения обладания. Грамматическая направленность отношения (центростремительная) противоположна его реальной направленности (центробежной); ср. с личной активной конструкцией: *Они имеют трехэтажный дом.*

8. Предложения с так называемыми пассивно-каузативными глаголами, в которых активный каузирующий субъект является в то же время объектом действия другого неназванного или выраженного предложно-падежной формой пассивного субъекта: *Он подстригся; Она лечилась у опытного невропатолога.* Такие предложения регулярно противопоставляются личным активным или неопределенно-личным предложениям, в которых предмет-каузатор действия представлен как его пассивный объект, а предмет-производитель действия выступает как активный субъект: *Его подстригли; Ее лечил опытный невропатолог.* Ср. также с пассивом *Он подстрижен; Она лечится опытным невропатологом.*

9. Пассивно-бессубъектные предложения типа: *Стекло бьется; Золото хорошо куется.* В предложении выражается пассивное качество объекта. В качестве подлежащего здесь выступает неодушевленный объект, а субъектом или каузатором является обобщенный актант.

Итак, предложения типов (1-5) относятся к сфере **активности**, а (6-9) – к сфере **пассивности** семантического субъекта (см. Копров 1999: 115-119; 2003: 128-134).

Опираясь на данную классификацию, рассмотрим подробнее взаимоотношения глаголов лексико-семантической группы восприятия и умственного действия с субъектно / объектными актантами в предложениях пассивно-возвратного типа, например:

Ты не знаешь это наверняка, возможно, что никакого оркестра на поляне нет, но из-за леса слышится музыка, и тебе хорошо (С. Соколов).

Семантику предложений данного типа можно представить следующей грамматической моделью: Субъект ← восприятие/умственное действие ← Объект.

В русских предложениях используются следующие возвратные глаголы данной ЛСГ:

видеться/увидеться, виднеться, вспомниться/запомниться/припомниться, выявиться, выясниться, грезиться, замечаться, мерещиться/померещиться, мыслиться, обнаружиться, почудиться/причудиться, проследиваться, слышаться, послышаться, смотреться, сниться/присниться, читаться, чувствовать/почувствоваться, чудиться/почудиться/причудиться, чуются, явиться (возможно, что при дополнительных исследованиях фактического материала данный список может пополниться).

Каждый из глаголов, приведенных в списке, однозначно демонстрирует пассивность семантического субъекта. Но при этом не совсем корректно было бы объединить в одну группу все глаголы данной ЛСГ, исходя только из одного структурно-ситуативного признака (пассивности семантического субъекта), т.к. квалификация объекта как носителя действия не всегда очевидна как абсолютная; в принадлежности (или отсутствии принадлежности) действия объекту / субъекту наблюдается некая градуальность. Предлагаем рассматривать данную группу глаголов следующим образом:

1) Абсолютная активная роль в осуществлении действия принадлежит семантическому объекту; объект как бы открывает, предоставляет возможность для внешней детерминации себя самого: *видеться, виднеться, выясниться, выявиться, замечаться, проследиваться, слышаться, читаться, чуются, явиться*.

2) Объект является носителем действия, но перцепция или ментальное усвоение осуществляется при деятельном участии субъектного актанта: *вспомниться/запомниться, выявиться, выясниться, мыслиться, обнаружиться*.

Следует обратить внимание на то, что к первой группе принадлежат глаголы, преимущественно относимые к подгруппе восприятия, а ко второй – глаголы умственного действия.

Это можно объяснить тем, что восприятие осуществляется поэтапно: сначала

– соответствующими физическими органами человека, затем сигнал поступает в мозг, который фиксирует факт восприятия, т.е. на первом этапе восприятия объекта субъекту нет необходимости проявлять какую-либо активность. Осуществление ментальных операций требует хотя бы минимальной постоянной деятельности мыслительных органов субъекта.

3) Такие глаголы, как *грезиться, мерещиться, чудиться*, а также *сниться* содержат в себе компоненты как восприятия, так и умственных действий; кроме того, семантика данных глаголов ставит под вопрос реальность процессов, которые они обозначают; глаголы данной группы не имеют невозвратных соответствий (см. Янко-Триницкая 1989: 84):

грезиться – во сне или в мечтах;

Как часто тогда грезились мне петербургские белые ночи (А. Куприн).

чудиться, мерещиться – во сне, в бреду, наяву и т.д.

... и, наконец, служащих лодочных пристаней, кому мерещится звон отвязанной лодочной цепи ... (С. Соколов).

Ночью, Варя, не спится мне, все мерещится шепот какой-то ... (А. Островский).

Что касается глагола *сниться*, то процесс сна сочетает в себе и восприятие (чтение изображения с сетчатки), и ментальную обработку воспринимаемого:

*Или бывает так: перед каким-то событием приснился сон; содержание испарилось и только остается на всю жизнь: что-то особенное **снилось**, но не могу вспомнить (А. Ремизов).*

Рассмотрим, как обстоит дело с организацией ЛСГ восприятия и умственного действия в неблизкородственном русском французском языке.

Русские глаголы объединяются в категорию возвратных на основе морфологического аффикса *-ся*, во французском языке также существует маркер возвратности – местоименная форма *se*, которая находится в препозиции к глаголу; ее форма меняется в зависимости от глагольного лица и числа. «Французской частице *se* в русском языке соответствуют две формы: частица *-ся*, образующая возвратную форму глагола с ее

различными значениями (собственно-возвратным, взаимно-возвратным, пассивным и др.), и возвратное местоимение *se*, обозначающее объект, совпадающий с субъектом.» (В.Г. Гак, 1988: 196-197). Не все французские грамматисты склонны выделять во французском языке категорию возвратного залога, хотя специфика возвратной формы здесь очевидна: «Возвратная форма занимает свое место в ряду залоговых форм, отличаясь и от актива, и от пассива и, вместе с тем, объединяя их черты. Это дает основание выделять ее как форму особого возвратного залога» (В.Г. Гак 2004: 375). Традиционно во французской грамматике различают три основные группы глаголов с возвратным маркером *se* (см. Nikolskaïa E.K., Goldenberg T.Y. 1974):

1. Субъект осуществляет действие, направленное на него самого:

Elle se peigne devant la glace.

2. Взаимнонаправленное действие субъектов, каждый из которых одновременно является объектом:

Ils se battent.

3. Глаголы средне-возвратного значения:

Vous vous promenez peu.

У В.Г. Гака содержание двух первых групп объединяется в выражение единой первичной функции местоименной формы *se* – выражение возвратного и взаимного залога. Вторичная функция местоименной формы состоит в выражении ею значений двух других залогов – активного (средне-возвратное действие) и пассивного (местоименной пассив), а также в десемантизации *se* (В.Г. Гак 2004: 375-379).

Во французском языке можно выделить группу возвратных глаголов, выражающих пассивно возвратное значение в сфере восприятия (1) и умственного действия

(2), у которых местоименная форма *se* выполняет вторичную функцию:

1. *Se voir, s'apercevoir, se remarquer, se montrer, se présenter, se dessiner, se lire, se sentir:*

Celles-ci se montraient moins farouches que la grise, qui était passée la première et à qui il n'était rien arrivé (S. Beckett).

2. *S'apercevoir* (в значении «обнаружиться» без участия органов зрения), *s'apprendre, s'éclaircir* (в значении *проясниться, выясниться*), *se présenter, se rapeler, se souvenir, se voir:*

Pourquoi demande-t-on aux gens s'ils sont amoureux puisque cela se voit toujours? (J. Anouilh).

Во французском языке нет глаголов пассивно-возвратного восприятия / умственной деятельности, сопоставимых с третьей выделенной нами группой в русском языке (таких как *мерещиться, сниться*), их функцию выполняют невозвратные глаголы соответствующей семантики, напр.: *мне приснился водопад – j'ai rêvé une cascade.*

Итак, из представленных выше примеров можно прийти к следующему заключению относительно организации предложений с глаголами ЛСГ восприятия и умственного действия в русском и французском языках. В русском языке для обозначения залоговых и аспектуальных оттенков данного процесса преимущественно используются многообразные лексические и словообразовательные средства, а во французском языке – разного рода лексико-грамматические элементы.

В целом системы обоих языков демонстрируют наличие как общих, так и разнообразных специфических средств выражения процессов восприятия / умственного действия.

Литература

1. Бондарко А.В. Инварианты и прототипы в системе функциональной грамматики / А.В. Бондарко // Проблемы функциональной грамматики: Семантическая инвариантность/вариативность. – СПб.: «Наука», 2003. – С. 5-36.
2. Гак В.Г. Русский язык в сопоставлении с французским / В.Г. Гак. – М.: «Русский язык», 1988. – 264 с.

3. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка / В.Г. Гак. – М.: Добросвет, 2004. – 862 с.
4. Копров В.Ю. Аспекты сопоставительной типологии простого предложения (на материале русского, английского и венгерского языков) / В.Ю. Копров. – Воронеж, ВГУ, 1999. – 160 с.
5. Копров В.Ю. Русские предложения с возвратными глаголами и их соответствия в английском языке / В.Ю. Копров // Слово. Грамматика. Речь. Вып. 5: Сборник научно-методических статей по преподаванию РКИ. – М.: Изд-во МГУ, 2003. – С. 128-134.
6. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении / А.М. Пешковский. – М., 1938.
7. Янко-Треницкая Н.А. Возвратные глаголы в современном русском языке / Н.А. Янко-Треницкая. – М., 1962. – 247 с.
8. Янко-Треницкая Н.А. Русская морфология / Н.А. Янко-Треницкая. – М.: «Русский язык», 1989. – 236 с.
9. Nikolskaïa E.K., Goldenberg T.Y. Grammaire française / E.K. Nikolskaïa, T.Y. Goldenberg. – Moscou: Editions «Ecole Supérieure» 1974. – 364с.

About some specific ways of expressing subject-object relations by sentences with the verbs of perception and mental processes in russian and french

V. Ju. Koprov, T. N. Kozura

This article describes functioning of the verbs of perception and mental processes from the point of view of their interrelations with subject and object of the Russian and French sentences. Special attention is paid to the analysis of common and specific ways of expressing passive-reflexive meaning in both languages.

Воронежский государственный университет

УДК 801.3:802.0

С.Ю.Туровская

ФАЗОВЫЕ КОНСТРУКЦИИ С ПРОПОЗИЦИОННЫМИ АКТАНТАМИ

Современная лингвистика изучает структуру динамического мира через язык, поэтому велико внимание лингвистов к понятию *действие* и его валентности.

Первоначально термин *валентность* упоминался в связи с сочетательными потенциями глагола в предложении. Валентность – свойство слова притягивать к себе другие слова, заполняя “пустые места” в своем значении.

Центральное звено в предложении – предикатный знак, в лексической семантике которого содержится “макет будущего предложения”. Анализируя семантику высказывания, ученые учитывают характер средств и их сочетаемость в пределах высказывания, оперируя понятиями *ситуация* и *функторы*.

Ситуация – это пропозиция, момент действительности. Ее семантическим цен-

тром и связующим элементом является функтор – предикат, участвующий в построении конструкций с пропозиционными актантами.

Семная структура функторных предикатов состоит из двух сем – **оценки** и **фазы**. Одним из основных способов оформления комбинаций **функторный предикат + пропозиционный предикат** можно назвать случай, когда каждый предикат выражен глаголом.

Конструкция с пропозиционным актантами 1 типа. Пропозиционный актантами представлен знаменательным глаголом в инфинитиве или герундием; также может быть выражен отглагольным существительным со значением процесса, или состояния.

© Туровская С.Ю., 2006

Конструкция с пропозиционными актантами 2 типа. Пропозиционный актант в таких конструкциях выражается отглагольными существительными со значением процесса / состояния; реже со значением места и пространства.

Современная лингвистика изучает структуру динамического мира, пребывающего в состоянии постоянного видоизменения, в языке и через язык, поэтому столь велико внимание лингвистов к понятию *действие* и его разновидностям, специфике глагольного значения. Действие, или глагол, получили особо широкое описание и анализ в рамках науки аспектологии и функциональной грамматики.

Изучать и исследовать глагол в отрыве от его семантики невозможно. В свою очередь, значение конкретной языковой единицы вычленяется вне предложения односторонне, поскольку только в пределах предложения максимально полно раскрывается сумма ее сем, поэтому необходимо иметь знание о валентности слова, в нашем случае глагола.

Первоначально термин *валентность* упоминался в связи с сочетательными потенциями глагола и главенствующей роли глагола в предложении. Теория валентности и сам термин берут свое начало в работе структуралиста Л. Теньера. Согласно его теории, глаголу в предложении принадлежит центральная роль, тогда как остальные члены подчинены ему. В стандартный набор потенциальных связей глагола включены только подлежащее и дополнение – «участники действия».

Опираясь на исследования С.Ф. Кацнельсона, Г. Я. Солганик предлагает следующую трактовку термина: валентность – свойство слова притягивать к себе другие слова, заполняя “пустые места” в своем значении. Так как валентность практически тождественна значению слова, то надо анализировать именно категорию значения. Слово “заряжено бесконечными семантическими возможностями”, которые проявляются хаотично. Выделяются две плоскости реализации возможностей: “вертикальная” (парадигматическая), указывающая на отношение к действительности, и “горизон-

тальная” (синтагматическая), осуществляемая в речи.

Например, говоря “книга”, мы подчеркиваем (выделяем ее из целой парадигмы подобных): это не тетрадь, не рекламный проспект, то есть акцентируем номинацию слова. Парадигматическая валентность присуща всем словам и важна, поскольку выражает незамкнутость, открытость слова.

Обычно большое значение придается горизонтальной валентности, то есть синтагматической, реализующейся в речи, ведь ее задача – соединение слов. Чтобы дойти до сути понятия *синтагматическая валентность*, обратимся к анализу и возьмем, например, глагол “начинать”. Легко и сразу выделяется:

- Лексический компонент значения: “приводить что-либо в действие, иметь спонтанное начало”;

- Морфологический компонент, обуславливающий принадлежность данной единицы к классу глаголов;

- Не выраженный материально, но подразумеваемый компонент обозначает способность данного глагола быть переходным и использоваться в качестве переходного.

В переходном значении, к примеру, глагол “начинать” характеризуется некоторой неполнотой и требует распространения, уточнения: *начинать книгу (письмо)*. Присоединенное слово обозначает объект действия, раскрывает его значение. Итак, видны незамкнутые контуры ядра лексического значения, участвующего в формировании связей.

Центральное звено в предложении – предикатный знак, в лексической семантике которого содержится “макет будущего предложения”. Но так называемый макет предложения был бы неполон, если бы подлежащее не участвовало в реализации категории предикативности. Таким образом, модель предложения приобретает и грамматическую и информативную достаточность. Анализируя семантику высказывания, ученые учитывают характер средств и их сочетаемость в пределах высказывания и оперируют понятиями *ситуация* и *функции*.

Ситуация – это сцена, момент действительности и его осмысленное восприятие, которое было бы невозможно без сочленения объектов в некоторое целое. Этим семантическим центром и связующим элементом является функтор, выступающий в предложении в роли предиката, связывающего имена и дающего в итоге целостную картину – пропозицию - «ситуацию, взятую в аспекте ее внутренней логической структуры».

Функтор организует смысл высказывания, «притягивает» к себе объекты. Зная предикат и, соответственно, его валентность, мы можем прогнозировать тип заполнения упомянутых переменных. Например, имея набор участников ситуации «извозчик», «лошадь», «кнут», мы с большой долей уверенности предскажем предикат «погонять»/«бить». Таким образом, чем больше участников, тем легче восстановить предикат.

Функторы многообразны: среди них выделяют функторы модальности, темпоральности и аспектуальности, которые представляют для нас большой интерес. Функторы аспектуальности – это функторы фазовости, присущие всем языкам, поэтому универсальные. В любом языке присутствуют средства выражения значений «что-то начинается/ завершается».

Функторы участвуют в построении конструкций с предикатными актантами, то есть в построении предложения. При их исследовании особое внимание уделяется глаголам модальным, фазовым, каузативным, имеющим грамматическое значение и таким образом отличающихся от остальных глаголов с лексическим значением.

Чтобы перейти к рассмотрению фазовых конструкций с предикатными актантами, необходимо определить их возможную валентность. Итак, фазовые глаголы, входящие в состав функторов, типа «начать», «перестать», «продолжить», «прервать», «возобновить», синтаксически чаще всего являются двухвалентными (с одной стороны ориентированы на субъект, с другой на инфинитив или отглагольное имя, называющее ситуацию), но с семантической точки зрения данные функторы лишены собственных субъектов: *Иван начал строить*.

В связи с двойственной природой фазовых глаголов как функторных предикатов и их делением на служебные и полнозначные, невозможно их противопоставить пропозиционным предикатам, которые всегда полнозначны. Пропозиционные предикаты называют первичную ситуацию, факт действительности, т.е. весь сюжет ситуации построен вокруг них (отсюда и сам термин), тогда как функторные предикаты указывают на факт существования пропозиции, комментируя ее со стороны «фазовости», «модальности», «каузативности», поэтому в некоторых работах функторные предикаты названы также комментаторными.

Семная структура функторных предикатов состоит как минимум из двух сем – одна передает значение «оценки», а другая называет тип деятельности или, более конкретно, **фазы**.

Одним из основных способов оформления комбинаций **функторный предикат + пропозиционный предикат** можно назвать случай, когда каждый предикат выражен глаголом. При этом пропозиционный предикат всегда представлен только полнозначной единицей, а функторный предикат может оформляться грамматикализованной или полнозначной глагольной единицей.

В английском языке функторные предикаты в содержательном плане делятся на два типа:

- оценочные, характеризующие ситуацию с точки зрения внешнего по отношению к ситуации лица. К ним относятся модальные, фазовые и остальные аспектуальные предикаты;
- модусные, фиксирующие только факт существования какой-либо ситуации.

В английском языке фазовые глаголы входят в конструкции с пропозиционными актантами, с которыми формируют два типа:

1. С + П + ПА
2. ПА + П,

где С – подлежащее,

П – фазовый глагол,

ПА – пропозиционный актант.

Данные формулы дают представление о двойственной природе фазовых глаголов,

которые выступают как грамматикализованные в первой формуле и однозначные во второй.

Конструкция с пропозиционными актантами 1 типа. Пропозиционный актант чаще всего представлен знаменательным глаголом в инфинитиве или герундием.

Mrs. Walton began to cry.

The snow never ceased falling.

Пропозиционный актант также может быть выражен отглагольным существительным со значением процесса, или состояния, или зависимым предложением:

We continued our efforts to raise money for the hospital.

He started what seemed an impossible job.

К числу пропозиционных актантов относят существительные, обозначающие отрезки времени: *a day, a shift, a lesson*, участки местности: *a road, wood*.

Miss Caroline began the day by crying profusely.

Особую разновидность конструкций с пропозиционными актантами представляют случаи, когда пропозиционный актант вообще отсутствует, а в функции дополнения выступает предметное существительное:

It took me all day to finish the raft.

He began the letter.

И.П. Смирницкий интерпретирует подобные варианты как эллипсис знаменательного глагола, который всегда может быть восстановлен путем трансформации:

... *to finish making the raft,*

... *began writing the letter.*

We always begin with the hardest problems.

Употребление фазовых глаголов может быть не только оценочным, но и каузативным:

The smoke started her coughing.

He was unable to start the car.

Конструкция с пропозиционными актантами 2 типа. Пропозиционный актант в таких конструкциях выражается отглагольными существительными со значением

процесса / состояния; реже со значением места и пространства:

The conversation started and stopped and after an embarrassing pause started again.

The persecution continued with unabated rigour.

The room for nice people has ended.

The day in the basement began.

The lands grow steeper, and the woods begin.

Типы 1 и 2 конструкций с пропозиционными актантами связаны между собой по смыслу, поэтому существует возможность взаимных переходов:

$$\begin{array}{ccccc} \text{П} + \text{V}_{\text{inf}} & \rightleftarrows & \text{П} + \text{V}_{\text{ing}} & \rightleftarrows & \text{П} + \\ & & & & \text{V}_{\text{noun}} \end{array}$$

Например, предложение *He began his march back* трансформируется в *He began marching back* и *He began to march back*. Возможно также преобразование данного предложения в похожее с придаточным: *He began what may be called his march back*.

Чтобы перевести конструкцию 1 типа в конструкцию 2 типа, потребуется «метод пассивизации». Исходное предложение может иметь вид пассивного:

His march back was begun.

но такая трансформация с фазовыми глаголами используется очень редко, поскольку по своей природе они эргативны и способны выступать в предложении в активной конструкции, хотя смысл высказывания может носить пассивный характер. Поэтому предложение *His march back began* более употребимо, возможно, еще и по причине того, что является менее громоздким морфологически в сравнении с синонимичной пассивной конструкцией.

Простые фазовые глаголы с основным семным значением фазы (*to begin, to commence, to start, to continue, to cease, to end, to finish, to stop*) употребляются всегда в действительном залоге.

The war has begun.

The news broadcast ended.

Литература

1. Бондарко А.В. Проблемы грамматической семантики в русской аспектологии /А.В.Бондарко. – СПб.: 1996. – 219 с.

2. Бондарко А.В. Функциональная грамматика / А.В.Бондарко. – Л., 1984. – 135 с.
3. Грамматика современного русского литературного языка. – М.: Изд-во АН СССР, 1970. – 767 с.
4. Ломов А.М. К функционально-семантической характеристике акциональных модификаторов глагола / А.М. Ломов // Вопросы семантики. – Калининград, 1983. – С. 109-116
5. Маслов Ю.С. Очерки по аспектологии / Ю.С. Маслов. – Л., 1984. – 263 с.
6. Распопов И.П., Ломов А.М. Основы русской грамматики / И.П.Распопов, А.М.Ломов. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1984. – 352 с.

Propositional Structures with Phasal Verbs

S. Turovskaya

Nowadays linguistics studies the world through languages, thus it comes clear why the major attention of linguists is paid to the notion of a verb, its specifics and hence combinability.

Phasal verbs being ergative by nature and when transitively used need their object due to their combinability so as to fill in the missing space left in their meaning: *start a book/ a letter; continue a search; finish a project* and etc.

The sentence main element is located in the predicate that gives an account on 'a future action going to happen'. As seen, looking into the nature of a sentence we can not do without such notions as *a situation* and *a functor*.

Phasal functors like any other tend to form propositional structures that naturally consist of a functor predicate/ a grammaticalized verb and a propositional predicate in the form of a semantically meaningful expression.

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет

УДК 811.161.1`367.625

В.А. Шкунников

ДИСТРИБУТИВНАЯ МНОЖЕСТВЕННОСТЬ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

В статье анализируется один из вариантов глагольной множественности в русском и английском языках – дистрибутивная плюральность. От других описаний статья отличается тем, что в ней суммируются различные точки зрения на природу дистрибутивности и на обширном фактическом материале определяются инвариантные и вариативные характеристики данного явления; раскрывается механизм воспроизведения дистрибутивной семантики и сопутствующих ей значений в сопоставляемых языках.

Среди русских глаголов с семей множественного распределения действия едва ли не самыми многочисленными являются глаголы так называемого дистрибутивного способа действия. Указанные глаголы обладают тем общим свойством, что, так или иначе, предполагают распространение обозначаемых ими действий на некоторую заранее заданную сумму (множество) предметов. В результате этого процесса исходное множество осваивается

действием без остатка, причём соответствующие предметы чаще всего не претерпевают существенных изменений, как в

случаях: *перецеловать иконы, пережениться (сыновья переженились), перебить дичь, перекупать детей* и т.д.

Определяя специфику дистрибутивной множественности в русском языке, аспектологи сходятся на том, что соответствующие глаголы

(*побросать, переболеть, облазить* и т.д.) обозначают действие, распределяемое между некоторым множеством объектов или субъектов. Однако это сходство в общем понимании дистрибутивности не исключает разногласий в трактовке вопросов,

ка _____

___ © Шкунников В.А., 2006

сающихся семантико-функциональной структуры дистрибутивности и механизма её реализации.

При характеристике вариантов дистрибутивного значения в аспектологии обычно оперируют двумя основными признаками – признаком множественности (в иной терминологии – суммарности), и признаком последовательной распределённости, однако роль и характер данных признаков понимают по-разному.

Так, раскрывая содержание признака множественности, одни исследователи склонны видеть в нём конститутивный компонент дистрибутивности, обязательный для всех без исключения случаев, поскольку дистрибутивные глаголы «обозначают действие, представленное как совокупность ряда актов, распространяющихся на ряд объектов или исходящих от ряда субъектов» [1].

Между тем, другие аспектологи, расширительно трактующие само понятие дистрибутивности, отводят ему значительно более скромную роль, рассматривая сам факт распространения действия на множество предметов, как явление факультативное, действительное лишь для определённой части дистрибутивных употреблений [8]. Аналогичным образом обстоит дело и с признаком последовательной распределённости, который характеризуется авторами с двух различных точек зрения. Э.Секанинова, представляющая первую из них, считает, что инвариантное значение дистрибутивного способа действия проявляется в указании на «распределённость глагольного действия, которое охватывает постепенно объект или исчерпывает субъект в его множестве или полностью» [10]. Близкое к этому суждение высказывает М. А. Шелякин, усматривающий в признаке последовательной распределённости примарный компонент дистрибутивного действия [9].

Противоположную точку зрения развивает А.В. Бондарко. Он не признаёт за данным признаком статуса облигаторного, подчёркивая, что речь должна идти всего лишь о дополнительном оттенке значения дистрибутивности [1].

Для того чтобы найти выход из создавшихся интерпретационных затруднений, необходимо произвести корректировку соответствующих значений с учётом особенностей их реализации в конкретных речевых условиях. Так, в частности, анализ речевого материала показывает, что дистрибутивы во всех без исключения случаях предполагают освоение множественным действием каждого отдельно взятого элемента множества предметов или составляющих некоторой массы вещества: *посрывать (рыбу с крючков)*, *посдавать (все экзамены)*, *повынести (транспаранты на улицу)*, *перепеть (все, многие песни)*, *облазить (все, многие помещения корабля)*, *перобрать (картофель)* и т.д.

Сходным образом нуждается в дифференциации и понятие последовательной распределённости. Факты языка свидетельствуют о том, что признак последовательной распределённости является признаком, содержание которого раскрывается на интерпретационной основе. Это означает, что он оказывается достаточно отчётливым, когда мы, анализируя реальное действие, можем с полной определённостью сказать, осуществлялось действие поочередно или же оно было реализовано как бы одним нераздельным актом. Например, если речь идёт о некотором множестве белья, мы знаем, что сделать его чистым можно лишь посредством ряда актов, которые охватывают каждый элемент множества (*перестирать бельё*). В других случаях признак последовательной распределённости (очерёдности) оказывается выраженным неярко, и нам нужна очень сильная поддержка контекста для того, чтобы стало ясно, как осуществлялось действие (ср. *солдаты один за другим попадали на землю и солдаты, как по команде, сразу же попадали на землю*). Необходимо к тому же учитывать, что признак очерёдности даёт о себе знать не только в сфере дистрибутивных глаголов, но и в ряде других глаголов со значение множественности (например, *наколоть дров*). Отсюда с необходимостью следует, что рассматриваемый признак, трактуемый отдельными исследователями в качестве основного (или одного из основных при-

знаков дистрибутивности), в действительности представляет собой лишь частную, вариативную принадлежность семантики некоторых дистрибутивных глаголов.

Как уже отмечалось, реализация дистрибутивно-суммарного значения обыкновенно предполагает направленность глагольного действия либо на объектную, либо на субъектную множественность. Чаще всего такое различие в «синтаксической интенции» действия совпадает с подразделением глаголов на переходные и непереходные. Однако это лишь полярные точки. Отмечаются промежуточные случаи, когда количественная соотносённость в сфере дистрибутивного действия оказывается нарушенной, как в примерах: *Они (все, многие) пересмотрели фильм; Весь класс перечитал книгу; Они (все, многие) переболели гриппом.* Нельзя не заметить, что в сочетаниях такого рода распределительный признак оказывается как бы переориентированным на множественный показатель субъекта, тогда как объект в количественном отношении может быть никак не охарактеризован. Отступление от стандарта в подобных случаях обуславливается семантическими особенностями отдельной части дистрибутивно-суммарных глаголов, которые в определённых условиях употребления допускают своеобразную конкуренцию дистрибутивного и реформативного значений (ср.: *он перечитал книгу – они перечитали книгу*). Если в первом сочетании глагол отчётливо сигнализирует значение реформативности (т.е. совершенно ясно, что книга прочитана ещё раз), то во втором передаваемое значение может быть осмыслено и как реформативное и как дистрибутивно-суммарное одновременно (*они все, многие по очереди прочитали эту книгу ещё раз*). Допустимость такой двойственной интерпретации передаваемого значения свидетельствует о существовании в языке особого дистрибутивно признака, проявляющегося на реформативной основе. При этом следует иметь в виду, что одним из факторов, в той или иной степени влияющих на актуализацию дистрибутивного признака, является элемент категориальной семантики,

репрезентируемый флективным показателем множественности.

Реализация дистрибутивного значения зависит от взаимодействия двух равноправных в функциональном отношении элементов глагольного слова – специализированной приставки и базисной основы. При этом в одном случае базисная основа может быть простой, бесприставочной (*перепортить, обстирать, полопаться, покидать*), а в другом случае префигированной (*по-вывезти, по-изловить, по-навыписывать, по-израсходовать, по-искалечить, по-нахлынуть*). Процесс взаимодействия приставки и базисного (мотивирующего) глагола состоит в том, что мотивирующий глагол раскрывает понятийную основу нового действия (т.е. сообщает о том, что оно собой представляет), а приставка привносит в семантическую структуру производящего глагола дистрибутивное значение извне. В соответствии с этим глагол, обозначающий дистрибутивное действие, может включаться в два ряда противопоставлений. По распределительному признаку он последовательно соотносится с другими дистрибутивными глаголами, имеющими ту же самую приставку: *переколоть (перехватать, перерезать, пересовать, перекидать, перегнать* и т.д.) По понятийному признаку он коррелирует (правда, нерегулярно) с распределительными глаголами, образованными на базе одной и той же основы, но вступающей в словообразовательные отношения с различными специализированными префиксами. Ср.: *перебрать (обобрать, побрать); перебросать (побросать)*

Указанный процесс взаимодействия регулируется со стороны каждого из двух составляющих. Регулирование со стороны базисного (производящего) глагола обнаруживает себя в том, что базисный глагол в силу своих содержательных особенностей в одних случаях разрешает, а в других, наоборот, запрещает словообразовательный контакт с той или иной приставкой. Так, неопредельные глаголы *спать, лежать, плыть* не могут быть охарактеризованы по распределительному признаку, по причине несовместимости их семантики с семантикой дистрибутивности.

В свою очередь, регулирующая способность приставки проявляется в том, что она в случае многозначности производящей основы как бы отбирает тот или иной лексико-семантический вариант глагольного слова, «пригодный» для реализации соответствующего значения. Так, например, среди лексико-семантических вариантов глагола *стрелять*, отмеченных в БАС (БАС 1963, т.14, с. 1035): 1) Производить выстрелы; 2) Убивать из огнестрельного оружия; 3) Болеть (о колющей боли); 3) Достать, добыть, прося у кого-нибудь; дистрибутивный признак *пере-* избирает лишь второе (ср. *перестрелять* всех уток).

Общее для русского и английского языков понятие дистрибутивности, принимаемое в настоящей статье, не исключает различий частного порядка. Так, английский глагол, взятый в изолированном виде, т.е. без контекстного сопровождения, не в состоянии выразить дистрибутивное значение: реализация дистрибутивной семантики здесь целиком и полностью осуществляется за счёт специализированного контекста. По этой причине английский глагол оказывается не только не в состоянии выразить признак **суммарности**, но и **никак не реализует признак последовательной** распределённости, отчётливо представленный в семантической структуре многих русских дистрибутивов. Как и в русском языке, специализированный английский контекст дифференцирует результат соответствующих действий по двум функционально равнозначным эле-

ментам значения: признаку дистрибутивной множественности (суммарности) и признаку последовательной распределённости. Ср. *one by one, one after another, all, etc.*

Нередко в содержательной структуре дистрибутивов, образованных с помощью приставки *пере-*, совмещаются признаки последовательной распределённости и реформативности. При переводе таких глаголов на английский язык обыкновенно передаётся значение реформативности, формально представленное в английском языке префиксом *re-*. Ср.: *re-read, re-write, etc.* Что касается признака последовательной распределённости, то в случаях типа *read all the newspapers, darn all the stockings* данный признак, как нетрудно заметить, никак не репрезентируется и обыкновенно домысливается участниками коммуникации. Отмечаемое обстоятельство в полной мере отвечает так называемому интерпретационному способу количественной характеристики глагольного действия, когда значения последовательной распределённости и разовости разграничиваются лишь с помощью знания соответствующей ситуации. Высокая степень участия контекста в выражении дистрибутивно-суммарной семантики в английском языке подкрепляется повышением роли грамматических средств, акцентирующих внимание либо на достигнутой степени действия, либо на его длительности и/или развитии во времени.

Литература

1. Бондарко А.В. Функциональная грамматика / А.В.Бондарко. – Л., 1984. – 135 с.
2. Гловинская М.Я. Многозначность и синонимия в видовременной системе русского глагола / М.Я. Гловинская. – М., 2001. – 319 с.
3. Грамматика современного русского литературного языка. – М.: Изд-во АН СССР, 1970. – 767 с.
4. Зализняк А.А., Шмелёв А.Д. Введение в русскую аспектологию / А.А.Зализняк, А.Д.Шмелев. – М., 2000. – 221 с.
5. Ломов А.М. К функционально-семантической характеристике акциональных модификаторов глагола / А.М. Ломов // Вопросы семантики. – Калининград, 1983. – С. 109-116
6. Маслов Ю.С. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке (значение и употребление) / Ю.С. Маслов // Вопросы грамматики болгарского литературного языка. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – С. 157-312.
7. Словарь русского языка : В 4 т. – 2-е изд. – М. : 1981-84.

8. Хартунг Ю. Дистрибутивный и суммарно-дистрибутивный способы глагольного действия в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю. Хартунг – Ростов-н/Д. : 1979. – 24 с.
9. Шелякин М.А. Дистрибутивно-суммарный способ действия русского глагола / М.А. Шелякин // Учёные записки Тартуского ун-та. Труды по русской и славянской филологии. № 33. – Тартуский ун-т. – 1983. – Вып. 524. – С. 43-53.
10. Sekaninova E. Konfrontacia vyznamov predpon pere-a po- v rustine a pre- a po- v slovestine. Rustinar, 1974, с.3, s. 65-68.

The distributive plurality in russian and english

V. A. Shkunnikov

The article analyzes distributive plurality – one of the variants of verbal quantity in the Russian and English languages. It differs from other descriptions since it contains different standpoints on the nature of distributive plurality and on extensive language material determines invariant and variant characteristics of such a phenomenon: reveals the mechanism of reproduction of distributive semantic and concomitant meanings in comparable languages.

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет

КОНЦЕПТОЛОГИЯ

УДК 802/809:378.6.022

М.Ф. Панкина

МОДЕЛИРОВАНИЕ КАК МЕТОД ПОЗНАНИЯ В ЛИНГВИСТИКЕ

Данная статья посвящена исследованию одному из методов познания в лингвистике - моделированию. Модель используется как средство изучения состояния и динамики оригинала. Исследователи, разрабатывающие проблемы концептуализации знаний, пытаются представить концепт как пространственную динамическую модель, отображающую структуру смысла в сознании индивида.

Важным исследовательским приемом в лингвистике выступает моделирование. Большое познавательное значение этого метода практически доказано. Современные работы по языковому моделированию утрачивают всякий смысл без учета результатов исследований по когнитивной лингвистике. В современной науке, в том числе и в языкознании, - пишет Д.А.Штелинг (Штелинг 1996), широко используется метод моделирования как абстрактного представления системы. Термины “модель”, “ментальная модель” получили широкое распространение в когнитивных исследованиях (Johnson-Laird; Aitchinson). При этом наблюдаются значительные расхождения в трактовке этого приема различными авторами. Д.А.Штелинг считает, что модели являются средством интерпретации содержания теоретического знания, а следовательно, и его развития. Д.А.Штелинг исходит из следующих определений системы, структуры, модели. Система – это целостное образование, объект, состоящий из элементов, находящихся во взаимных отношениях. Структура – внутреннее построение системы.

Важным исследовательским приемом в лингвистике выступает моделирование. Большое познавательное значение этого метода практически доказано. Современные работы по языковому моделированию утрачивают всякий смысл без учета результатов исследований по когнитивной лингвистике. В современной науке, в том числе и в языкознании, - пишет Д.А.Штелинг (Штелинг 1996), широко используется метод моделирования как абстрактного представления системы. Термины “модель”,

“ментальная модель” получили широкое распространение в когнитивных исследованиях (Johnson-Laird; Aitchinson). При этом наблюдаются значительные расхождения в трактовке этого приема различными авторами. Д.А.Штелинг считает, что модели являются средством интерпретации содержания теоретического знания, а следовательно, и его развития. Д.А.Штелинг исходит из следующих определений системы, структуры, модели. Система – это целостное образование, объект, состоящий из элементов, находящихся во взаимных отношениях. Структура – внутреннее построение системы, сеть отношений между элементами системы. Модель – система некоторых объектов, структура или поведение которой соответственно воспроизводит структуру или функции другой системы объектов (оригинала модели). Модель используется как средство изучения состояния и динамики оригинала и никогда не претендует на полное описание оригинала, она имеет обобщенный характер, что дает возможность по-разному ее интерпретировать. Понятие “когнитивная модель” трактуется неоднозначно. Выделяют три основных понимания этого термина:

1) когнитивная модель как представление внутренней организации семантики языковой единицы, КМ слова, КМ фразеологизма (Баранов, Добровольский).

2) когнитивная модель как описание динамических процессов, например, КМ дискурса, КМ понимания текста, КМ формирования текста (Дейк Т.ван).

© Панкина М.Ф., 2006

3) когнитивная модель как синоним понятия “общая теория”; в этом смысле обычно говорят о когнитивной модели языка. Т. ван Дейк рассматривает когнитивные ситуационные модели; Дж.Лакофф – идеализированные когнитивные модели (Lakoff). Для описания процесса категоризации Дж.Лакофф предлагает использовать модели четырех типов: пропозициональные модели, схематические модели образов, метафорические и метонимические модели (Лакофф).

Но при всем разнообразии трактовок когнитивные модели рассматриваются как основной когнитивный механизм, обеспечивающий организацию и хранение информации в памяти человека.

Центральным объектом исследования когнитивной лингвистики являются концепты, содержательные единицы памяти, всей картины мира, отраженной в сознании человека и его психике.

Представители когнитивной лингвистики считают, что каждый язык представляет определенную систему концептов, посредством которой носители языка воспринимают, структурируют, классифицируют и интерпретируют поток информации, поступающей из окружающего мира. Категоризация позволяет группировать объекты, имеющие определенные сходства, в соответствующие классы. Концепты как организующие центры в представлении знаний позволяют нашему сознанию группировать объекты реального мира и других возможных миров в определенные мыслительные структуры – категории.

“Когнитивный взгляд на природу естественного языка заставляет признать не только сам факт ментальной репрезентации мира в сознании человека, но и факт упорядоченности этой репрезентации, наличия в ней организующих принципов в представлении знаний и их существования в форме концептов, содержательных единиц сознания” (4, с.164-165.)

В результате познания окружающего мира у человека формируются общие понятия, которые затем объединяются в систему знаний о мире. Эта система состоит из концептов разного уровня сложности и абстракции, сформированных различными

способами. Факторами, определяющими формирование концепта, являются: 1) чувственный опыт, то есть восприятия органов чувств; 2) предметная деятельность человека; 3) мыслительная деятельность, порождающая возникновение новых концептов на основе уже имеющихся; 4) языковая деятельность обучающей направленности (толкование и объяснение понятий), самообразовательная деятельность (“выведение” новых концептов при обращении к словарным дефинициям незнакомых слов) (7, с.4). Концепты представляют собой те идеальные, абстрактные единицы, смыслы, которыми человек оперирует в процессе мышления. Они отражают содержание полученных знаний, опыта, результатов всей деятельности человека и результаты познания им окружающего мира в виде определенных единиц “квантов” знания. Человек мыслит концептами. Анализируя, сравнивая и соединяя разные концепты в процессе мыслительной деятельности, он формирует новые концепты как результат мышления.

Сам термин «концепт» трактуется лингвистами по-разному. Так, одни ученые под концептом понимают некоторые подстановки значений, «заместители» множества предметов, облегчающие общение и тесно связанные с человеком и его национальным, культурным, профессиональным, возрастным и прочим опытом (1). Другие лингвисты не считают концепт вариантом отражения значения и относят его к первичному культурному социопсихическому образованию в коллективном сознании, опредмеченному в той или иной языковой форме (6). По Вежбицкой, концепт – это объект из мира «Идеальное», имеющий имя и отражающий определенные культурно-обусловленные представления человека о мире «Действительность» (13, 97).

Различие в понимании термина «концепт» говорит о многомерности и многоплановости его содержания.

Для когнитивной семантики “главной целью является описание структуры концепта, наличие которого лежит в основе и объясняет название вещей и объектов закрепленными за ними в лексической системе языка именами, описание идеи, а не просто чувственного образа типичного

представителя вида объектов, иными словами, описание прототипа" (там же, с.19). Иными словами концепт – это идея в образе. Концепт как результат ментального отражения услышанного, увиденного, осязаемого, образуется, рождается, а затем развивается, расширяется, обзаводится мыслительными связями, превращаясь из чувственного образа в собственно мыслительный образ.

Сложность описания структуры концепта обусловлена непредсказуемостью ощущений, чувственного опыта, эмоциональности восприятия. Невозможно проконтролировать процесс ментального отражения.

Хотя исследование структуры концепта как мыслительной единицы не входит в задачи когнитивной лингвистики, исследователи, разрабатывающие проблемы концептуализации знаний, считают, что концепт имеет вполне определенную структуру и пытаются представить концепт как пространственную динамическую модель, отображающую структуру смысла в сознании индивида.

Известный психолог Л.С. Выготский сравнивал мысль «с нависшим облаком, которое проливается дождем слов» (3, с.378).

З.Д.Попова и И.А.Стернин так же сравнивают метафорическую модель концепта с облаком. Концепт рождается как единица УПК, которая и остается его ядром. Ядро постепенно окутывается, обволакивается слоями концептуальных признаков, что увеличивает его объем и насыщает его содержание. Внутри концепта перетекают и переливаются концептуальные признаки. У концепта нет четкой структуры, жесткой последовательности слоев, их взаиморасположение индивидуально и зависит от условий формирования концепта у каждой личности. (9, с.61);

Н.Н.Болдырев представляет структуру концепта в виде катящегося снежного кома, «который постепенно обволакивается новыми слоями. Так и содержание концепта постепенно насыщается, а его объем увеличивается за счет новых концептуальных характеристик» (2, с.30).

И.А.Стернин представляет концепт как некий плод, косточка которого – чув-

ственный образ, ядро, обрастающее мякотью – концептуальными признаками. Любой концепт имеет базовый слой, который всегда представляет собой определенный чувственный образ, являющейся единицей универсального предметного кода, при помощи которого данный концепт кодируется для мыслительных операций. В сложных концептах дополнительные когнитивные признаки наслаиваются на базовый слой и образуют «мякоть плода». Под базовым слоем концепта И.А.Стернин понимает чувственный образ, кодирующий концепт как мыслительную единицу в УПК, плюс некоторые дополнительные концептуальные признаки. Базовый когнитивный слой дополняется когнитивными слоями, которые отражают развитие концепта, его отношение с другими концептами. Когнитивные слои образуются концептуальными признаками. Совокупность базового слоя и дополнительных когнитивных признаков и когнитивных слоев составляют объем концепта и определяют его структуру (12, с.58-65).

Сложную структурированность концепта отмечают многие исследователи. Ю.С.Степанов считает, концепт имеет сложную структуру: «С одной стороны, к ней принадлежит все, что принадлежит строению понятия...; с другой стороны, в структуру концепта входит все, что делает его фактом культуры, исходная форма (этимология); ...современные ассоциации; оценки» (10, с.41).

По мнению Ю.С.Степанова, концепт имеет структуру, состоящую из трех слоев: 1) основного слоя, который автор называет основным, актуальным признаком; 2) одного или нескольких дополнительных признаков, являющихся уже не актуальными; 3) внутренней формы (11).

З.Д.Попова и И.А.Стернин предлагают полевою модель структуры концепта. Подобно полевой модели значения слова (архисема в ядре, дифференциальные семы на ближней периферии, скрытые семы на дальней периферии), можно предположить, что и концепт имеет многокомпонентную и многослойную структуру, которая может быть выявлена через анализ языковых средств ее репрезентации. (9).

Полевое описание концепт получает в терминах ядра и периферии. К ядру относятся слои с наибольшей чувственно-наглядной конкретностью, первичные, наиболее яркие образы; более абстрактные слои составляют периферию концепта. Периферийный статус того или иного концептуального признака вовсе не свидетельствует о его малозначности в поле концепта, статус признака указывает на степень его удаленности от ядра по признаку конкретности и наглядности образного представления.

Возникнув как чувственный образ, концепт в процессе своего формирования приобретает новые признаки, называемые концептуальными и включающие всю коммуникативно значимую информацию о предмете, лежащем в основе формирования концепта. Исследователи акцентируют внимание на диффузности, дискретности этих ментальных образований.

Интерпретация смыслов концепта все время поддается дальнейшему уточнению и модификациям, концепты представляют собой не анализируемые сущности только в начале своего появления, но затем, оказываясь частью системы, попадают под влияние других концептов, развиваются и проясняются. Число концептов и объем их содержания постоянно изменяются.

Мы согласны с определением концепта, которое предлагают З.Д. Попова, И.А.Стернин: “Концепт понимается как глобальная мыслительная единица, представляющая собой квант **структурированного** знания” (8, с.4). Содержание концепта включает сведения об объектах и их свойствах, о том, что человек знает, думает,

предполагает, воображает об объектах мира.

Концепт обладает нежесткой структурой и складывается из концептуальных признаков различной степени абстрактности – от ядерных до периферийных. Обмен концептами в коммуникативных актах осуществляется с помощью лексических средств языка. Поэтому раскрытие содержания концепта наиболее эффективно осуществляется путем анализа структуры значения слова, представленного на формальном уровне лексемой, а на содержательном уровне семемой. Многослойность концепта отражается в множественности семем, концептуальные признаки, характеризующие концепт, “оседают” в семантических признаках, семах.

Сложность и многослойность концепта отмечают все лингвисты. Представить концепт как структуру (подобно лексико-семантической, грамматической, фонологической), по-видимому, невозможно, так как он находится в состоянии перманентного структурирования. Несмотря на это попытки сконструировать модель концепта будут продолжаться, так как это позволяет представить его внутреннюю организацию, т.е. системные отношения среди его элементов. Но нужно иметь в виду, что любая модель – это всегда упрощение. Поэтому любая модель концепта будет иметь обобщенный характер и будет являться только лишь его интерпретацией. Но так как модель концепта используется только лишь как средство изучения состояния и динамики его развития на современном этапе, то она не может претендовать на полное его описание.

Литература

- 1.Аскольдов С.А. Концепт и слово / Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. – М., 1980.
- 2.Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. – Тамбов: Изд-во Тамб.ун-та, 2001.
- 3.Выготский Л.С. Избранные психологические исследования. – М., 1956.
- 4.Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. - М.,1997.
- 5.Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка //Изв.РАН.Сер.лит. и яз.,1993, т.52, №1.-с.3-9.
- 6.Ляпин С.Х. Концептология: к становлению подхода / Концепты. Вып.1. – Архангельск, 1997. - С. 11-35.
- 7.Попова, Стернин. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. – Воронеж: Изд-во

Воронежск.ун-та, 2000.

8.Попова, Стернин. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. – Воронеж: Изд-во Воронежск.ун-та, 1999. .

9.Попова З.Д., Стернин И.А.. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж: Изд-во «ИСТОКИ», 2001.

10.Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры., М., 2001.

11.Степанов. Константы. Словарь русской культуры: Опыт исследования – М.,1997.

12.Стернин И.А. Методика исследования структуры концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: научное издание.- Воронеж,2001. - С.58-65.

13.Wierzbicka A. Lexicography and conceptual analysis. – Ann Arbor 1985.

Modelling as a theory of knowledge in linguistics.

M. Pankina

This article is devoted to a modelling as one of the cognitions method. This model is used to study a literary original, its state, and dynamics. Many phylogologists think that a concept is a spatial and dynamic model expressed the meaning.

Воронежский филиал Московского гуманитарно экономического института

УДК 802/809:378.6.022

Л.В. Ковалева

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ ФРАЗЕОЛОГИЗАЦИИ КАК ОТРАЖЕНИЕ КОГНИТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (на материале немецких фразеосочетаний с лексемами, обозначающими предметы быта)

В статье рассматриваются семантические процессы, протекающие в ходе развития фразеологического значения у свободных сочетаний лексем. Эти процессы основаны на когнитивной обработке полученных знаний в результате когнитивных процессов осмысления, концептуализации и метафоризации ментальных образов и ситуаций.

Концепт, образованный в результате когнитивной деятельности человека, вербализуется и становится частью семантического пространства языка, получив для своего выражения систему языковых знаков. Язык может репрезентировать всю информацию, полученную человеком, и накопленный опыт социума. В этом заключается одна из функций языка. Л. Ельмслев писал о языке: “Язык - инструмент, посредством которого человек формирует мысль и чувство, настроение, желание, волю и деятельность, посредством которого человек влияет на других людей... Язык... глубоко связан с человеческим разумом. Это богатство памяти, унаследованное личностью и племенем, бодрствующее со-

знание, которого напоминает и предостерегает...” [Ельмслев, 1999:138].

Многообразие типов концептов, их структуры и содержания предполагает и многообразие видов и способов их репрезентации в системе языка, таких, как слова, словосочетания и предложения. Представленные в этих единицах концепты мы будем называть соответственно лексическими, фразеологическими и синтаксическими концептами.

Центральной единицей системы языка является слово. Оно непосредственно связано с концептом, способно отражать определенные участки (признаки) концепта.

© Ковалева Л.В., 2006

“Слово является средством доступа к концептуальному знанию, и, получив через слово этот доступ., мы можем подключить к мыслительной деятельности и другие концептуальные признаки, данным словом непосредственно не названные.... Слово, таким образом, как и любая номинация - это ключ, “открывающий” для человека концепт как единицу мыслительной деятельности и делающий возможным воспользоваться им в мыслительной деятельности” [Попова, Стернин, 2001: 38]. На более высоком уровне абстрагирования концепты можно обозначать сочетанием слов, - по терминологии, разработанной М.М.Копыленко и З.Д.Поповой [1972], сочетанием лексем (фразеосочетанием), а также синтаксическими конструкциями (структурными схемами).

Вопрос о выражении концептов синтаксическими конструкциями в настоящее время является дискуссионным. Однако все больше лингвистов соглашаются с тем, что синтаксические построения имеют знаковую природу и свои означаемые.

Л.Н.Чумак, говоря о семантической сочетаемости, утверждает, что она определяется “теми отношениями, которые существуют в реальной действительности между обозначаемыми процессами и предметами. Ее можно определить как понятийную сочетаемость, т.е. сочетаемость понятий, имеющую универсальный во всех языках характер” [Чумак, 2000 : 63].

Г.А.Волохина и З.Д.Попова считают, что отношения между предметами окружающей действительности человек наблюдает и осмысливает в виде суждений. Знаки разных способов и видов отношений между предметами, которые устанавливают люди в результате мышления, есть структурные схемы простого предложения. “Именно виды отношений, осмысленные и классифицированные человеком, и являются синтаксическими концептами” [Волохина, Попова, 1999 : 5]. “Набор синтаксических концептов входит в семантическое пространство языка. Без синтаксических концептов семантическое пространство языка существовать не может, ибо знание набора концептов без знания видов отношений между

ними лишает такое пространство жизни и движения” [Попова, Стернин, 2001: 57].

Итак, концепт - комплексная единица мыслительного поля человека, имеющая определенную структуру: базовый уровень (чувственно-наглядный образ) и наслаивающиеся на него когнитивные слои, имеющие разный уровень абстракции. Деятельность человека связана с постоянным восприятием разного рода информации, поступающей в мыслительное поле человека, где формируются различные типы концептов в зависимости от поступившего информационного сигнала. Как отмечают А.Н. Леонтьев и А.Р.Лурия, в мозгу человека происходит отражение свойств воспринимаемого предмета, выделение его главных признаков и включение их в соответствующие категории.

Таким образом, происходит постоянное движение мысли, идут процессы осмысления и переработки информации и появления новых концептов, отражающих полученные из внешнего мира знания. В.А.Пищальникова отмечает, что “каждый концепт обладает определенным смысловым пространством (полем), которое в силу непрерывности формирования концепта и концептуальной системы в целом тоже находится в процессе постоянного структурирования” [Пищальникова, 1992 : 39].

Отсюда следует, что когнитивные процессы, находящиеся в постоянном движении, подчинены определенным психическим законам: особенностям восприятия (зрительное, слуховое и т.д.), ассоциациям по сходству и смежности, абстрагированию, являющемуся высшим психическим процессом, обобщенного и опосредованного отражения действительности в ходе анализа и синтеза, в котором участвуют разные когнитивные механизмы мозга.

Наглядно-чувственные когнитивные процессы, одним из которых является восприятие, фиксируют образ предмета, вычленив отдельные, наиболее существенные его признаки и свойства или явления, и сохраняют полученный образ. На этом уровне когнитивных процессов путем перцепции происходит формирование целостного образа. Процесс восприятия и заканчивается вычлениванием большого диапа-

зона признаков предмета, и при помощи чувствительной избирательности (эмпирически предметного содержания образа и чувственного отношения к нему).

Можно отметить, что формирование наглядно-чувственного образа является когнитивным процессом, заключающемся в осознании конкретного предмета окружающей действительности путем создания информационного образа этого предмета на чувственном уровне познания, полученного при помощи органов чувств.

А.А.Потебня считал, что “чувственный образ, исходная форма мысли, вместе и субъективен, потому что есть результат нам исключительно принадлежащей деятельности и в каждой душе слагается иначе, и объективен, потому что появляется при таких, а не других внешних побуждениях и проецируется душой” [Потебня, 1989 : 172].

Обычно образы связывают с мыслительными картинками или схемами (термин впервые введен И.Кантом и использовался зарубежными исследователями). “Внутренняя модель мира должна быть построена из единиц. Мы называем эти единицы схемами. Каждая схема приблизительно соответствует определенной области, которая может быть предметом в обычном смысле, деталью предмета, которая достойна внимания” [Arbib, 1985 : 28].

Наглядно-чувственный образ, служащий базисным основанием концепта, присутствует в прямом номинативном значении слова, которое является основой вербализации концепта.

Чувственно-наглядное мышление может фиксировать не только отдельные образы и их свойства, но, стремясь к абстракции, способно генерализовывать признаки и объединять их в более крупные классы, в результате воспринимать как обобщенные образы, так и целые ситуации.

В.Г.Гак рассматривает ситуацию как объективную действительность, присутствующую в сознании говорящего и определяет термин “ситуация” как “отрезок, часть отражаемой в языке действительности, т.е. движущейся материи. В объективной реальности человеческое сознание выделяет, прежде всего, ... материальные объ-

екты-субстанции. Ситуация образуется в результате координации материальных объектов” [Гак, 1973 : 359].

Л.С. Выготский полагал, что мысль состоит не только из отдельных образов, но и из целых отрезков действительности. Он писал: “Если я хочу передать мысль, что я видел сегодня, как мальчик в синей блузе и босиком бежал по улице, я не вижу отдельно мальчика, отдельно блузу, отдельно то, что она синяя, отдельно то, что он без башмаков, отдельно то, что он бежит. Я вижу это вместе, в едином акте мысли, но я расчленяю это в речи на отдельные слова. Мысль всегда представляет собой нечто целое, значительно большее по своему протяжению и объему, чем отдельное слово” [Выготский, 1934 : 313]. Реальную ситуацию человек представляет в динамике, в движении к мысли, к абстракции. “Динамика реальной ситуации, превратившись в текучую динамику мысли, стала обнаруживать новые свойства, новые возможности движения.” Л.С.Выготский считает, что движение от актуальной ситуации к мысли сложно, но еще сложнее превратить ее в слово.

Таким образом, денотативная ситуация - это определенная целостность отражаемого фрагмента действительности, объединенного набором признаков обобщенного характера с выделением центральных, существенных и случайных, периферических.

Способом вербализации денотативной ситуации, являющейся составной частью базового (чувственного) уровня концепта, является сочетание лексем, несущих денотативные семемы. Это так называемое свободное сочетание лексем, представляющее собой основу, прототип будущего устойчивого фразеосочетания.

В результате когнитивных процессов происходит метафоризация, осмысление, структурирование не только отдельных образов, но и целых ситуаций. Это влечет за собой новое видение ситуации, она осмысливается, начинает видеться и пониматься иначе. Признаки, свойства, входящие в первоначальное понимание ситуации, приобретают совершенно иной смысл и иные свойства. В основе процесса переструкту-

рирования лежит аналогия, ассоциация, в результате действия которых происходит переключение с одного признака на другой по сходству и подобию, причем сознание выбирает те признаки, которые важны для него в конкретной ситуации.

В процессе когнитивной обработки знаний появляется новое концептуальное знание (новый концепт). Метафоры - неотъемлемая часть человеческого мышления, они пронизывают всю концептуальную систему.

Предметом нашего исследования являются семантические процессы, протекающие в ходе развития мотивированного фразеологического значения у свободных сочетаний лексем (фразеосочетаний), так как возникающие в процессе фразеологизации ФС изначально всегда мотивированы.

Процесс становления фразеосочетания как переход от Д1Д1 к К1К1 - это формирование коннотативных семем в результате развития денотативных семем.

Денотативная семема обозначает предмет или явление непосредственно через наглядно-чувственный уровень концепта.

Наглядно-чувственное мышление фиксирует не только отдельные образы, вербализованные словом, но и целые ситуации. Способом вербализации денотативных ситуаций является свободное сочетание денотативных семем Д1Д1. Это свободное сочетание лексем, прототип, основа процесса фразеообразования.

Например, Денотативная ситуация, вербализованная словосочетанием “сматывать удочки” (Д1Д1), [в которой глагол “сматывать” имеет значение “круговыми движениями навивать, нашлаивать на что-либо; леску на катушку”, а лексема “удочки” (мн.ч.) означает “гибкая длинная палка, к которой прикреплен лес с крючком”], несет смысл: “окончание рыбной ловли, поскольку рыболлов сматывает удочки, т.е. наматывает на катушку леску с крючком, обычно уходит домой с берега реки.

Проследим развитие денотативной ситуации “сматывать удочки” в коннотативную. Денотативная ситуация “сматывать удочки” несет главный смысл “быстрый уход с реки после окончания рыбной

ловли”. В результате мыслительных процессов, основанных на ассоциативных связях, происходит когнитивный метафорический перенос выделенных мыслительных признаков (окончание рыбной ловли и быстрый уход) на любое другое действие, которое связано с необходимостью окончания и быстрого ухода.

На вербальном уровне этот процесс выглядит следующим образом: Денотативная ситуация, выраженная лексемами Д1Д1, “сматывать удочки” означает “быстро уйти, убежать”. Семема “сматывать” имеет потенциальные семы “быстро” и “легко”, означающие “действие, происходящее в короткий промежуток времени и исполняемое без особого труда”, которые, актуализируясь и абстрагируясь от денотативной ситуации, связанной с рыбной ловлей, расширяют значение до уровня любого быстрого действия, связанного с уходом откуда-нибудь, в результате чего появляется устойчивое словосочетание К1К1, сохранившее мотивировочный признак “быстро” заканчивать и уходить.

Мы видим, что процесс фразеологизации представляет собой абстрагирование от конкретного образа или реальной ситуации Д1Д1 путем метафоризации и перегруппировки сем.

Рассмотрим сказанное выше на примерах образования фразеологического значения у фразеосочетаний немецкого языка, обозначающих предметы быта.

ФС с лексемой “**der Tisch**” (стол).

В состав денотативной семемы 1 лексемы “**der Tisch**”, означающей “предмет мебели в виде широкой горизонтальной пластины на опорах, ножках”, входит потенциальная сема “еда”, связанная с прямым использованием лексемы стола в качестве места для приема пищи. На основе актуализации данной семы возник ряд выражений, включающих в свой состав лексему “**der Tisch**” с переносным значением: “**Einen reich gedeckten Tisch haben**” (букв. иметь богато накрытый стол) - зажиточно жить.

“**Einen guten Tisch fuhren**” (букв. вести изысканный стол) - изысканно готовить.

“Es wurde alltaglich ein guter Tisch bei uns gefuhrt, und mein Vater trank zu jedem Mittag Champagner” (Т.Манн. Bekenntnisse des Hochstaplers Felix Krull).

ФС **“Etwas fällt unter den Tisch”** (букв. что-то падает под стол), где образ упавшего со стола продукта, который уже нельзя съесть, распространяется на любую упавшую вещь, которая считается потерянной. Фразеосочетание несет смысл - что-либо бесследно исчезает, что-либо пропадает впустую.

“Er, bei aller gespielten Verschlafenheit, hatte aufmerksam jede Wirkung beobachtet, wutend wenn der winzigste Teil einer Pointe unter den Tisch fiel”(L.Feuchtwanger. Erfolg).

ФС **“Etwas unter den Tisch fallenlassen”** (букв. оставлять что-либо лежать под столом) - игнорировать, оставлять без внимания. Так же, как и предыдущий, этот фразеологизм связан с денотативной ситуацией, когда предмет, упавший под стол, остается там лежать, никому не нужный.

“Und wenn ich diese Meldung ganz einfach nicht weiterreiche, wenn ich sie sozusagen unter den Tisch fallenlasse - was dann?” - Dann machen Sie sich strafbar” (Н.Кирст. 08/15).

ФС с лексемой **“das Bett”** (кровать).

Семема Д1 лексемы **“das Bett”** означает “предмет мебели для сна - длинная рама с ножками и двумя боковыми спинками, на которые кладут матрас и постельные принадлежности.” С лексемой кровать **“das Bett”** связаны представления о некоторых повседневных явлениях жизни людей. Например, ФЕ **“Ins Bett gehen”** (букв. идти в кровать) - ложиться спать; **“Mit jemandem ins Bett gehen”** (букв. идти в кровать с кем-либо) - переспать с кем-либо.

“Die wollen mit jedem Madchen ins Bett gehen, und dann lassen sie die anschliessend sitzen” (Н.Хорншух. Ich bin 13. Reinbek).

“Ans Bett gefesselt sein” (букв. быть прикованным к кровати) - быть прикованным к постели (о тяжелобольном). Семема Д1 “приковать” выражает значение “прикрепить ковкой, а также, заковав, прикрепить цепью”. При расширении значения данной семемы реализуется сема “неподвижный” (не передвигающийся, остаю-

щийся в одном и том же положении). ФС создает образ лежащего в постели тяжелобольного человека, который не может пошевелиться либо от высокой температуры, либо от какой-либо полученной травмы.

“Das Bett huten” (букв. стеречь кровать) - быть больным, не вставать с постели. Лексема **“huten”** (беречь, стеречь) означает “охранять, следить за сохранностью чего-либо” с потенциальной семой “постоянно наблюдать”. Иронически передается образ человека, постоянно находящегося в постели будучи больным.

“Nach dem sturmischen Besuch Wolf-gans war Fabian eine volle Woche krank. Zwei Tage mußte er sogar das Bett huten” (В.Келлерманн. Totentanz).

“In ein gemachtes Bett gehen” (áóêâ. идти в приготовленную кровать) - жить на всем готовом. Семема Д1 “приготовить” выражает значение “сделать что-либо предварительно для организации чего-нибудь”, при коннотации она создает образ подготовленной кем-либо для сна кровати тому, кто не приложил к созданию своего ночлега ни малейшего труда, и тем самым формирует значение: ничего не делать, жить на всем готовом.

“Von Tisch und Bett geschieden (getrennt) sein” (букв. быть отделенным от стола и кровати) - окончательно разойтись. Денотативная семема “отделить” означает “разъединить, отнять часть от целого”. При развитии переносного значения она выражает идею разделения семьи как единого целого, которое имеет общий стол и кровать.

ФС с лексемой **“der Spiegel”** (зеркало).

“Jemandem den Spiegel vorhaben (vorhalten)” (букв. держать зеркало перед кем-либо) - показать кому-либо его настоящее лицо, указать кому-либо на его недостатки.. Лексема “зеркало”, входящая в состав данного фразеологизма, обозначает по семеме Д1 “стеклянный или металлический предмет с отполированной поверхностью, предназначенный для отражения находящихся перед ним предметов”. Актуализированная сема “отразить” (воспроизвести изображение предмета, возникающее на гладкой и воспринимающей свет поверхно-

сти) подсказывает образ смотрящего в зеркало человека, видящего себя как бы со стороны, перед которым кто-либо держит зеркало. Эта ситуация и служит для создания значения фразеосочетания - указывать на чьи-либо недостатки, показать кому-либо его настоящее лицо.

“Das wird er sich (nicht) hinter den Spiegel stecken” (букв. это он (не) засунет себе за зеркало) - этим он (не) станет дорожить. В данном фразеосочетании реализуется денотативная ситуация, связанная с немецким обычаем класть письма только приятного содержания за зеркало так, чтобы один конец его выступал наружу для быстрого обнаружения письма. На основе этой реалии возникло коннотативное значение: гордиться, дорожить чем-то хорошим, приятным.

“Die Zeitungen waren außer sich über die Plunderungen, besonders über die Art, wie “das Volk” mit den Lebensmitteln umging. “Das sind die Schrecken der Anarchie”, schrieben sie, “den entfesselten Instinkte, solche Szenen sollen sich die Herren Sozialisten hinter den Spiegel stecken, wenn sie ihre heuchlerischen Artikel gegen die bestehende Gesellschaftsordnung schmieren!” (В. Brecht. Dreigroschenroman).

ФС с лексемой **“die Bank”** (лавка).

Лавка, как предмет мебели, издавна использовалась в быту людей. Она служила местом для сидения, на ней стояли предметы обихода, например, ведро воды, принесенной из колодца, посуда и другие вещи, используемые в хозяйстве. Это нашло отражение во многих образных выражениях, имеющих лексему “лавка”.

“Unter der Bank liegen” (áóêâ. лежать под лавкой) - быть заброшенным, оставленным без внимания, без присмотра. Семема Д1 лексемы “лавка” означает “длинная, чаще без стоек, скамья, обычно укрепленная вдоль стены. В данном ФС мы имеем дело с образным переосмыслением бытовой реалии, когда какая-либо вещь, будучи упавшей под лавку, остается там лежать надолго, всеми забытая. На коннотативном уровне образ упавшей под лавку вещи абстрагируется и переносится на любую забытую вещь или какое-либо явление.

“Ja, es hat die Wissenschaft so gar lange Zeit in dem christlichen Europa unter den Bank gelegen” (J. und W. Grimm. Deutsches Wörterbuch).

“Etw. auf die lange Bank schieben” (букв. положить что-либо на длинную лавку) - положить что-либо в долгий ящик, под сукно. В данном выражении денотативная семема “lang”(длинный) означает “имеющий большую длину” с потенциальной семой “протяжение в пространстве”. Подвергаясь переосмыслению, сема “протяжение в пространстве” превращается в коннотативную сему “протяжение во времени” и выражает смысл “длительный”. Потому и фразеосочетание получает значение - отложить что-либо на длительный срок.

“Da Thomas nichts auf die lange Bank schieben wollte, fuhr er nachmittags gleich nach Granitz. Riedl hatte ihm geraten, den Lehrer aufzusuchen, der seinen Fernunterricht leiten wurde, bevor die ganze Gruppe zusammengerufen wurde.”(A. Seghers. Das Vertrauen)

ФС с лексемой **“die Schussel”** (миска)

Лексема “миска” обозначает в статусе Д1 “посуду в форме маленького таза”. ФЕ **“Mit j-m aus einer Schussel essen”** (букв. есть с кем-либо из одной миски) - быть с кем-либо заодно. Развитие коннотативного значения этого фразеологизма объясняется актуализацией семемы “один”, означающей “общий, объединенный”. Образ людей, которые вместе едят из общей миски, ассоциируется с ситуацией любого совместного действия. Отсюда и значение ФС - быть заодно с кем-либо, вместе с кем-либо.

“Vor leeren Schusseln sitzen” (букв. сидеть перед пустыми мисками) - голодать, класть зубы на полку. Здесь имеет место метафорическое употребление семемы “пустой” (ничем не заполненный, полный внутри, лишенный содержимого), что указывает на отсутствие пищи в миске.

“Du kannst hier gar nicht mitreden. Du hast noch nie vor leeren Schusseln gegessen” (Friederich. Moderne deutsche Idiomatik).

“Jemandem in der Schussel liegen” (букв. что-либо находится у кого-либо в миске). Лексема “liegen” (лежать) в Д1 несет значение “находиться на какой-либо

поверхности в неподвижном положении” с потенциальной семой “быть, иметься, пребывать”. Глагол “liegen” в сочетании с лексемой “jemandem” (кому-либо) реализует значение “положить”, то есть “кому-либо сделать так, чтобы находилось”. При актуализации потенциальной семы создается образ какого-либо предмета (продукта), положенного в миску для еды. Фразеосочетание получает значение поддерживать кого-либо, оказывать помощь.

“Dabei habe man drei Kinder durchzufuttern... aber der Matthias, naja, der wenigstens lage ihr nicht mehr auf der Schussel” (F.C.Zauner. Furchte vom Taubenbaum).

ФС с лексемой “**der Topf**” (горшок).

ФЕ “**Alles in einen Topf werfen**” (букв. бросить все в один горшок) - валить все в одну кучу. При вычленении семемы Д1 “горшок”, означающей “округлый глиняный сосуд для приготовления и хранения пищи” и актуализации сем “все” (полный, без изъята, целиком) и “один” (единый, целостный) возникает понятие множества предметов разного порядка, находящихся в одном сосуде, и создается образ беспорядочного нагромождения, что и придает негативный оттенок фразеологизму и создает значение - валить все в одну кучу.

“Sie haben recht, es ist eine Zumutung, anderer Leute Kinder mit diesem Furchtchen Adam in einen Topf zu werfen. Man stellt keine leere Pflaumenmusdose neben eine Schale aus echtem Meissner Porzellan aufs Bufett” (H.Jobst. Der Zogling).

“**In alle Topfe gucken**” (букв. заглядывать во все горшки) - выведывать новости, лезть во все дырки. Лексема “gucken” (заглядывать) имеет денотативную семему “быстро или украдкой посмотреть куда-нибудь, чтобы узнать, выяснить что-нибудь”. Данная семема создает образ любопытного человека, который заглядывает во все горшки, чтобы выведать, что же в них варится. Переосмысляясь, данная семема на коннотативном уровне характеризует человека, который хочет знать все новости, выведывает тайны и вмешивается во все дела.

“**Seine Nase in alle Topfe stecken**” (букв. совать нос во все горшки) - везде со-

вать свой нос, назойливо вмешиваться во что-либо. Лексема “stecken” (всовывать, совать) означает “помещать что-либо куда-нибудь незаметно, небрежно” в сочетании с лексемой “die Nase” (нос) создает образ человека, который сует свой нос во все горшки с целью, что-либо выведать. Метафорически данное фразеосочетание указывает некоторые черты характера человека: любопытство, назойливость, страсть вникать в чужие дела.

“Wer wie du seine Nase in alle Topfe steckt, der weiß doch genau, was hier im Dorf vorgeht” (Duden. Redewendungen).

“**Topf und Deckel**” (букв. горшок и крышка). Функциональное назначение лексем “крышка”, выраженное семемой Д1 (верхняя часть какого-нибудь сосуда или вместилища), закрывать любой сосуд сверху, причем верхняя часть любого сосуда должна всегда соответствовать размеру и форме крышки, то есть эти два предмета должны подходить друг к другу, в противном случае сосуд не будет закрыт. Фразеологическое значение актуализирует потенциальную сему “подобие”, несущую значение “быть похожим друг на друга по своим качествам, свойствам, положению, подходить друг к другу”. Это значение может быть отнесено к любым предметам или явлениям, соответствующим друг другу (русское: два сапога пара).

ФС с лексемой “**die Karre**” (телега).

Телега была важным средством передвижения, поэтому главный признак, который был отмечен во фразеосочетаниях с лексемой “телега” - это движение.

“**Die Karre hat sich festgefahren (verfahren)**” (букв. телега застряла) - дело застопорилось, дело зашло в тупик. Бытовая реалья, связанная с передвижением: кто-либо на телеге что-нибудь везет к месту назначения, и телега вдруг останавливается, застревает в дороге, человек не достигает цели. Лексема “verfahren” (застрять) означает “попасть во что-либо так, что трудно вынуть, высвободить”. При актуализации данной семемы фразеосочетание расширяет свое значение и обозначает любое действие, которое не достигает своей цели.

“Ohne Werbung kriegen wir keine neuen Kunden. Geld für Werbung ist keins da; die Karre ist restlos verfahren” (Friederich. Moderne deutsche Idiomatik).

“**Die Karre steckt im Dreck**” (букв. телега застряла в грязи) - провалить дело. Данное фразеосочетание основывается на безвыходной ситуации, когда телега застревает в грязи, из которой ее очень трудно вытащить. Фразеосочетание на коннотативном уровне приобретает значение: провалить любое дело, остановиться на полпути.

“**Die Karre im Dreck stecken lassen**” (букв. бросить застрявшую телегу в грязи) - бросить все, как есть, плюнуть на все. Фразеосочетание основывается на денотативной ситуации, когда застрявшую в грязи телегу бросают, не пытаясь даже ее вытащить. Фразеосочетание в коннотативном статусе характеризует поведение человека, который не желает что-либо предпринять в какой-либо трудной ситуации, не пытается что-либо исправить.

“Also, du hast dich still verhalten!” schrie der Konsul außer sich... “Du hast die Karre im Dreck gelassen und dich anderweitig unterhalten” (Т.Манн. Buddenbrooks).

Фразеосочетание “**Die Karre aus dem Dreck ziehen**” (букв. вытаскивать телегу из грязи) - выправлять положение - отражает

реалию, когда пытаются вытащить застрявшую телегу. В К1 фразеосочетание репрезентирует значение: исправлять что-либо, выправлять дело или положение дел.

“Und er kannte genau die Methode, die jetzt angewendet werden mußte, um den Karren aus dem Dreck zu ziehen” (Н.Кирст. 08/15).

Таким образом, на примерах видно, что человек, ведя хозяйство, пользовался различными предметами быта: мебелью (стол, стул, кровать, лавка и т.д.), посудой (ложки, ножи, миски и т.п.). Повседневная бытовая деятельность с утварью давала множество аналогий, которые затем осмысливались. При осмыслении различных жизненных ситуаций, связанных с использованием предметов обихода, выявились и различные концепты, отображающие жизнь людей. Как показывают приведенные примеры, имеются переносы из сферы денотативных ситуаций в сферы коннотативные на основе уподобления различных бытовых действий, свойств и признаков природных явлений поведению, речевой, эмоциональной, интеллектуальной деятельности людей и т.д. Концепты, сформированные когнитивной деятельностью человека получают свое выражение во фразеологизмах немецкого языка.

Литература

1. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка / Л.Ельмслев // Зарубежная лингвистика в 3-х томах. -М.: Прогресс, 1999.- Т.1. - С.131-256.
2. Волохина Г.А. Синтаксические концепты русского простого предложения / Г.А.Волохина, З.Д.Попова. – Воронеж, 1999.- 196с.
3. Выготский Л.С. Мышление и речь. (Психологические исследования) / Л.С.Выготский. - М.-Л.: Соцэкгиз, 1934. – 368с.
4. Гак В.Г. Высказывание и ситуация /В.Г.Гак // Проблемы структурной лингвистики .- М.: Наука, 1973. - С.358-359.
5. Гак В.Г. Языковые преобразования / В.Г.Гак. – М.: Изд-во Школа “Языки русской культуры”, 1998. - 768с.
6. Копыленко М.М. Очерки по общей фразеологии / М.М. Копыленко, З.Д.Попова. - Воронеж, 1972. – 123с.
7. Копыленко М.М. Очерки по общей фразеологии / М.М. Копыленко, З.Д. Попова. – Воронеж, 1978. – 144с.
8. Arbib M.A. In search of the person: Philosophical explorations in cognitive science / M.A.Arbib. – Amherst, 1985.- P.28.
9. Carbonell J. Towards a computational model of metaphor in commonsense reasoning /J.Carbonell //Cultural models in language and thought.–Cambridge, 1988.

Semantic processes of phraseological formation as a reflection of cognitional activity based on a phraseological word phrases about household articles

L.V.Kovaleva

The article considers semantic processes of phraseological formation. These processes are based on cognitional treatment acquired knowledge.

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет

УДК 800.863

Н.Н. Коростылева

ГЕНДЕРНЫЕ КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ: ГРАНИЦЫ СОГЛАСИЯ

Рассматриваются вопросы, связанные с проблемами гендерной коммуникации, показаны три языковые гендерные модели, которые делятся на патриархатные, андрогинные и эгалитарные. Проводится их анализ на основе гендерных стереотипов, выявляется степень их конфликтности и даются пути её преодоления

Исследовательский интерес к проблемам взаимосвязи языка и пола возник примерно тридцать лет назад вследствие лингвистического, антропологического и феминистского поворота в общественных науках.

В настоящее время лингвистические гендерные проблемы находятся в стадии разработки и пристального научного интереса. В центр внимания включены культурные, социальные и языковые факторы, определяющие отношение общества к мужчинам и женщинам, стереотипные представления о мужских и женских качествах.

Набор коммуникативных стратегий и тактик, обусловленных фактором пола, зависит от моделей поведения мужчин и женщин в том или ином обществе, от социальных ролей и функций, которые им предписываются, то есть гендерные аспекты коммуникативных процессов определяются социализацией полов и создаются непосредственно при взаимодействии на уровне микропрактик. Микросоциализация полов представлена в теориях половой индентификации.

Теории половой идентификации включают в себя и теории социального

конструирования, которые популярны в лингвистической гендерологии, центральная идея которых заключается в конструировании социального мира при опоре на социально-культурную парадигму. С позиций социального конструирования гендер и пол – это социально достигаемые статусы. Представители данного направления, в частности Кехилл, исходят из следующего положения: «Гендерная идентичность, подобно иным ее социальным видам, возникает в процессе социального взаимодействия и связана с самостью индивида, превосходящей границы одной ситуации, [и] должна постоянно подтверждаться в различных ситуациях взаимодействия, ... поскольку самость - это предмет постоянной эмпирической проверки» [1]. Индивид в ситуации социального взаимоотношения реализует свою самость, которая гендерно означена, и является хранилищем гендерного компонента, который в процессе взаимодействия может меняться но не кардинально. Впоследствии этнометодология взяла под сомнение факт устойчивости гендерной идентичности и сделала акцент на «создании гендера». Привер

© Коростылева Н.Н., 2006

женцы этнометодологии проводят различие между полом (биологических характеристик человека), категорией пола (социального определения человека в качестве мужчины или женщины) и гендером (поведение по отношению к полу, удовлетворяющее социальным ожиданиям). Это имеет определённое теоретическое значение, поскольку категория пола – это постоянно присущее личности качество, а гендер – постоянно приобретаемая подвижная структура и зависит от социальных ситуаций. Впоследствии И. Гоффман также заметил, что гендер не всегда реализуется в соответствии с социальными институтами, а также через опосредованные послания – образы, тиражируемые в рекламе, на телевидении, в журналах и т.д. Они предписывают, как надо исполнять гендер, демонстрируют его создание и стереотипизацию.

Теории социального конструирования гендера показывают, как индивид осваивает нормы и культурные образцы соответствия или несоответствия определённому полу в процессе социализации на протяжении всей своей повседневной жизни. По существу, теории социального конструирования представляют собой микросоциологию «создания» принадлежности мужчин и женщин к своему полу.

Для гендерной лингвистики важно, что речевое поведение индивида не задается природой, а конструируется обществом и социальная организация является основной причиной проявления мужского и женского вариантов в любом языке. Гендер не просто является одной из составляющих социального взаимодействия, а непосредственно в этом взаимодействии создается, причем так, что женский и мужской стили речи и диалога резко дифференцируются и в основном носят патриархальный характер. На базе гендерных стереотипов, фиксируемых в языке, развиваются разные стратегии речевого поведения полов.

Гендерные стереотипы, участвующие в освоении гендерной идентичности, в социализации индивидов и языке, представляют собой комплекс устойчивых и регулярно повторяющихся культурных и общественных норм, предписывающих полам формы социального и культурного поведе-

ния. Гендерные стереотипы закреплены в коллективном общественном сознании и меняются медленно. А.Кирилина отмечает: «В той или иной степени стереотипы-предубеждения воздействуют на каждого человека. Согласно укоренившимся представлениям, женщинам в обществе приписывается меньшая ценность, чем мужчинам» [2].

В действительности гендерные стереотипы очень живучи и в историческом развитии традиционно закрепили представления о «женском» и «мужском». Эти представления ретранслируются через материальную и духовную культуру посредством механизма социальной наследственности, безусловно, с привнесением конкретно-исторической индивидуальной коррекции. Общество на протяжении веков отшлифовало в качестве «женского» всё пассивное, уступчивое, мягкое, гибкое, заботливое и т.д., в качестве «мужского» – всё активное, воинственное, прямолинейное, честолюбивое, волевое и т.д. И, как результат, репродуцируется основной гендерный стереотип: восприятие женского как второстепенного, несовершенного и слабого, а мужского – сильного и первейшего. Этот факт составляет гендерную асимметрию общества и в наше время. Женщине как «подчиненной» и представительнице женской гендерной общности соответствует более низкий интегральный статус, а мужчине более привилегированный. Это создает часто отличные, порой конфликтные интересы различных групп, их менталитет, их видение мира различны и асимметричны по силе реализации жизненных позиций, ориентаций и устремлений. Женщине труднее реализоваться в обществе – состояться в роли хозяйки дома, матери и одновременно как хорошего профессионала, как руководителя. Почти каждая замужняя женщина испытывает в той или иной мере ролевой конфликт, выражающийся в дисфункциональном исполнении нескольких ролей в общественной и приватной сферах.

Гендерные стереотипы несут в себе элементы конфликтности, которая скрывается в восприятии заранее запрограммированных поведенческих черт полов. Не нужно прилагать много усилий, чтобы заме-

титель, что больше положительных характеристик в социальном поведении приписывается мужчине, так как он относится к высокостатусной группе, женщине - больше отрицательных. Существует целый ряд стереотипов, которые доминируют в сознании современного общества и сегодня, и они касаются в основном женского пола.

Универсальными гендерными стереотипами являются следующие: оправдание доминирующего положения мужчины в приватной и общественной сфере; жесткое разделение ролей женщин и мужчин; признание доминантным для женщины рождение и воспитание детей, забота о ближнем; существование двойных стандартов в оценке поведения полов.

Гендерные стереотипы выполняют определенные функции, и каждая из них продуцирует асимметрию в положении полов в обществе. Рассмотрим их в изложении И.В. Васильченко:

Первая функция – ценностно-защита – заключается в сохранении объектов, идей, взглядов, интересов, ценных для обоих полов. Мужчины как представители группы защищают своё главенство, свою власть, своё лидерство через стереотипное представление о своей роли в семье как основного «добытчика». Женщины часто защищают свою независимость, рассматривая кухню как личные владения.

Вторая функция – ориентирующая – обеспечивает «линию» поведения при осуществлении личностью, группой отношения к другому субъекту или явлению. У мужчин часто складывается мнение о женщинах как о сварливых, недалеких, обязанных обеспечить в доме уют и пропитание. Примером такого стереотипа может служить фраза: «Женщина из ничего может сделать три вещи: прическу, салат и скандал». У женщин имеются свои предубеждения по отношению к мужчине. Чаще всего женские стереотипы в отношении мужчин определяются, например, выражениями типа: «мужчина для того и нужен, чтобы зарабатывать», «мужчина в доме – это крест и обуза» и т.д.

Третья функция – идентифицирующая – проявляется в сохранении тождественности личности с группой и своего в ней ста-

туса, сохранении положительного группового «Мы – образа». Например, в сознании женщин стереотипизируется и их собственная роль. Они продолжают считать, что домашняя работа является их прямой обязанностью, независимо от того, работает она или нет, и какую зарплату получает. Мужчины устойчивы в своем мнении, что даже если они не работают или приносят домой значительно меньше денежных средств, чем жена, они не должны заниматься домашней работой, так как это унижает их достоинство.

Четвертая функция стереотипа – когнитивная – видится в упрощении процесса объяснения человеком своего и чужого поведения. Представления о ролях мужчин и женщин распространяются на всех индивидов без учета личностных особенностей, специфики их сознания, образования, развития, профессии, класса и выражается в формировании гендерной ментальности.

Пятая функция – идеологизирующая. Социальные стереотипы формируют и сохраняют групповую идеологию, объясняющую и оправдывающую поведение группы. Мужчины и женщины часто используют фразу «так принято» [3; 96].

На основании рассмотрения функций гендерных стереотипов можно заключить, что образцы мужественности и женственности очень глубоко закреплены в общественном сознании. Мы смотрим на мир сквозь «очки» стереотипов и каждый раз вольно или невольно продуцируем их в своем индивидуальном сознании.

Итак, гендерные стереотипы представляют собой некие устойчивые схематизированные образы о мужественности и женственности, которые возникают в процессе социализации, и сопровождаются, как и любые другие стереотипы, эмоциями и переживаниями, регулируют и управляют поведением полов в обществе и особенно ярко проявляются в языке.

Гендерные стереотипы, проявляющиеся в языке, напрямую влияют на языковые гендерные модели, которые условно можно разделить на **патриархатные, андрогинные и эгалитарные**.

Патриархатная гендерная модель языковой коммуникации является превалиру-

ющей, так как весь процесс социализации индивида носит подчеркнуто неравнодушный характер, основанный на отношении превосходства и подчиненности. Более высокий мужской статус диктует коммуникативную компетенцию, который выражается в наличии престижных, сленговых разговорных форм; женский статус влияет на установление психологической близости, на менее соревновательный тип общения.

Патриархатная модель является наиболее конфликтной, так как языковое общение обусловлено общественным характером сознания человека и его статусом. Неравные статусы мужчин и женщин: наличие различий в социальном положении, профессий, оплате труда, продвижении по службе, возрасте и т.д. реализуются в языке. Мужской стиль общения традиционно ориентируется на поддержание статуса, обязывает скрывать слабые стороны характера и подчеркивать свои достижения. Женский стиль предполагает более гармоничную коммуникацию. Женщины более склонны к сглаживанию позиций, к подчинению патриархатным языковым стереотипам.

Язык является частью патриархатного мира и отражает общественную ситуацию, которая посредством лексических концептов (мыслительных картинок, фреймов, инсайтов, сценариев, схем) автоматически привносится в процессы коммуникации [4]. Долгое время язык «игнорировал» женщину, представляя её в актах коммуникации как маргинального субъекта, окрашивая порой её жизнедеятельность в минорные тона. Обратимся к паремии (науке, изучающей фразеологию вместе с фольклором).

Мужчина доминирует в пословицах и поговорках. В них отражена преимущественно мужская картина мира и мужская власть. Например, мужчине приписывалось: «Первую дочь по семье бери, вторую – по сестре». Выражается неполная принадлежность женщины к категории «человек»: «Курица не птица, баба не человек». С «мужским» ассоциируется всё позитивное, а с «женским» – всё негативное: «Муж пашет, а жена пляшет» и т.д.

Женская картина мира в русской паремии достаточно ярко выражена. Она охватывает такие области, как замужество, материнство, любовь и т.д. Но женская доля окрашена в минорные тона: «Хоть бита, да сыта». «Как наденут венец – всему конец». Концепт «женщина/баба» имеет в основном отрицательное значение, создающее негативный стереотип: «Волос длинный, а ум короткий».

Таким образом, в русском языке женские и мужские миры представлены классической бинарной оппозицией как негативный и позитивный с соответственно ярко выраженной гендерной иерархией в языке и гендерными языковыми стереотипами. Это явление наблюдается не только в русском языке. Как отмечает отечественный исследователь в области гендерной лингвистики А.В. Кирилина, «андроцентризм присущ всем языкам, функционирующим в христианских и мусульманских культурах» [5].

Альтернативой патриархатной языковой модели является эгалитарная, основанная на сотрудничестве и равноценности отношения мужчин и женщин друг к другу.

Эгалитарная языковая модель представлена гендерно-согласительным общением – это, прежде всего ненасильственное общение, направленное на свободу выражения того или иного участника общения, признающее за ним самооценку и моральное достоинство. Оно кардинальным образом отличается от манипулятивного общения, при котором к партнеру относятся как к средству достижения определенных целей.

Манипулятивное гендерное общение встречается при конфликтных взаимоотношениях партнеров и является его неотъемлемым атрибутом. Оно провоцирует при общении сам конфликт, то есть насильственное межличностное противоборство, связанное с сознательным ущемлением достоинства и потребностей партнера. Чтобы избежать данного вида общения и нейтрализовать его, следует прибегать к гендерно-согласительному общению, которое базируется на нравственных принципах. Особую роль здесь призваны сыграть самосогласительный настрой мужчин и женщин,

духовный уровень проявления любви, толерантность в общении между ними.

С гендерно-согласительным общением тесно связано такое понятие, как «толерантность». Остановимся на нем более подробно.

В современной научной литературе определений толерантности существует достаточно много. Так, некоторые исследователи понимают под толерантностью, прежде всего терпимость (А.Н. Смирнов, Л.Т. Соловьева, Н.А. Требина и др.) М. Уолцер пишет о пяти возможных определениях толерантности. Первое из них – «покорное принятие ради мира». Второе – «пассивное, расслабленное безразличие»; третье – «нечто вроде морального стоицизма»: принципиальное признание того, что другой имеет «права», даже если он пользуется ими непривлекательным способом»; четвертое – «открытость другим, любопытство, возможно даже уважение, желание услышать и узнать»; пятое – «одобрение различия» [6].

По мнению П. Николсон, толерантность представляет собой добродетель воздержания от употребления силы для вмешательства во мнение или действие другого, хотя бы они и отклонялись в чем-то от мнения или действия субъекта толерантности, и последний морально не был бы согласен с ними [7].

Термин «толерантность» важен для нашего исследования как психологический феномен, позволяющий оперировать им в области межличностных межполовых отношений. С этой точки зрения толерантность следует рассматривать как ценностное отношение человека к другому человеку. В данном контексте толерантность представляется как интерес к другому (Е.Ю. Клепцова), принятие, уважение и утверждение культурных различий (Г.Д.Дмитриев), настроенность на диалог с другим (Р.Р. Валитова), установка на взаимное изменение позиций в ходе такого диалога (В.Лекторский), сочувствие, сострадание к другому (А.Г. Асмолов, В.В. Глеблин).

Мы придерживаемся определения А.А. Деркача и Е.В. Селезневой, которые пишут: «Толерантность выступает не просто как позволение бытия другого, а как

признание ценности этого бытия, наряду с ценностью бытия собственного. Из характеристики толерантности исчезает оттенок страдания, так как толерантность перестает быть простым вынужденным пассивным допущением зла. Напротив, толерантность сегодня – это активное отношение к миру. В то же время активное отношение к Другому не означает активного влияния на Другого с целью его «улучшения». Активное отношение к Другому подразумевает сознательное признание прав и свобод другого, вне зависимости от его этнических, религиозных или гендерных характеристик и безотносительно к его силе или слабости. Следует говорить о деятельном допущении существования Другого даже при возможности оказать то или иное воздействие на это существование» [8].

На межличностном уровне между полами должна преобладать позиция сотрудничества, основанная на положительной оценке Другого, на признании его ценностных установок, достоинств и недостатков.

Как известно, гендерное общение несёт в себе всегда потенциал конфликтности, но, чтобы он не превалировал в отношениях полов, необходимо в общение ввести критерии толерантности. М.С. Мириманова пишет: «Толерантность в общении – позиция личности зрелой, самостоятельной, имеющей собственные ценности и интересы, готовой их защищать и одновременно с уважением относящейся к позициям и ценностям других людей» [9]. Основными критериями толерантности в гендерном общении должны стать: отказ от насилия и дискриминации; позиция на равных и учет интересов другого; осознанное отношение к себе и противоположному полу; позитивные цели в общении; способность сохранять внутреннюю устойчивость и равновесие в трудных, проблемных ситуациях.

Во взаимодействиях полов следует придерживаться диалогического общения, то есть равноправного отношения друг к другу как к личностям. Диалогическое гендерное общение возможно лишь в случае соблюдения определённых правил: настрой на состояние собеседника и собственное психологическое отношение к нему; безо-

ценочное восприятие противоположного пола и установка на доверие; ведение диалога без ссылок на авторитеты, без использования чужих мнений.

Диалогическое общение, построенное на этих правилах, призвано сглаживать проблемные ситуации и противоречия между мужчинами и женщинами.

Толерантное гендерное общение должно также содержать в себе и невербальные принципы взаимодействия. Так, невербальными проявлениями толерантности при отношениях полов должны быть: стремление к демонстрации партнеру невербального согласия с ним: кивки головой, взгляд, направленный на него и т.д.; ободряющие жесты, например улыбка; согласованность речи и жестов.

Все эти правила толерантности в гендерном общении направлены на смягчение конфликтности между полами, на преодоление коммуникативных барьеров, то есть психологических препятствий на пути передачи и приёма информации, вызванные гендерными стереотипами и различными стилями поведения полов вследствие социализации.

Гендерно-согласительное общение предполагает наличие у его участников толерантного сознания, которое отражается в определенных психологических характеристиках личности, стилях поведения, деятельности и взаимодействиях, направленных на возвышение субъектов над собственными эгоцентристскими интересами.

Толерантное сознание основывается на ряде психологических черт личности: эмпатии, которая определяется как социальная чувствительность, умение верно судить о других людях; проницательности, которая так необходима мужчинам и женщинам в их отношениях. Она характеризуется предвосхищением эмоциональных реакций и возможных действий другого человека. В качестве составляющих проницательности выделяются наблюдательность и умение анализировать. Тесно соприкасается с проницательностью сензитивность – способность предсказывать чувства, мысли и поведение других. Толерантность сознания основывается на саморегуляции психического состояния, на минимизации трево-

ги, которая обеспечивает сохранение поведенческого контроля в условиях деструктивных психологических воздействий.

С обретением толерантного сознания сама личность становится толерантной. Ей присущ неконфликтный стиль поведения, смягчающий негативные чувства и эмоции партнера.

Толерантное сознание оказывает существенное влияние на развитие сотрудничества между полами. Оно выражается: в согласии, во взаимодействии общих интересов и целей; в толерантности к партнеру, то есть осознание трудностей партнера, выражение сочувствия, уважения к мнению противоположного пола; во взаимном дополнении таких черт партнера, которыми не обладает первый участник общения, на основе совместной деятельности; в отказе подчеркивания различий между полами, указывающих на превосходство одного над другим; в поддержании хорошего настроения, положительных эмоций по самым разным поводам, в выражении симпатии к партнеру.

Таким образом, толерантность – необходимое условие смягчения конфликтности между полами.

На основе вышеизложенного можно сформулировать само понятие гендерной толерантности. Это объективное и непредвзятое отношение полов друг к другу при понимании специфики каждого. В гендерной толерантности мужское и женское видение мира объединено в одно целое, они имеют полное право на сосуществование при сохранении своих особенностей.

Опыт показывает, что толерантность рождается не вдруг и не сразу по мановению волшебной палочки, это трудный и долгий путь обретения сотрудничества и взаимопомощи. Обществом и государством должны прилагаться усилия по воспитанию толерантности ещё со школьной скамьи. Усвоение учащимися навыков разрешения проблемных ситуаций, ведения переговоров, методов посредничества, разрешения споров и т.д. позволит научиться понимать чувства и эмоции другого, считывать невербальную информацию, справляться с напряжением, а знание основ психологии межполового общения поможет эффектив-

но, а не деструктивно преодолевать гендерную конфликтность.

Гендерное толерантное общение должно происходить как на микроуровне, так и на мезоуровне, на уровне трудовых коллективов. На предприятиях, фирмах, организациях, где включены в деятельный контакт, как мужчины, так и женщины, должны реализовываться принципы гендерного общения, осуществляться гендерная политика.

С эгалитарной языковой моделью тесно соприкасается андрогинная. Во многом эти модели сходны, андрогинная нацелена на игнорирование фактора пола, его своеобразное «умолчание».

В политике, бизнесе, управлении формируется гендерно-нейтральный стиль коммуникативного поведения. При гендерном деловом общении определенные моменты андрогинности необходимы.

Мужчины и женщины должны воспитывать в себе при деятельной гендерной позитивной политике того или иного предприятия андрогинные черты общения, конструировать некое общее нейтральное поле взаимодействия, где на первый план должны выступать профессиональные качества личности. Американский исследователь Л. Гласс формулирует несколько правил делового общения полов на работе.

Для мужчин:

- говорить с женщиной следует, не отводя взгляда и смотря прямо на неё;
- не надо перебивать её; чаще реагировать на то, что она говорит;
- чаще реагировать мимикой на её слова; воздерживаться от приказов и команд; воздерживаться от эротических шуток и высказываний;
- чаще говорить вежливые слова;
- не давать клятвенных обещаний и заверений;
- сдерживать гнев и свой нрав;
- не хвастаться.

Для женщин:

- никогда не плакать на работе даже при самых плохих обстоятельствах;
- не обсуждать свою или чью-либо личную жизнь;
- не использовать ничего не значащие фразы;

- гасить злобу и недовольство;

- не извиняться, если не допущена ошибка;

- быть объективной и не слишком эмоциональной;

- следить за тем, насколько часто улыбаетесь и киваете головой;

- говорить по существу; говорить громко и уверенно; не принимать отказ как личную обиду [10;1].

Знание основ гендерного делового общения позволит избежать или быстро реагировать на недоразумения, коммуникативные барьеры и конфликты на работе между мужчинами и женщинами.

Но при диалогическом общении полов отказ от половой языковой идентификации на наш взгляд не допустим, это ведет к обеднению языка, к своеобразному «бесполью». В современной общественной жизни образы мужчины и женщины имеют тенденцию к андрогинии, но только знание, а не игнорирование гендерных различий в вербальном поведении помогает обеспечить успешную коммуникацию, позволяет быстрее достичь коммуникативной согласованности.

В межличностных отношениях мужчин и женщин должна присутствовать культура общения. Навязывание своих советов, убеждений, нарушение этики, ситуативная агрессивность и т.д. будут только нагнетать конфликт, служить постоянным его источником. Поэтому главным моментом, обеспечивающим бесконфликтное общение, является преодоление негативных факторов и определение гармоничного общения мужчин и женщин. В.П.Шейнов выдвигает несколько правил гармоничного общения полов:

- не употреблять конфликтогенов (под которыми ученый понимает слова, действия или бездействия, ведущие к эскалации конфликта);
- не отвечать конфликтогенном на конфликтоген;
- проявлять эмпатию (способность понять) к собеседнику;
- делать как можно больше благожелательных помыслов, чтобы избежать аффектных состояний [11;340].

Стремление к эгалитарности является на наш взгляд наиболее успешной тенденцией в языковом общении. Знание правил культурного общения мужчин и женщин позволит им правильно формировать их

поведение, избегать конфликтов и не создавать конфликтогеннов.

Изучение коммуникативного поведения мужчин и женщин является необходимым моментом в формировании гармоничного диалога полов.

Литература

1. Ритцер Дж. Современные социологические теории. 5-е изд.– СПб.: Питер, 2002 – 688 с.
2. Кирилина А. Гендерные стереотипы в языке // Женщина плюс...– 2003. –№1. – (<http://www.owl.ru/content/womplus/p52412.shtml>).
3. Васильченко И.С. Гендерные стереотипы как элементы субъективной стороны социальных изменений // Гендерные исследования и гендерное образование в высшей школе: Матер. междунар. науч. конф., Иваново, 25-26 июня 2002 г.: в 2 ч. – Ч.II. История, социология, язык, культура. – Иваново, 2002. – С.95-98 .
4. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка – Воронеж: Изд-во Воронежск. госуд. ун-та, 1996. – 104 с.
5. Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты – М.: Ин-т социологии РАН, 1999. –180 с.
6. Уолцер М. О терпимости – М.: Идея - Пресс: Дом интеллектуальной книги., 2000. – 159 с.
7. Nicholson P.P. Toleration as a Moral Ideal // Aspects of Toleration. Philosophical Studies. – L., N.Y., 1985. – P. 158-173.
8. Деркач А.А., Зазыкин В.Г., Селезнева Е.В. Толерантность личности: характеристики, закономерности, механизмы формирования. – М.: Изд-во РАГС, 2003. – 197с.
9. Мириманова М.С. Конфликтология – М.: Издат. центр «Академия», 2003. – 320 с.
10. Гласс Л. Как достичь взаимопонимания между мужчиной и женщиной – М.: ООО «Издательство АСТ»; ООО «Издательство Астрель», 2004. –256 с.
11. Шейнов В.П. Мужчина и женщина: Энциклопедия взаимоотношений.- СПб., 1997. – 640с.

Gender communicational processes: limits of consent

N.N. Korostyleva

This article is about gender communication. It describes gender linguistic models divided into three groups. They are patriarchal, androgenic and egalitarian ones. Their analysis based on gender stereotypes reveals gender degree of conflict models. The article offers the ways of gender conflicts overcoming.

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет

УДК 801

Н.В. Петько

К ВОПРОСУ СТАНОВЛЕНИЯ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ: ИСТОЧНИКИ И ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ.

В данной статье рассматриваются источники и этапы формирования когнитивной лингвистики как относительно новой и самостоятельной дисциплины.

В настоящее время, в связи с утверждением антропоцентрической парадигмы в лингвистике, пристальное внимание исследователей приковано к изучению взаимодействия и взаимозависимости языка и мышления человека, роли языка в процессах познания нового, становления и развития человеческих знаний о мире.

Поворот к проблеме “человек в языке” обусловил появление когнитивной лингвистики, магистрального направления в языкознании XX-XXI веков, занимающегося изучением особенностей кодирования, усвоения, обработки и трансформации информации с помощью языковых знаков [3].

Когнитивная лингвистика – одна из сторон познания лингвистической реальности, пронизывающая собой все сферы человеческого бытия, складывается в последние два десятилетия XX века, переживая период становления и интенсивного развития. С когнитивной лингвистикой связаны новые акценты в понимании языка, открывающие широкие перспективы его видения во всех разнообразных и многообразных связях с человеком, его интеллектом, результатами восприятия мира и ролью в духовно-практической деятельности индивида и общества в целом.

В наши дни когнитивные исследования стали неотъемлемой частью современной лингвистической науки. Вышедшие по данной проблематике монографии, коллективные труды и отдельные статьи А.П. Бабушкина, Н.Н. Болдырева, Е.С. Кубряковой, З.Д. Поповой, Ю.С. Степанова, И.А. Стернина, В.Н. Телия и других исследователей содержат важные теоретические положения по вопросам аккумуляции, структурирования, хранения в языке наших знаний о мире, что имеет огромную научную ценность и приближает нас к пониманию сути языковой коммуникации.

Однако представляется достаточно интересным рассмотрение исторической

динамики развития и формирования когнитивной лингвистики как самостоятельной и относительно новой лингвистической дисциплины.

Зарождение когнитивной науки и распространение когнитивного направления в конце XX века явилось знаменательным событием в становлении когнитивной лингвистики. Не смотря на свою новизну, когнитивная наука имеет богатую историю. Человеческим интеллектом, закономерностями мышления, источниками знания и процессами его достижения издавна занималась логика, философия, физиология, психология. Но в рамках когнитивистики старые вопросы зазвучали по-новому, развиваясь, дополняясь, интерпретируясь и переосмысливаясь в связи с появлением в современной науке новых парадигм научного знания.

Конец прошлого столетия характеризуется бурным развитием теории информации, что привело к многочисленным исследованиям, теоретическим и опытным заключениям в области точных наук, таких, как физика, математика, кибернетика, информатика, биология и т.д. и повлекло за собой развитие целого ряда дисциплин, изучающих получение, переработку и сохранение информации. Одной из таких дисциплин стала когнитивная наука или когнитология, ставшая одной из составляющих современной когнитивной лингвистики, пересмотревшей старые традиционные категории для описания и объяснения структуры и содержания языковых единиц и поставившей во главу угла познание, восприятие, осмысление, отражение, наблюдение, мышление, речь, воображение и другие психические процессы.

Интеллектуальный климат 50 – 60-х годов за рубежом был ознаменован взрывом интереса к процессам мышления, вы-

© Петько Н.В., 2006

званный целым рядом обстоятельств, связанных с ситуацией послевоенных лет, последствиями миграции ученых в США, легкостью налаживания научных контактов и их возрастающей потребностью. Не удивителен тот факт, что когнитивная наука зарождается именно в США вскоре после второй мировой войны, где были собраны лучшие ученые Германии и всей Европы. Кроме того, правительство и Министерство обороны США выделяли огромные деньги на научные исследования и, в том числе, на изучение проблем быстрой коммуникации, развитие акустических лабораторий и разработку совершенных каналов связи.

В 50-х годах XX века Р.Оппенгеймер, известный американский физик, один из создателей атомной бомбы, председатель генерального консультативного комитета Комиссии по атомной энергии США, директор Института фундаментальных исследований в Принстоне, начав ряд новых разработок в области теоретической физики приходит к выводу, что решение многих проблем зависит не только от выработки нового инструментария и методов исследования, но и появления новых вычислительных машин. К обсуждению этих вопросов Оппенгеймер приглашает крупнейших психологов (Дж. Миллер), кибернетиков (Н. Винер), специалистов по математическому моделированию, по теории информации, языковедов (Р. Якобсон, Н. Хомский). Выясняется, что мощное воздействие на все, что происходит в науке, оказывает человек, программируя, планируя свои действия, влияя на рост и прогресс знаний.

Так в науке зарождается антропоцентрическая парадигма научного знания, которая обращается от простого описания научных проблем и явлений к пониманию роли человека и его сознания. Кроме того, в центре внимания ученых оказывается язык человека как самый высокий уровень, на котором информация, полученная по разным каналам, обрабатывается воедино, интегрируется, осмысливается, категоризируется и классифицируется. Формируется понимание того, что лучший доступ к сознанию – это не только наблюдение за предметно-познавательной деятельностью человека, но и наблюдение за языком как формой отражения и выражения мыслительных процессов. Тот факт, что через язык чело-

век получает основные сведения о мире, и именно на языке отражает знания в учебной, публицистической и художественной литературе воспринимался и воспринимается всеми как нечто само собой разумеющееся и привычное. Однако, за всем за этим стоит мыслительная деятельность, определенные когнитивные процессы – это и определило появление и интенсивное развитие когнитивной науки.

«Днем рождения» когнитивной науки можно считать 11 сентября 1956 года, когда в городе Кембридж штата Массачусетс открылся семинар по теории информации, где были зачитана работа Ньюэлла и Саймона “Logic Theoretic”, в которой исследовались процессы принятия административных решений (впоследствии эта работа была удостоена Нобелевской премии по экономике). Другой американский профессор, Дж. Бруннер, впервые начинает читать лекции о природе когнитивных процессов в Гарвардском университете, где в 1960 году совместно с Дж. Миллером организует первый центр когнитивных исследований.

Термин «когнитивная наука» (англ. **cognitive science**) был введен для обозначения определенного круга научных дисциплин, объединившихся для совместного изучения процессов, связанных с получением, обработкой, хранением, использованием, организацией и накоплением структур знания, а также с формированием этих структур в мозгу человека. Главной темой когнитивных исследований того времени стало изучение человека, как «канала коммуникативной связи», получающего извне некую информацию, зафиксированную в языковых формах, обрабатываемую и перерабатываемую для использования и создания новой. Ядром этих исследований становится постепенно лингвистика.

Когнитивные исследования 60-х годов, затронув практически все отрасли научного знания, не могли не внести революционных изменений в науку, занимающуюся изучением ментальных процессов, предопределяющих и руководящих человеческим поведением – психологию.

Когнитивная психология (лат. *cognitio* - знание, познание) заявила о себе в конце 50-х начале 60-х гг. XX века первоначально как наука о процессах отражения в моз-

гу человека окружающего мира и преобразовании его органами чувств.

До появления когнитивной психологии в ее современном виде психологи уже пытались заниматься проблемами познания. Примерно 125 лет назад стали происходить первые попытки изучать мышление не только философскими, но и научными методами. Немецкая школа изучала сознание при помощи интроспекции (подробного описания испытываемыми содержания своего сознания). Американская школа (бихевиористы), наоборот, отрицала исследование всяких феноменов сознания, отличных от непосредственной деятельности. В погоне за объективностью бихевиористы отрицали научную значимость таких, по их мнению, субъективных понятий, как "ощущение", "образ", "желание", "мышление" и т.п.

В итоге, интроспективный метод умер, не сумев разрешить споры о существовании и содержании "невербального мышления". Господствующий в то время в США бихевиоризм пал, когда стало окончательно ясно, что "житейским" понятиям внимания, восприятия, пространственного воображения соответствуют объективные процессы, и эти процессы поддаются изучению.

«Отцом-основателем» нового когнитивного направления в психологии считается американский психолог Ульрик Найссер, книга которого «Когнитивная психология» в 1967 открыла новое исследовательское поле – процесс познания.

Основную область исследований в когнитивной психологии составляют познавательные процессы – память, психологические аспекты языка и речи, восприятие, мышление, внимание. Для когнитивной психологии становится существенным подход, основанный на представлении о человеческом организме как системе, занятой активными поисками сведений и переработкой информации, т.е. представлений о том, что люди оказывают на информацию разного рода воздействия: перекодируют в другую форму, отбирают определенную информацию для дальнейшей переработки или исключают некоторую информацию из системы.

Известно, что лингвистика на протяжении своего развития трижды, сталкива-

ясь с психологией, обогащалась ею, но, несмотря на это, взаимодействие лингвистов и психологов наталкивалось на серьезные преграды: трудно найти две гуманитарные науки, различающиеся по своей методологии столь же сильно, как лингвистика, входящая в своего рода «семиотический цикл» дисциплин, и психология, тяготеющая к «физическому» циклу наук.

Когнитивная психология стала одним из важнейших источников формирования когнитивной лингвистики, так как функционирование языка действительно опирается на психологические механизмы, ибо язык является важнейшим звеном в накоплении и сохранении категоризированного опыта взаимодействия человека с миром, или знания, а так как основу всякого опыта составляет восприятие и память, то изучение познания и языка невозможно без учета особенностей перцептивных процессов, которые исследуются в рамках психологии. Следовательно, влияние когнитивной психологии привело к смещению научных парадигм в исследованиях языка, ставшего формой отражения и выражения мыслительных процессов в рамках когнитивной лингвистики.

Таким образом, в конце прошлого века назрела необходимость посмотреть на язык с точки зрения его участия в познавательной деятельности человека, не только как средства, обеспечивающего наиболее естественный доступ к сознанию и мыслительным процессам, но и как средства вербализации ментальных процессов, благодаря которому мы знаем о структурах сознания и которое позволяет нам описать их на любом естественном языке.

В результате взаимосвязи лингвистики с быстро развивающейся когнитологией, а также при непосредственном участии когнитивной психологии сформировалась совершенно новая область исследования – когнитивная лингвистика (англ. *cognitive linguistics*).

Официальным рождением когнитивной лингвистики стал симпозиум весной 1989 года в Дуйсбурге, организованный Рене Дирвенем и другими европейскими учеными, на котором было объявлено о создании Международной Когнитивной Лингвистической Ассоциации, подготовке журнала «Когнитивная лингвистика» и се-

рии монографий «Исследования по когнитивной лингвистике».

Когнитивная лингвистика возникает как научное направление, которое отвечает на те же вопросы, что и когнитивная наука, но только в их непосредственной связи с языком. При этом когнитивная лингвистика опирается не на изучение изолированных языковых форм, а рассматривает их с позиции того, как они отражают эмпирическое видение мира человеком, способы его концептуализации в языке, общие принципы категоризации и механизмы обработки информации, включающие в себя весь познавательный опыт и влияние окружающей среды.

За несколько десятилетий своего существования когнитивная лингвистика прошла несколько этапов своего развития.

Термин «когнитивная грамматика» был впервые введен в 1975 году в статье Дж. Лакоффа и Г. Томпсона «*Представляем когнитивную грамматику*». Следует пояснить, что в США, где зародилась когнитивная лингвистика, и в англоязычной лингвистике более принятым считается термин «когнитивная грамматика» для обозначения данной отрасли знания.

В 1987 году были опубликованы первый том «*Оснований когнитивной грамматики*» Р. Лангакера (второй – в 1991), а также этапные для данного направления книги «*Женщины, огонь и опасные предметы*» Дж. Лакоффа и «*Тело в мышлении*» (англ. *The Body in the Mind*) М. Джонсона. Этапными в развитии когнитивной грамматики были в 80-годах XX века статьи Л. Талми, Ч. Филлмора и У. Чейфа.

До начала 90-х годов XX века когнитивная лингвистика представляла собой совокупность индивидуальных исследовательских программ, слабо связанных или вовсе не связанных между собой. Это исследовательские программы Дж. Лакоффа, Р. Лангакера, Т. ван Дейка (Нидерланды), Дж. Хэймана (Канада) и др.

В середине 90-х годов в Европе уже вышли первые учебники по когнитивной лингвистике: Ф. Унгерер и Х.-Й. Шмидт «*Введение в когнитивную лингвистику*» (1996), Б. Хайне «*Когнитивные основания грамматики*» (1997).

На русском языке впервые когнитивная грамматика была представлена отече-

ственному читателю в обзоре В.И. Герасимова (1985). Отечественная когнитивная лингвистика начала развиваться с 80-х годов прошлого столетия. В ее формировании важную роль сыграли следующие публикации работ по моделированию понимания естественного языка: русские переводы книг Т. Виноградова «*Программа, понимающая естественный язык*» (1976, оригинал 1972) и Р. Шенка с коллегами «*Обработка концептуальной информации*» (1980, оригинал 1975), а также XII-й том «*Нового в зарубежной лингвистике*», специально посвященный данной тематике.

В 1988 году в СССР появился XXIII том в серии «*Новое в зарубежной лингвистике*», посвященный когнитивным аспектам языка, а в 1995 был издан сборник переводов «*Язык и интеллект*».

Весомый вклад в развитие отечественной когнитивистики внесли работы таких ученых, как Н.Д. Арутюнова, Е.С. Кубрякова, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин, В.Н. Телия и др. Они постоянно подчеркивали в своих работах значение «человеческого фактора» в языке, а также тесную связь лингвистики с философией и психологией. Но до сих пор на всем постсоветском пространстве значимость термина «когнитивный» колеблется от приписывания всей современной научной парадигме названия «когнитивная» до бъявления термина «когнитивный» размытым и почти пустым.

Обобщающим трудом в отечественной когнитивной лингвистике стал вышедший под редакцией Е.С. Кубряковой «*Краткий словарь когнитивных терминов*» (1996), в котором собраны и систематизированы ключевые понятия общей когнитологии и когнитивной лингвистики.

На современном этапе развития когнитивной лингвистики наблюдается перелом в сознании многих лингвистов. На первый план выдвигается решение таких проблем, как углубление наших представлений о скрытых механизмах языковой коммуникации, оптимизация процессов общения и степени выражения наших мыслей и чувств посредством языка. Сегодняшний подход к изучению языка настолько сложен и серьезен, что требует включенность в исследования таких дисциплин, как философия, ло-

гика, психология, культурология, этнология, социология и др.

В заключение следует отметить, что когнитивная лингвистика – одно из актуальных направлений научных разработок как у нас в стране, так и за рубежом. Несмотря на большое количество публикаций, эта наука находится на стадии становления, так как учеными еще не выработаны единые принципы решения такой сложной проблемы, как соотношение когнитивных процессов и языка, поэтому вопрос о том, как в человеческий мозг поступает информация, отражающая опыт социума, перера-

батывается, кодируется, вербализируется и используется для рационального решения задач жизнедеятельности людей остается открытым.

В настоящий момент когнитивные исследования стали неотъемлемой частью современной лингвистической науки. Однако, как и во всякой новой науке, переживающей период становления и интенсивного развития, в когнитивной лингвистике наблюдается большой разброс в понимании основных категорий, недостаточная определенность в самом предмете когнитивной лингвистики, неясность методов и т.д.

Литература

1. Герасимов В.И. К становлению «когнитивной грамматики» // Современные зарубежные грамматические теории. М., 1985.
2. Касевич В.Б. О когнитивной лингвистике // Общее языкознание и теория грамматики. СПб, 1998.
3. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общей ред. Е.С. Кубряковой. М., 1996.
4. Кубрякова Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука // ВЯ, 1994, №4.
5. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2001.

The history background of cognitive linguistics: main sources and stages of its foundation

N.V. Petko

In this article the main subject to discuss is a general historic presentation about the stages and the sources of formation of cognitive linguistics as the independent domain of knowledge.

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет

УДК 801.3:802.0

Е.А. Журавлева

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ЛЕКСЕМ, ПРЕДСТАВЛЯЮЩИХ КОНЦЕПТ «ДУША» В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматривается семантическая структура лексем, представляющих концепт «душа» в русском и английском языке, и проводится их сравнительный анализ с целью выявления сходств и различий интерпретации данного концепта представителями русскоязычной и англоязычной культур.

В современной науке большое внимание уделяется человеку и различным аспектам его бытия, также как и вопросам диалога культур. В изучении и первого, и второго важная роль должна быть отведена прежде

всего языку, поскольку именно он отражает коллективное сознание носителей той или иной культуры.

© Журавлева Е.А., 2006

В этом контексте особенно интересным представляется изучение концепта «душа» в русском и английском языках, поскольку принято считать, что русские люди «душевнее» представителей западной цивилизации, и на основе этого представления сложилось множество стереотипов. Например, при близком общении с представителями американской и английской культур носители русской культуры испытывают негативный интракультурный опыт, если они начинают жаловаться на жизнь, как это распространено в нашей культуре, а их адресат всеми допустимыми способами показывает, что он не хочет этого слушать. Поэтому носителей этих культур считают черствыми, «бездушными», не задумываясь о том, что они просто по-другому смотрят на мир и считают подобные жалобы проявлением слабости, что для представителей западной культуры неприемлемо. Кроме того, из приведенного примера видно, что имеет место непонимание различия смыслов, вкладываемых представителями рассматриваемых культур в понятие «душа». Мы решили проанализировать семантическую структуру данной лексемы в русском и английском языках для того, чтобы выявить, так ли сильно различаются представления об этом понятии в русскоязычной и англоязычной культурах.

Итак, семантика лексемы «душа», представляющей рассматриваемый концепт в русском языке, имеет следующую структуру:

по своему основному номинативному значению (семема Д1): – это сверхъестественное нематериальное начало в человеке, продолжающее жить после его смерти: думать о спасении души;

по производно-номинативному значению (семема Д2):

то или иное свойство характера, а также человек с теми или иными свойствами характера: добрая душа, низкая душа;

внутренний, психический мир человека, его сознание: вложить в дело душу, жить душа в душу;

по коннотативному (фразеологически связанному) значению (семема К1):

человек: в доме нет ни души, на душу приходится;

вдохновитель чего-либо, главное лицо: душа компании, душа всего дела.

Таким образом, схематично семантическая структура лексемы «душа» в русском языке может быть представлена следующим образом:

Д1 – сверхъестественное нематериальное начало в человеке, продолжающее жить после его смерти;

Д2 – 1) то или иное свойство характера, а также человек с теми или иными свойствами характера;

2) внутренний, психический мир человека, его сознание: вложить в дело душу, жить душа в душу;

3) вдохновитель чего-либо, главное лицо;

К1 – человек.

В английском языке ядро исследуемого концепта представлено лексемой “soul”, имеющей следующую семантическую структуру.

По основному номинативному значению (семема Д1): the immortal part of a person, the quality that make a person human (бессмертная часть личности, делающая человека человеком):

They say that hardship is good for the soul (LDEL, с. 1292).

По производно-номинативному значению (семема Д2):

The seat of real life, the animated or essential part (вместилище настоящей жизни, движущая или важная часть чего-либо):

The hidden soul of harmony (Milton).

A synonym to God (тоже, что “Бог”):

Soul or Spirit signifies Deity and nothing else: Soul is the substance, life and intelligence of man, which is individualized, but not in matter (Mary Baker Eddy).

Man’s moral and emotional nature as distinguished from his intellect (моральная или эмоциональная часть человеческой личности, противопоставляемые разуму): a man with more soul than brains.

The psychical or spiritual nature of the Universe, conceived as related to the physical world as the human soul to the human body, the world-soul (духовное начало Вселенной, соотносимое с физическим миром так же, как человеческая душа с человеческим телом) (WTNID, т. 2, с. 2403):

The subjects discussed, as I have since learned from Mr. Otis, were merely such as from the ordinary conversation of cultured Americans of the better class, such as ... the importance of Boston in the development of the world-soul... . (Wild, O. The Canterville Ghost).

A disembodied spirit
(бестелесный дух):

That is only Son & every soul in heaven
Shall bend the knee.

(Milton)

бестелесный дух):

That is only Son ... every soul in heaven
Shall bend the knee.

(Milton)

По коннотативному значению (семема K1):

A human being, a person (человек, личность):

Poor soul, dear soul, etc.

The leader, inspirer, a person conspicuous for spiritual qualities (лидер, вдохновитель, человек, обладающий определенными душевными качествами, харизмой):

The soul of the enterprise.

Courage, spiritual force (храбрость, душевная сила):

To have the spirit to do smth.

Exemplification of some quality (пример какого-либо качества):

He is the soul of humor.

Таким образом, схематично семантическая структура лексемы «soul» в английском языке может быть представлена так:

D1 - бессмертная часть человека, определяющая его личностные качества;

D2 –

1) вместилище настоящей жизни, движущая или важная часть чего-либо;

2) то же, что “Бог”;

3) моральная или эмоциональная часть человеческой личности, противопоставляемые разуму;

4) духовное начало Вселенной, соотносимое с физическим миром так же, как человеческая душа с человеческим телом;

5) бестелесный дух;

K1 – 1) человек, личность;

2) лидер, вдохновитель, человек, обладающий определенными душевными качествами, харизмой;

3) храбрость, душевная сила;

4) пример какого-либо качества.

Анализ словарных дефиниций лексем, представляющих исследуемый концепт в современных русском и английском языках, позволяет сделать вывод о том, что в сознании носителей обоих языков “душа” – это прежде всего бессмертное начало, определяющее личностные качества человека и продолжающее существовать после его смерти. В обеих культурах понятие “душа” может интерпретироваться как то или иное свойство характера, а также человек с теми или иными свойствами характера, как вдохновитель чего-либо, главное лицо какого-то мероприятия и, наконец, как синоним к слову «человек». Носители англоязычной культуры соотносят понятия “Soul” и “God”(бог) по тому же принципу, что и носители русской культуры (ср. “Святой Дух” и “Бог”).

Но для носителей англоязычной культуры понятие “soul” охватывает и неодушевленные и абстрактные понятия (может выражать важную часть чего-либо, философскую категорию «мировой души»), а также является синонимом слова «храбрость». Кроме того, представители этой культуры в отдельных контекстах склонны противопоставлять «душу» и «разум», так же как представители русской культуры противопоставляют «разуму» «чувства».

Таким образом, на основании проведенного анализа можно сделать вывод, что интерпретация понятия «душа» в русской и англо-американской культурах в целом схожа. В обеих культурах основным является восприятие данного понятия как обозначения личностных, эмоциональных качеств человека, но с тем различием, что в последней «духовное», по-видимому, понимается как «эмоциональное», а следовательно, иррациональное в противоположность «разумному», рациональному.

Литература

1. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / Российская АН.; - М.:

АЗЪ, 1996 – 928 с.

2. Longman Dictionary of English Language and Culture – Longman Group UK Ltd, 1998.

Semantic structure of lexeme «soul» in the English language

Н. А. Zhuravleva

The article deals with semantic structures which represent concept “soul” in the Russian and English languages. It aims research understanding of this concept by bearers of both cultures via looking into questions of similarities and differences in these structures.

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет

Научное издание

НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

Научный журнал

Воронежского государственного архитектурно-строительного
университета

Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация»

2006, выпуск 1

Научный журнал

Отпечатано в авторской редакции

Подписано в печать . Формат 60x84/8. Уч.-изд.л. 15,6.
Усл.печ.л. 15,7. Бумага писчая. Тираж 100 экз. Заказ №

Отпечатано: отдел оперативной полиграфии
Воронежского государственного архитектурно-строительного университета
394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84

